BL 781
.B36

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

YUDIN
OLLECTION
F 121
B 3

ПОЛИѲЕИЗМЪ

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

ОБЗОРЪ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ,

СЪ КРАТКИМЪ ОЧЕРКОМЪ РЕЛИГІИ РИМЛЯНЪ,

СОСТАВИЛЪ

Ю. БАЗЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

Baz, Yurii.
"Politeizm drevnikh g

ПОЛИѲЕИЗМЪ

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

ОБЗОРЪ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ,

СЪ КРАТКИМЪ ОЧЕРКОМЪ РЕЛИГІИ РИМЛЯНЪ,

СОСТАВИЛЪ

Ю. БАЗЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

BL781
B36

Ἦ μὴν ἔτι Ζεὺς καίπερ ἀυθάδη φρονῶν
ἔσται ταπεινὸς, ὅιον ἐξαρτύεται
γάμον γαμεῖν: ὅς αὐτὸν ἐκ τυραννίδος
θρόνων τ' αἴστον ἐκβαλεῖ.

Aeschyl. Prometh. 908.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 29 октября 1854 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

При преподаваніи древнихъ языковъ я неоднократно ощущалъ недостатокъ въ руководствѣ къ познанію миѳологіи и религіи древнихъ Грековъ и Римлянъ, написанномъ на Русскомъ языкѣ, на которое можно бы было ссылаться при объясненіи классиковъ. Составленіемъ этого сжатаго обзора вѣрованій и обрядовъ древнихъ Грековъ и Римлянъ я имѣлъ въ виду пополнить этотъ недостатокъ, хотя въ нѣкоторой степени.

Назначеніе этого обзора опредѣлило объемъ и содержаніе его. Я считалъ нужнымъ исключить изъ него всѣ сомнительныя предположенія, догадки и толкованія, съ ихъ доводами и доказательствами, и довольствоваться одними несомнѣнными результатами новѣйшихъ изслѣдованій. Что же касается до миѳовъ Греческихъ, то я старался представить ихъ по возможности въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранены въ Греческихъ памятникахъ.

Въ очеркѣ Римской религіи нѣтъ миѳовъ, потому что ихъ не было въ самой религіи,

представлявшей однѣ только церемоніи (caerimoniae, ritus). Миѳы о богахъ, встрѣчающіеся у поэтовъ, созданы ими же въ подражаніе Грекамъ.

При составленіи этого обзора я пользовался сочиненіями: Эккермана, *Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der vorzüglichsten Völker des Alterthums,* Швенка, *Mythologie der Griechen,* Штура, *Religionssysteme der Hellenen,* кромѣ сочиненій Крейцера, Гефтера, Миллера, Ваксмута, Германа и другихъ означенныхъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ этого обзора.

Очеркъ Римскаго полиѳеизма составленъ по брошюрѣ Цумпта, *die Religion der Römer,* въ которой кратко изложенъ существенный характеръ Римской религіи безъ излишнихъ и сбивчивыхъ мелочей, ожидающихъ еще критической разработки.

Такъ какъ въ этомъ сочиненіи я имѣлъ въ виду изложить вѣрованія и обряды всей массы народа Греческаго и Римскаго, то я только слегка могъ коснуться философіи и вліянія разныхъ философскихъ школъ на полиѳеизмъ, и считалъ нужнымъ опустить много миѳовъ, въ особенности Римскихъ, встрѣчающихся у поэтовъ и о которыхъ сомнительно, въ какой мѣрѣ они проникли въ сознаніе народа.

СОДЕРЖАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА.

Развитіе полѳѳизма.

Жизнь древнихъ Грековъ, до достиженія той степени гражданскаго устройства, на которой этотъ народъ является въ историческія времена, испытала много переворотовъ и прошла много степеней развитія, занявшихъ продолжительный періодъ времени, обозначаемый въ исторіи Греческой именемъ Пелазгическаго илиДогелленскаго, и рѣзко отличавшійся отъ послѣдующаго періода Гелленскаго, въ которомъ жизнь Грековъ развивалась на новыхъ началахъ. Пелазгическій періодъ характеризуется тѣсною связью человѣка съ природою, жизнью простою, земледѣльческою. Второй періодъ, Гелленскій, начинается преобладаніемъ въ Греціи племени Гелленовъ, употребленіемъ на войнѣ колесницъ, господствомъ извѣстныхъ родовъ героевъ надъ прочею массою народонаселенія и проявленіемъ первыхъ началъ государственнаго устройства.

Равнымъ образомъ и въ религіозномъ развитіи Грековъ можно отличить двѣ степени, именно: 1) религіозное сознаніе Пелазгическаго времени, извѣстное

только по догадкамъ, основаннымъ на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, и 2) религіозное сознаніе Гелленскаго времени, бывшее главнымъ источникомъ богатѣйшей литературы и искусствъ Греческихъ.

Въ первомъ изъ означенныхъ періодовъ, тѣсная связь человѣка съ природою наложила на религію Грековъ печать поклоненія природѣ и ея силамъ, проявляющимся въ ея явленіяхъ. Явленія, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ небеснымъ сферамъ, какъ то: явленіе солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, перемѣна дня и ночи, вѣтры, дожди, молнія и проч., заставляли предполагать божество, которое, какъ источникъ этихъ явленій, имѣло бы мѣсто на небѣ. Явленія, которыя по-видимому находятся въ связи съ землею, отнесены къ божеству, кроющемуся въ нѣдрахъ ея. Божество, пребывающее по тогдашнимъ понятіямъ на небѣ, называли Зевсомъ (*Ζεύς*), что значило небо, день, свѣтъ.

Остатки поклоненія Зевсу, какъ божеству неба, мечущему молніе, оплодотворяющему землю дождемъ и изъявляющему свою волю дуновеніемъ вѣтра, сохранились долгое время въ Додонѣ, городѣ Эпира, гдѣ Селлы, фамилія жрецовъ (*Σελλοί*) и три старухи по имени *πελειάδες* (голубицы, Пеліяды) предвѣщали будущее, то изъ шума священнаго дуба (*ἐκ δρυὸς ὑψικόμοιο*), то изъ журчанія источника, вытекавшаго изъподъ дерева, и въ послѣдствіи изъ звука, который раздавался, когда отъ вѣтра ремень бича, находившагося въ рукахъ истукана, приходилъ въ движеніе и ударялъ въ висѣвшую напротивъ металлическую доску (*λέβης*).

Вмѣстѣ съ Зевсомъ поклонялись въ Додонѣ еще *божеству женскому*, которое поставлено къ Зевсу въ отношеніе супружества. Это божество женское была Діона (*Διώνη*), старшая изъ Гіядъ [1]), съ которою Зевсъ соединяется посредствомъ дождя (*ἱερὸς γάμος*). Она была богинею земли, любви и плодородія.

Имя Діоны, какъ супруги Зевса, въ послѣдствіи пришло въ забвеніе, когда съ возрастающимъ значеніемъ Аргоса и Микенъ ея мѣсто заняла богиня этой страны Гера.

Въ другихъ мѣстахъ Греціи обоготворяемы были, какъ въ Додонѣ, силы природы подъ разными именами: Деметры, Аѳины, Аполлона, Гефеста и другихъ, коихъ первоначальное значеніе впослѣдствіи измѣнилось и пришло въ забвеніе.

Вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, послужившихъ къ развитію новыхъ началъ гражданственности, свойственной второму періоду исторіи Греческой, періоду Геллениэма, кругъ мыслей Грековъ расширился, взглядъ ихъ на житейскія отношенія прояснился и вообще духовная жизнь пробудилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное сознаніе Грековъ не довольствовалось божествами, проявляющимися въ однихъ только явленіяхъ природы, но стало искать божествъ, къ которымъ можно бы было отнести многостороннія явленія жизни человѣческой.

---

[1]) Гіяды, *ὑάδες*, имя, происходящее отъ *ὕειν*, pluere, дождь идетъ, означало въ послѣдствіи созвѣздіе семи звѣздъ, съ появленіемъ которыхъ начинались дожди.

Кромѣ того Греки признавали всякое божество, которое они гдѣ либо встрѣчали, такъ что съ распространеніемъ сообщеній между Греками умножилось и число боговъ ихъ. Но духъ человѣческій требуетъ единства, онъ не можетъ довольствоваться разнообразіемъ явленій, а старается приводить ихъ къ общему началу, къ единому источнику.

Поэтому существованіе многихъ боговъ, которые всѣ бы имѣли равное значеніе, даже Грекамъ казалось невозможнымъ, и, по мѣрѣ того, какъ они ознакомились съ новыми божествами, ихъ умъ старался опредѣлить отношеніе этихъ божествъ къ старымъ, дать каждому изъ нихъ болѣе опредѣленный кругъ дѣйствія и приличное вліяніе на судьбу міра. Эти вопросы породили у Грековъ разнообразнѣйшія сказанія о богахъ или миѳы, въ которые воображеніе облекло темныя ихъ понятія о божествѣ.

Представленія Грековъ о ихъ богахъ.

Сила боговъ проявлялась въ духовномъ мірѣ—надо было дать богамъ духъ; она проявлялась еще болѣе, по понятіямъ Грековъ, въ вещественномъ мірѣ — надобно было дать имъ тѣло, и такимъ образомъ въ воображеніи Грековъ боги стали не только существами духовными, но и существами, имѣющими тѣло. Воображеніе человѣка однако не знаетъ тѣла выше человѣческаго, а религіозное чувство его отвергаетъ для божества таковое тѣло, какъ несогласное съ идеею божества. Для устраненія этого противорѣчія, вообра-

женіе Грековъ приписало богамъ тѣло въ общихъ чертахъ подобное человѣческому, или лучше сказать нѣчто подобное тѣлу человѣческому, quasi corpus.

Это тѣло боговъ больше человѣческаго, оно иногда представляется въ исполинскихъ размѣрахъ, какъ наприм. у бога войны Ареса, который, падая въ поединкѣ съ однимъ изъ героевъ Троянской войны, покрываетъ пространство семи плетровъ (или семи сотъ футовъ). Вмѣсто крови, въ жилахъ тѣла боговъ течетъ что-то въ родѣ крови, quasi sanguis, ἰχὼρ.

Боги, по преданіямъ Грековъ, являлись иногда человѣку. Для этого они принимаютъ то образъ птицъ, то образъ человѣка, иногда они закрываются въ облако или туманъ.

Получивъ тѣло, боги Грековъ подверглись всѣмъ ограниченіямъ, которыми одержимъ человѣкъ въ своемъ тѣлесномъ существованіи. Во первыхъ боги Грековъ нуждались, для поддержанія своего безсмертнаго тѣла, въ пищѣ (амвросіи) и питьѣ (нектарѣ), и подъ вечеръ каждаго дня богами овладѣвалъ сонъ. Далѣе тѣло ставитъ боговъ въ зависимость отъ условій мѣста, ибо, боги хотя могутъ дѣйствовать издали и отовсюду слышутъ просьбы смертныхъ, однако часто требуется ихъ присутствіе на самомъ мѣстѣ событій и нерѣдко просьбы людей не достигаютъ ихъ слуха.

Эти ограниченія воображеніе Грековъ пыталось устранить тѣмъ, что оно снабдило боговъ сверхъ-человѣческою остротою внѣшнихъ чувствъ и удивительною быстротою движеній. Шаги боговъ, по истинѣ, исполински. Чтобъ идти въ Лемносъ, Гера, оставивъ

вершины Олимпа и вступивъ въ Піерію и Иматію, спѣшила по высочайшимъ вершинамъ горъ Θракійскихъ, не касаясь земли ногами; съ Аѳоса она вступила на море и вошла въ Лемносъ (Ил. XVI, 225).

Иногда боги ѣдутъ также на колесницахъ, но крыльевъ главнымъ божествамъ не приписывало воображеніе Грековъ. Гермесъ, вѣстникъ боговъ, надѣваетъ на ноги башмаки съ крыльями, и только олицетворенія отвлеченныхъ понятій: побѣда, сонъ, смерть, ночь, заря имѣютъ крылья.

Равнымъ образомъ прочія свойства, приличныя божествамъ, ограничиваются предѣлами, которые поставила имъ какъ тѣлесная природа ихъ, такъ и грубость языческихъ понятій. Боги живутъ припѣваючи (μάκαρες, ἀκηδέες, ῥεῖα ζώοντες), они проводятъ время въ пирахъ, игрѣ на лирѣ и пляскѣ; но боль и раны, гнѣвъ, досада, зависть, самолюбіе и другія страсти тревожатъ ихъ мирное бытіе.

Боги чисты (ἁγνοί), и наказываютъ зло (ἄγος, μήνιμα); однако они даже сами вводятъ человѣка въ грѣхъ. Афродита соблазнила Гелену оставить своего супруга Менелая; Гермесъ научаетъ людей обману.

Боги знаютъ все и Зевсъ есть источникъ всѣхъ оракуловъ; однако боги не знаютъ намѣреній Зевса и Зевсъ съ своей стороны бываетъ ими обманутъ.

Боги всемогущественны (θεοὶ δὲ πάντα δύνανται), но они взаимно ограничиваютъ себя и каждый имѣетъ опредѣленный кругъ дѣйствія, за который онъ не можетъ переступить. Наконецъ всѣ боги подчинены волѣ Зевса, который съ своей стороны не можетъ измѣнить

хода судьбы (*μοῖρα, αἶσα*, Ил. XVI, 434), хотя опять богини судьбы (*Μοῖραι*) считались дочерьми Зевса и были имъ подчинены.

Изъ предъидущаго видно, что, не имѣя истиннаго понятія о божествѣ, Греки придали своимъ богамъ такія же свойства, какія они находили въ человѣкѣ, только въ высшей степени. Даже то, чѣмъ единственно боги Греческіе отличались отъ человѣка — безсмертіе ихъ не слѣдовало изъ самой божественной ихъ природы, а зависѣло отъ постояннаго употребленія амвросіи и нектара [1]); и Одиссей, по понятіямъ Гомеровскаго времени, могъ бы сдѣлаться также безсмертнымъ и слѣдовательно богомъ, еслибъ онъ хотѣлъ вкусить у Калипсо амвросіи и нектара (Од. V, 195—200, V, 136; Ил. V, 341).

Когда развились такимъ образомъ представленія Грековъ о богахъ, какъ о существахъ, подобныхъ человѣку и различныхъ отъ него только *степенью* силъ и качествъ — антропоморфизмъ, каковой мы встрѣчаемъ у Гомера, — то для того, чтобъ міръ боговъ былъ въ полномъ смыслѣ отблескомъ человѣческаго міра, недоставало немногаго: именно происхожденія, мѣста жительства и устройства въ родѣ гражданскаго.

Θεογονία.

Эти вопросы возникали въ умахъ Грековъ вмѣстѣ съ ихъ антропоморфическими представленіями о богахъ

[1]) *Ἀμβρόσια*, по этимологіи, значитъ безсмертіе, слѣдовательно боги ѣдятъ безсмертіе! Слово нектаръ производятъ отъ отрицанія *νε* и корня глагола *κτείνω*, убиваю.

и дали начало разнообразнѣйшимъ сказаніяиъ о происхожденіи боговъ, ихъ борьбѣ за владычество надъ міромъ и о ихъ отношеніяхъ между собою и къ человѣку. Но такъ какъ по недостаточности познаній физическихъ того времени, Греки во всѣхъ предметахъ природы предполагали божество и олицетворяли кроющіяся въ нихъ силы естественныя, то сказанія о происхожденіи боговъ — θеогоніи — заключали въ себѣ также мечтанія Грековъ о происхожденіи и переворотахъ міра видимаго и невидимаго — космогоніи.

Древнѣйшій памятникъ θеогоніи мы имѣемъ въ одномъ изъ сочиненій Гезіода, Віотійскаго пѣвца, жившаго въ 9 столѣтіи до Р. Х. Содержаніе ея въ главныхъ чертахъ слѣдующее.

Въ началѣ произошелъ Хаосъ, потомъ Гая (земля), вѣчно твердое мѣстопребываніе всего, мрачный Тартаръ въ глубинѣ земли и Эросъ (Любовь) [1]. Изъ Хаоса произошли сверхъ того Мракъ (Эревосъ) и черная Ночь, а отъ Мрака и Ночи родились Эθиръ и День. Земля (Гая) родила себѣ равное Небо (*Οὐρανός*), потомъ Горы и Понтъ. Но послѣ этого отъ Неба и Земли родились Океанъ и Титаны [2] (*Κοῖος*, *Κρεῖος*, *Ὑπερίων*,

---

[1]) Въ Θеспіяхъ, городѣ Віотіи, издревле поклонялись Эросу, какъ одному изъ началъ мірозданія. Павз. IX, 27,2.

[2]) Имена Титановъ объясняются слѣдующимъ образомъ: *Ὠκεανός* быстротекущій; *Κοῖος* элементъ смущающій, хаотическій; *Κρτος* или *Κρεῖος* элементъ разбирающій, приводящій въ порядокъ; *Ὑπερίων* элементъ стремящійся вверхъ; *Ἰαπετός* влекущій внизъ; *Θεία* и *Ῥεῖα* два элемента движенія; *Θέμις* установительница всего движу-

Ἰαπετὸς, Θεῖα, Ρεῖα, Θέμις, Μνημοσύνη, Φοίβη и *Τηθύς*) и младшій изъ нихъ Кроносъ.

Та же Земля родила Киклоповъ, съ однимъ глазомъ на лбу: *Βρόντην*, Громъ, *Στερόπην*, Молніе, и *Ἄργην*, Быстрый, которые готовили Зевсу громъ и ковали ему молніе. Сверхъ того отъ Земли и Неба родились сторукіе великаны: Коттосъ (*Κόττος*), Вріарей (*Βριαρεύς*) (на языкѣ боговъ называвшійся Эгеонъ (*Αἰγαίων*) и принимаемый за божество морское) и Гіесъ (*Γύης*). Всѣ дѣти Земли и Неба были ненавистны отцу, и онъ скрывалъ ихъ въ нѣдрахъ Земли и не выпускалъ на свѣтъ. Земля, негодуя на это, убѣдила Кроноса изувѣчить Отца серпомъ. Изъ крови Неба, падшей на Землю, родились Эриніи (*Ἐρίννυες*) — богини-мстительницы отцеубійства и всякаго кровопролитія — и Гиганты [1]), и Нимфы Ясеневыя [2]), а изъ крови, упавшей въ море и собравшейся въ пѣнѣ волнъ, выступила Афродита, богиня любви.

Отъ Титановъ и отъ Океана Гезіодъ производитъ, какъ дѣтей, разныя существа, которыя всѣ были оли-

---

щагося и шаткаго и *Μνημοσύνη* элементъ возбуждающій закоснѣвшее и застоявшееся; *Φοίβη* очистительница, отдѣляющая негодное и вредное; *Τηθύς* питательница, собирающая полезное и нужное; и послѣ всѣхъ этихъ элементовъ рождается Кроносъ, приводящій все къ довершенію (отъ *κραίνω*, *κρααίνω*, довершаю).

[1]) Слово *Гиганты*, по этимологіи, означаетъ рожденныхъ отъ земли.

[2]) Ясень въ Греціи была между растеніями самымъ величественнымъ проявленіемъ силъ природы.

цетвореніями 1) или предметовъ природы, какъ напр. всѣ рѣки и источники, дочери Океана; солнце, луна и заря, дѣти Гиперіона (Высоты Небесной) и Θеій, или 2) предметовъ отвлеченныхъ, какъ то: *Ζῆλος* (рвеніе), *Νίκη* (побѣда), *Κρατὸς* (сила), *Βία* (насиліе) и Судьба, Смерть, Сонъ, Сновидѣніе и Мойры (*Μοῖραι*), богини прядущія жребій человѣка [1]), или 3) представителями разныхъ направленій духовной жизни человѣка, какъ то девять Музъ, дочери Мнимосины (Памяти) [2]).

Кромѣ того отъ Титановъ Гезіодъ производитъ разныя чудовища воздуха, земли и моря, какъ напр. Горгонъ, Гарпій, Гиріонея трехглаваго, Химеру, Эхидну и другія, коихъ существованіе въ воображеніи Грековъ объясняется недостаточностію познаній географическихъ и физичесхихъ того времени.

Отъ Кроноса и Реи родились Истія или Эстія, Деметра и Гера, также мощный Аидъ или Адъ (Невидимъ), сильнозвучащій Энносигей (Потрясающій землю) или Посидонъ и Зевсъ.

Но чтобъ никто изъ дѣтей не низложилъ отца и не овладѣлъ бы властью надъ міромъ, какъ было предсказано, то Кроносъ пожиралъ своихъ дѣтей тотчасъ по

---

[1]) Имена Мойръ были: Клото (*Κλώθω*), прядущая, Лахезисъ (*Λάχησις*), Жребій и Атропосъ (*Ατροπὸς*), Неотвратимая.

[2]) Ихъ имена слѣдующія: Кліо, Евтерпа, Θалія, Мелпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимнія, Уранія, Калліопа. Всѣ онѣ вмѣстѣ покровительствуютъ поэзіи и искусствамъ. Распредѣленіе же ихъ должностей въ отдѣльности принадлежитъ Александрійскому періоду Греческой литературы.

ихъ рожденіи. Когда же родился младшій изъ дѣтей Кроноса—Зевсъ, Рея подала отцу, вмѣсто сына, завернутый въ пеленахъ камень, и скрыла Зевса на островѣ Критѣ. Зевсъ, въ короткое время, достигшій великой силы, съ помощію Митисъ (*Μῆτις*) consilium, низложилъ отца и заставилъ его выплюнуть поглощенныхъ дѣтей. И Кроносъ сперва отдалъ отъ себя камень, который Зевсъ поставилъ въ Дельфахъ, въ великолѣпномъ Пиѳо.

Титаномахія.

Не безъ борьбы однако Титаны уступили господство надъ міромъ. Десять лѣтъ продолжалась борьба между новымъ поколѣніемъ боговъ, которые собрались вокругъ Зевса на Олимпѣ, и Титанами, сражавшимися съ Оѳриса [1]) (Титаномахія). Наконецъ Зевсъ, по совѣту Ги (Земли), освободилъ изъ Тартара заключенныхъ тамъ Киклоповъ и Сторукихъ исполиновъ. Первые доставили ему молнія и громъ, вторые метали огромныя скалы на Титановъ, такъ что побѣда осталась за Зевсомъ и Титаны низвержены въ Тартаръ, который на столько отдѣленъ отъ земли, на сколько земля отъ небеснаго свода. Здѣсь Екатонхиры (Сторукіе), вѣрные стражи Зевса, стерегли ихъ въ желѣзныхъ оковахъ и въ тройномъ мракѣ. Такимъ образомъ Греки при объясненіи происхожденія міра, со всѣми въ немъ дѣй-

---

[1]) Въ Ѳессаліи двѣ горы, раздѣляемыя русломъ рѣки Пенея, близъ устьевъ ея, назывались: одна Олимпомъ, а поднимавшаяся на противоположномъ берегу — Оѳрисомъ.

ствующими силами и законами, начинали съ матеріи, Хаоса, и выводили изъ нея посредствомъ рожденія боговъ и настоящій порядокъ міра.

По низложеніи Титановъ Зевсъ раздѣлилъ господство надъ міромъ съ братьями Посидономъ и Адомъ или Адонеемъ слѣдующимъ образомъ.

Обзоръ божествъ Греческихъ и взглядъ на ихъ отношенія между собою. — Царство Адопея.

Адъ или Адоней съ супругою Персефоной (или Корой (Дѣва) Proserpina) принялъ въ управленіе подземное царство Эревосъ (Мракъ), царство мертвыхъ. О положеніи этого царства у Гомера два представленія. По одному царство Ада съ рѣкою Стиксомъ находится вообще подъ землею (Ил. 20, 61; 8, 369). По другому представленію, изложенному съ большею подробностію въ разныхъ мѣстахъ Одиссеи, царство Ада находится за Океаномъ [1]), куда никогда не проникаетъ лучъ солнечный. Здѣсь низменный берегъ и рощи Персефоны, съ высокими тополями и безплодными ивами; здѣсь въ Ахеронъ изливаются Пирифлегеѳонъ (огнемъ пылающій) и Кокитъ (плачъ), рукавъ Стикса (рѣки ненавистной, отъ *στύγω*, ненавижу); здѣсь сырая, асфоделомъ поросшая поляна, по которой прогуливаются тѣни мертвыхъ, и за нею мрачное жилище Ада и Персефоны.

---

[1]) Океанъ у Гомера—рѣка, обнимающая кругъ земель, и такъ какъ по представленіямъ того времени солнце закатывалось въ Океанъ, то съ мѣстами, лежащими за Океаномъ, соединялась мысль о вѣчномъ мракѣ.

Такимъ образомъ преисподняя съ своими обитателями составляла въ умахъ Грековъ особенный міръ, противоположный міру земному, освѣщенному свѣтомъ солнечнымъ. Мертвые, вступивъ въ оный послѣ похоронъ, сохраняютъ отъ прежней жизни одно лишь воспоминаніе. Это вѣрованіе, будто мертвые въ царствѣ Ада помнятъ то, что они знали при жизни, служило основаніемъ особенному роду оракуловъ, извѣстныхъ подъ именемъ *νεκυμαντεῖα* (прорицалищъ мертвыхъ).

Для полученія оракула отъ мертвыхъ совершали разные обряды, посредствомъ которыхъ считалось возможнымъ возстановить хотя на время связь съ преисподней и ея обитателями. Такъ у Гомера Одиссей, желая узнать у умершаго уже Тирезія, знаменитаго вѣщуна Ѳиванскаго, предстоявшія себѣ опасности и бѣдствія, отправился съ товарищами къ берегамъ Океана. Здѣсь онъ вырылъ яму, совершилъ тройное возліяніе: 1) изъ смѣси вина съ медомъ, 2) изъ чистаго вина и наконецъ 3) изъ воды. Ко всему этому онъ присыпалъ бѣлаго ячменю. Потомъ, обѣщавъ мертвымъ и особенно Тирезію болѣе обильныя жертвы, когда онъ возвратится въ отечество, онъ заклалъ бывшихъ при немъ овецъ, такъ что кровь отъ нихъ потекла въ яму. Вслѣдъ за тѣмъ души усопшихъ во множествѣ собрались около ямы. Тогда Одиссей приказалъ товарищамъ содрать съ закланныхъ овецъ шкуры и возжечь ихъ съ мольбами Аду и Персефонѣ. Самъ онъ, ожидая появленія Тирезія, острымъ мечемъ своимъ удерживалъ тѣни мертвыхъ, которыя, жаждая крови, толпились около ямы. Привлеченный кровію жертвъ,

Тирезій наконецъ явился и далъ ему желанныя объясненія.

Такого рода оракулъ находился, сколько извѣстно, въ Ѳеспротіи, гдѣ у рѣки Ахерона мертвые давали отвѣты на вопросы живыхъ. Въ Віотіи, въ городѣ Лебадеи близь Ѳивъ, находился другой оракулъ этого рода, подъ именемъ Трофоніева. Здѣсь была глубокая пещера, которая почиталась однимъ изъ мѣстъ входа въ преисподнюю. Приходившіе сюда за оракуломъ подвергались сперва голоду, частому омовенію въ минеральныхъ источникахъ и, изнуренные этими и другими обрядами, спускались чрезъ узкое отверстіе въ пещеру, гдѣ они, пробывъ нѣсколько времени въ самозабвеніи, имѣли разныя видѣнія, которыя они толковали потомъ какъ знали.

Царство Посидона.

Посидонъ Эносигей (Потрясатель земли, отъ *ἔνοσις*— потрясеніе, и *γαῖα* — земля) получилъ въ удѣлъ себѣ море и живетъ попеременно то на Олимпѣ, то въ глубинѣ моря; въ великолѣпномъ дворцѣ близь острова Эге, съ супругою Амфитритою, омывающею землю своими водами. Ему подвластны божества, которыя имѣютъ свое постоянное жилище въ разныхъ мѣстахъ моря, въ рѣкахъ и источникахъ. Изъ нихъ самыя замѣчательныя: кроткій старецъ *Нерей* (*γέρων ἅλιος*) живетъ съ супругою Доридою, на днѣ Эгейскаго моря, въ кругу прекрасныхъ дочерей Нереидъ, прядущихъ на золотыхъ прялкахъ и покровительствующихъ морякамъ. Онъ знаетъ свой удѣлъ во всѣхъ направленіяхъ

и указываетъ, хотя неохотно, Геркулесу путь къ Гесперидамъ.

Протей близь устьевъ Нила пасетъ на островѣ Фаросѣ стадо фокъ, можетъ превращаться въ разныя формы: въ льва, дракона, барса, воду и дерево, и предсказываетъ будущее.

Форкисъ — существо подобное предъидущимъ, имѣетъ свое пребываніе въ морѣ на западѣ отъ Греціи, гдѣ въ Ѳеакѣ ему посвящена была гавань. (Од. XIII, 96).

Тритонъ (или во множествѣ Тритоны) съ тѣломъ человѣческимъ, оканчивающимся хвостомъ дельфина, по приказанію отца своего Посидона успокоиваетъ волненіе моря звуками трубы своей, сдѣланной изъ раковины.

Боги Олимпійскіе [1]).

Небо досталось въ удѣлъ *Зевсу,* «отцу боговъ и царю людей, сильнѣйшему изъ безсмертныхъ» (Ил. VIII, 8). На вершинахъ Олимпа, надъ которымъ разстилается безоблачный эѳиръ, куда не достигаютъ ни вѣтеръ, ни снѣгъ, ни дождь, живутъ блаженные боги Олимпійскіе въ дворцахъ, построенныхъ Гефестомъ. На высочайшей вершинѣ возвышается дворецъ Зевса, въ которомъ сосредоточивается управленіе міромъ, какъ въ дворцахъ Алкиноя и Одиссея сосредоточивалась власть надъ Феаками и Ѳеакійцами. Въ дворецъ Зевса собираются его сестра и супруга Гера, братъ его По-

[1]) *Nägelsbach,* Homerische Theologie in ihrem Zusammenhange.

сидонъ, дѣти его: Аѳина, Аполлонъ, Артемида, Гермесъ, Гефестъ, Аресъ и Афродита, и составляютъ совѣтъ боговъ (*θῶκος θεῶν*), какъ около Агамемнона составлялся совѣтъ вождей Греческихъ (*βουλή*). Въ совѣтѣ боговъ преобладала воля Зевса, какъ сильнѣйшаго изъ боговъ; равнымъ вѣсомъ пользовалась по праву Гера, какъ сестра и супруга Зевса, и отъ ихъ согласія зависѣло повиновеніе прочихъ боговъ (Ил. IV, 62), въ особенности Посидона (Ил. XV, 49), который неоднократно требовалъ себѣ равныхъ правъ съ Зевсомъ и не хотѣлъ признавать его первенства (Ил. XV, 185—219). Но согласіе супруговъ (Зевса и Геры) часто было нарушаемо: отъ *неуступчивой* (*οὐκ ἐπιεικτὸν μένος*) супруги родился *Аресъ*, самый ненавистный изъ боговъ, у котораго «на умѣ всегда и вражда и войны и битвы» (Ил. V, 890). Намѣреніямъ Зевса противится также, и часто съ успѣхомъ, своенравная дочь его *Аѳина*, родившаяся отъ него одного, безъ участія женскаго [1]). Она послѣ Зевса признается высшимъ и могущественнѣйшимъ божествомъ и часто Греки, у Гомера, обращались въ молитвахъ преимущественно къ ней вмѣстѣ съ Зевсомъ, напримѣръ Ил. VIII, 287.

Одинаковою честью съ Аѳиною пользовался Фебъ Аполлонъ, любезный сынъ Зевса, всегда *согласный съ волею* отца. Его устами объявляются людямъ рѣшенія

---

[1]) Или по другому сказанію изъ головы Зевса, отъ Метисъ (*Μῆτις*, consilium, умъ), которую беременную проглотилъ Зевсъ.

и намѣренія Зевса (*θεμιστες, νημερτής βουλή Διός*). Равнымъ образомъ сестра его, рѣзвая (*αγροτέρη, κελαδεινή*) Артемида, не имѣетъ собственной воли, и когда она однажды вздумала упрекнуть брата въ томъ, что онъ уступилъ старшимъ, Гера лѣвою рукою схватила ее за руки, правою, сняла съ ея плечъ лукъ и ударила ее по щекѣ: и прослезившись, богиня бѣжала предъ Герою, какъ голубь предъ ястребомъ (Ил. 21, 489). Хромой искусникъ Гефестъ, въ противоположность стройному воину Аресу, любитъ миръ, и когда однажды Зевсъ и Гера подняли между собою брань, Гефестъ успокоиваетъ мать и шутками возстановляетъ миръ на Олимпѣ (Ил. I, 571). Чувственная сторона союза Зевса съ Герою нашла представительницу себѣ въ Афродитѣ, богинѣ любви, убираемой и украшаемой самими Харитами (радостями) (Ил. V, 429: *ἀλλὰ σὺγ ἱμερόεντα μετέρχεο ἔργα γάμοιο*) [1]). Гермесъ, сынъ Зевса отъ нимфы Маи, охотно исполняетъ волю отца и служитъ ему при разныхъ порученіяхъ, преимущественно такихъ, исполненіе которыхъ требуетъ ума и собственнаго соображенія, чѣмъ Гермесъ и отличается отъ Ирисъ (радуга), которая только вѣстница боговъ.

Въ сопровожденіи этихъ божествъ въ собраніяхъ на Олимпѣ являются также божества второстепенныя: Ѳемида—законъ, постановленія, порядокъ—созываетъ боговъ на совѣщаніе. (Ил. XIX, 4). *Горы*, богини-представительницы смѣны временъ, открываютъ и за-

[1]) У Гомера Арфодита—дочь Зевса и Діоны, между тѣмъ какъ у Гизіода ея происхожденіе разсказано иначе.

крываютъ врата Олимпа и производятъ перемѣны погоды. Музы увеселяютъ, подъ игру Аполлона, пиры боговъ прекраснымъ голосомъ своимъ. *Геба* (*Ἥβη*), вѣчная юность и *Ганимедъ*, Фригійскій отрокъ, похищенный Зевсомъ и одаренный безсмертіемъ, подносятъ богамъ яства и нектаръ.

Къ Олимпійскимъ богамъ причисляли впослѣдствіи еще Гестію или Истію, обоготворенный очагъ, символъ семейственнаго и государственнаго союза, ибо *ἑστία* по-гречески очагъ. Ея изображенія были рѣдки. Ее считали присутствующею при всѣхъ жертвахъ, и въ *пританеяхъ*, средоточіи правленія городовъ, былъ посвященъ ей алтарь съ непотухающимъ огнемъ.

Божества хѳонническія.

Кромѣ Олимпійскихъ боговъ въ сознаніи Грековъ жили божества, которымъ приписывалось исключительное вліяніе на растительную природу и посредствомъ ея также на человѣка, и коихъ существованіе было связано съ землею. Сюда принадлежатъ: Деметра съ дочерью Персефоною, даровавшія человѣку хлѣбъ, Діонисъ, даровавшій ему вино, и Гермесъ, содѣйствующій къ умноженію скота [1]). Эти божества вмѣ-

---

[1]) У Гомера Гермесъ, вѣстникъ боговъ, исполнитель порученій Зевса, хотя и участвуетъ въ собраніяхъ Олимпійскихъ боговъ, но занимаетъ между ними совершенно *подчиненное мѣсто*, между тѣмъ какъ, слѣдуя другимъ Греческимъ памятникамъ, его должно отнести къ хѳоническимъ божествамъ.

стѣ съ владыкою подземнаго царства по преимуществу назывались *хѳоническими* (отъ *χθών*, земля). Земля отдѣляетъ царство мрака отъ царства свѣта; растеніе въ видѣ сѣмяни должно низойти въ нѣдро земли прежде нежели оно восходитъ на свѣтъ къ новой жизни, и согласно съ тѣмъ хѳонические божества находятся въ связи, какъ съ подземнымъ царствомъ, такъ и съ Олимпомъ; Персефона, дочь Деметры отъ Зевса, по сказанію дѣлается супругою Ада (или иначе Плутона) и проводитъ одну часть года подъ землею, другую же съ матерью своею на Олимпѣ. Діонисъ погибаетъ зимою и оживаетъ снова съ возрожденіемъ природы весною.

Демоны и герои.

Всѣ до сихъ поръ названныя божества казались Грекамъ какъ бы слишкомъ отдаленными отъ нихъ, кругъ дѣйствія ихъ былъ слишкомъ обширенъ для того, чтобъ заниматься судьбою каждаго человѣка или каждой мѣстности въ отдѣльности. Для пополненія этого недостатка суевѣріе Грековъ предполагало новое сословіе боговъ: демоновъ (*δαίμονες*), которые, занимая средину между богами (*θεοί*) и людьми, имѣли непосредственное дѣйствіе на судьбу отдѣльнаго человѣка и семейства, или наносили вредъ цѣлому селенію, или которые, ограниченные какою-либо мѣстностію, обитали въ ней и радовались своему битію, не безпокоясь о родѣ человѣческомъ. Такимъ образомъ всѣ горы съ пещерами, источники, ручьи, деревья и рощи оживлены нимфами, горными (*ὀρειάδες*) наядами, дріядами и

баловниками (*οὐτιδανοί*), сатирами [1]). Сюда же должно отнести *Пана,* божество Аркадское, пастушеское, которое, внушая своею безобразною, получеловѣческою и полукозлиною формою отвращеніе всѣмъ, веселится въ своемъ уединеніи игрою на изобрѣтенной имъ же цѣвницѣ (*σῦριγξ*, flûte de Pan).

Почти каждое семейство приписывало свое благополучіе вліянію демона своего, который, вступая въ домъ веселый, даруетъ своимъ любимцамъ радость, счастіе и жизнь. Но онъ же приноситъ заботы, печаль и плачъ, ибо ключи печали и радости въ его распоряженіи (*ἐν σοιγὰρ λύπης τε χαρᾶς τε κλῆδες οχοῦνται*, Орф. гимнъ LXXII, LXXIII). Ему же за каждымъ обѣдомъ, по снятіи со стола яствъ, т. е. по окончаніи *τοῦ δείπνου*, выливали на землю кубокъ чистаго вина, съ восклицаніемъ: *τοῦ ἀγαθοῦ δαίμονος* (доброму демону) и съ пѣснію.

Демоновъ упоминаетъ также Гезіодъ, который опредѣляетъ притомъ ихъ число до тридцати тысячъ и сообразно съ своимъ стремленіемъ къ толкованію, свойственнымъ не только ему, но всему вѣку его, производитъ ихъ отъ перваго поколѣнія людей, жившихъ безмятежно въ золотомъ вѣкѣ подъ скипетромъ Кроноса и умиравшихъ спокойно, какъ бы засыпая сладкимъ

---

[1]) Сатиры, представители роскошной природы, изображались съ растрепанными волосами, плоскимъ носомъ, съ ушами и хвостомъ козлиными. Въ чертахъ ихъ выражена грубая чувственность. Они ни къ чему негодны; веселятся постоянно, пьютъ, пляшутъ.

сномъ. И когда, продолжаетъ Гезіодъ, земля покрыла это поколѣніе людей, они стали по волѣ великаго Зевса добрыми демонами, хранителями людей и соблюдаютъ правду и честныя дѣла, посѣщая землю, облаченные воздухомъ. (*Εργ. κ. Ἡμέρ.* 110 — 125; 246 — 253). Область демоновъ давала обильную пищу воображенію нянекъ, которыя также у Грековъ стращали дѣтей явленіемъ страшилищъ: Ламіи, Мормо, Эмпузы и другихъ, будто бы пожирающихъ непослушныхъ дѣтей.

Сходственны съ демонами были *герои*, которые въ отдѣльныхъ мѣстахъ Греціи пользовались почти равными почестями съ богами. Героями считались у Грековъ лица, жившія въ баснословныя времена, которыя, владѣя большою силою и отличными способностями, господствовали надъ толпою и водили свой родъ отъ боговъ (*ἥρωες ἡμιθέων γένος ἀνδρῶν*).

Послѣ смерти герои не теряли своего вліянія на народъ, напротивъ они продолжали помогать, защищать или даже угнетать его, смотря потому, каковыми они оказывали себя при жизни. Но ихъ дѣйствіе ограничивалось тѣмъ народомъ или тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ покоились ихъ кости. По сему Ѳиванцы, изгнавшіе своего благодѣтеля, царя Эдипа, предъ смертію звали его къ себѣ, чтобъ имѣть у себя въ своей землѣ его прахъ, съ которымъ по оракулу сопряженъ былъ перевѣсъ въ войнѣ съ Аѳинянами. Согласно съ этимъ народнымъ вѣрованіемъ оракулъ Дельфійскій велѣлъ Лакедемонянамъ, затруднявшимся войною съ Тегейцами,

искать кости своего древняго царя Ореста [1]). Такимъ же образомъ Аѳиняне для удачи своего предпріятія противъ Скироса велѣли Кимону, сыну Мильтіада, привести оттуда прахъ Ѳезея. Героевъ, которымъ приписывали демоническое дѣйствіе, было много. Всякій городъ имѣлъ своихъ героевъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали древнѣйшіе цари и ихъ родственники и къ которымъ во всѣхъ колоніяхъ принадлежали основатели ихъ (*κτίσται*).

Но не всегда герои были благосклонны и благодѣтельны; ихъ гнѣвъ былъ опасенъ. Осторожно и молча проходили мимо ихъ могилъ; а когда кому случалось встрѣтиться съ героемъ ночью, то для предотвращенія вреда, могущаго произойти отъ такой встрѣчи, онъ убѣгалъ къ жертвеннику или подъ кровъ какого-либо добродѣтельнаго человѣка. Были также герои злые, которыхъ должно было умилостивлять постоянными жертвами.

Число героевъ не ограничивалось только именами баснословными; мы встрѣчаемъ между ними также лица историческія, какъ напримѣръ Мильтіада, которому на Херсонесѣ Ѳракійскомъ воздавали геройскія почести; Лакедемонянина Вразида, котораго жители Амфиполя въ благодарность за спасеніе города отнесли къ числу героевъ своихъ.

Поклоненіе героямъ состояло въ слѣдующемъ: ограждали около ихъ могилы или кенотафія извѣстное

---

[1]) Орестъ, сынъ Агамемнона, наслѣдовалъ своему дядѣ Менелаю въ Спартѣ.

пространство (σῆκος), какъ священное, въ немъ устроивали или низкій жертвенникъ (ἐσχάρα) изъ дерна, въ видѣ очага, или яму, покрытую плетенемъ, и приносили сюда жертвы. Такое огражденное мѣсто съ могилою, жертвенникъ, иногда также украшенное памятникомъ, посвященное герою, называлось ἡρῶον.

Обыкновенное мѣстопребываніе демоновъ и героевъ находится въ подземномъ царствѣ, изъ котораго они могутъ свободно являться на поверхность земли. Впослѣдствіи послѣ сношеній Грековъ съ Персами, чрезъ Ѳессалію, распространилась по Греціи магія, γοητεία. Магія нашла сильную опору въ господствовавшемъ въ простомъ народѣ убѣжденіи о таинственныхъ силахъ подземныхъ демоновъ, которыхъ будто бы можно было, посредствомъ разныхъ наговоровъ и обрядовъ (ἐπῳδαῖς, ἐπαγώγα), вызвать изъ мрака Ада для нарушенія естественнаго хода дѣлъ, установленнаго богами. Власть надъ демонами суевѣріе народное приписало *Екатѣ* (Ἑκάτη). Эта богиня въ древности преимущественно почиталась въ Віотіи, какъ богиня властвующая на землѣ, морѣ и небѣ, доставляющая своимъ любимцамъ и богатство и побѣду и честь (Из. Ѳеог. 412 — 452). Потомъ она сравнена съ Артемидою, богинею луны. Наконецъ отдѣлили ее отъ свѣтлой личности Артемиды, придумали ей тройное человѣческое тѣло съ тремя головами, окружили стадомъ собакъ, дали въ лѣвую руку факелъ, въ правую мечъ и сдѣлали ее служительницею Персефоны и царицею демоновъ.

Ей посвящены были всѣ перекрестки (trivia), гдѣ ей и подземнымъ демонамъ въ концѣ каждаго мѣсяца

ставили яства изъ яицъ, луку и щенятъ. Къ ней преимущественно суевѣрные (*δεισιδαίμονες*) обращали свои мольбы (Theophr. Ch. XVI), и по ночамъ чародѣи и чародѣйки (*ἀγύρται*) вызывали ее разными церемоніями на поверхность земли для исполненія своихъ желаній [1]).

---

[1]) Ср. Hor. Sat. I, VIII; Epod. XX.

ВНѢШНЯЯ СТОРОНА ЯЗЫЧЕСТВА ГРЕКОВЪ.

—

Отношеніе боговъ къ человѣку.

По понятіямъ Грековъ боги управляли міромъ. Но въ управленіи міромъ боги не всегда руководствовались высшими законами справедливости, и хотя злодѣяніе вообще было ненавистно, а добродѣтель угодна богамъ, однако они часто удѣляли жребій людямъ не по заслугамъ, но слѣдовали въ этомъ произволу и страсти. Поэтому Грекъ считалъ главною своею обязанностію въ отношеніи къ богамъ приласкать ихъ къ себѣ и отвратить отъ себя ихъ гнѣвъ, всячески ухаживая за ними (*θεραπεύειντοὺς θεούς*).

Однимъ изъ первыхъ средствъ, которыми Грекъ выражалъ свое уваженіе божеству, было *посвященіе* ему приличнаго мѣста и огражденіе этого мѣста отъ человѣческаго употребленія.

I. МѢСТА ПОКЛОНЕНІЯ.

Для посвященія мѣстъ божеству Греки особенное обращали вниманіе на природныя свойства и пріятность положенія ихъ. Такъ въ Греціи многія вершины горъ, мысы, рощи и отдѣльныя деревья, пещеры, источники и рѣки были посвящены разнымъ божествамъ.

Кромѣ того Греки руководствовались при посвященіи мѣста какому-либо божеству значеніемъ и кругомъ дѣйствія этого божества. Боги, получившіе подъ свое попеченіе нравственныя и житейскія отношенія людей, соединенныхъ въ семействѣ и государствѣ, занимали приличное мѣсто въ средоточіи этихъ разнообразныхъ отношеній. Очагъ съ его огнемъ, около котораго собирались члены семейства, служилъ конечно также мѣстопребываніемъ Эстіи и другихъ божествъ, охранителей семейственнаго благополучія (*θεοὶ ἑφέστιοι, μύχοι ἑρκειοι κτήσιοι*). Божества, которымъ вручено было попеченіе о цѣломъ какомъ-либо городѣ (*πολιοῦχοι θεοί*), помѣщались на акрополѣ его; боги (*βουλαῖοι, ἀγοραῖοι*), охранявшіе порядокъ въ городскомъ совѣтѣ (*βουλή*) и въ народномъ собраніи (*ἀγορά*), занимали здѣсь почетное мѣсто въ воздвигнутыхъ имъ храмахъ. Геката и Гермесъ, бодрствовавшіе надъ безопасностію путешественниковъ, получали должное поклоненіе на дорогахъ и улицахъ.

Жертвенники.

На мѣстахъ, посвященныхъ богамъ и поклоненію ихъ, воздвигались жертвенники, на которыхъ люди

подносили богамъ дары. Въ самомъ простомъ видѣ жертвенниками были возвышенія (*βωμοὶ*), образовавшіяся или изъ пеплу, оставшагося послѣ жертвъ или изъ камней и другихъ предметовъ, напр. роговъ, собранныхъ въ кучу.

Главнымъ условіемъ для жертвенниковъ было, чтобъ они стояли подъ открытымъ небомъ, для того, чтобъ дымъ отъ сожигаемыхъ на нихъ жертвъ безпрепятственно восходилъ къ Олимпу. Ступени, вѣнки и изящная форма жертвенниковъ, круглая, продолговатая или четыреугольная, служили только украшеніями, которыми Греки надѣялись болѣе угодить своимъ богамъ.

Идолы.

Предъ жертвенниками стояли идолы. Идолами служили первоначально грубые камни (*ἄργοὶ λιδοὶ*), необтесанныя бревна (*ξύλα οὐκ ἐιργασμένα*), каменные столбы (*κίονες ἐκ λίθων*) и нѣкоторымъ образомъ также аэролиты и деревянные кумиры; будто бы ниспосланные съ неба самими богами для того, чтобъ заступить ихъ мѣсто. Съ развитіемъ антропоморфизма Греки не довольствовались безобразными истуканами, темно только напоминавшими божество, и стали строитъ идолы, которые, получивъ ясныя формы человѣческія, представляли боговъ въ образахъ, приличныхъ составленнымъ о нихъ понятіямъ (*βρέτη*). Искусство шло рука объ руку съ религіею и славнѣйшіе художники Греціи стали воздвигать богамъ идолы изящ-

ные, великолѣпные, заслужившіе удивленіе современниковъ и потомства [1]).

Храмы.

Къ прикрытію идоловъ какъ отъ ненастья, такъ и отъ нечистыхъ взоровъ, служили храмы. Этому назначенію первоначально удовлетворяли выдолбленные стволы деревьевъ и другія тѣсныя помѣщенія, но вскорѣ начали воздвигать храмы болѣе просторные, великолѣпіемъ и изяществомъ постройки далеко превосходившіе жилища людей. Покоясь на подстолпіи или платформѣ (*κρηπὶς* или *κρηπίδωμα*), храмы возвышали надъ плоскими и простыми кровлями частныхъ домовъ свои украшенныя двускатныя крыши, уподобляемыя орламъ съ распростертыми крыльями [1]).

По *κρηπὶς* или подстолпію вели ступени, которыхъ было всегда нечетное число для того, чтобъ на первую и послѣднюю ступень восходящій вступалъ правою ногою. Преддверіе храма (*πρόναος* или *πρόδομος*) украшаемо было однимъ или двумя рядами колоннъ. Идолъ въ праздничные дни былъ совершенно открытъ взорамъ зрителей, проникавшимъ во внутренность храма чрезъ открытыя двери. Въ обыкновенные дни идолъ обвѣши-

---

[1]) Такіе изящные идолы назывались *ἀγάλματα* отъ глагола *ἀγάλλω*, радую, потому что почитались особенно пріятными дарами для боговъ.

[1]) Двускатныя крыши храмовъ назывались *ἀετοὶ* (что значило орлы), или *ἀετώματα*, слово произведенное отъ предъидущаго.

вался покрываломъ (*παραπετάσματα*), хотя двери храмовъ обыкновенно оставались открытыми. Храмы немногихъ только божествъ были замыкаемы или имѣли внутри особенное отдѣленіе, доступное однимъ только жрецамъ (*ἄδυτον*, *ἀνάκτορον*).

Такъ какъ храмы служили только для помѣщенія идола, а не самаго народа, присутствовавшаго при религіозномъ дѣйствіи, то соразмѣрно съ тѣмъ объемъ ихъ былъ незначителенъ. Въ иныхъ богатыхъ храмахъ находились два отдѣленія; въ одномъ (*ναὸς*) помѣщался главный идолъ, а въ другомъ, составлявшемъ заднюю часть храма (*οπισθόδομος*), сберегались храмовая утварь и сокровища, для которыхъ устраивались иногда особыя сокровищницы (*θησαυροὶ*).

Были также храмы общіе двумъ или болѣе божествамъ (*θεοὶ σύνναοι* или *σύνοικοι*), которымъ также поклонялись вмѣстѣ, какъ Деметрѣ и Корѣ. Другіе храмы были раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ каждая была посвящена особому божеству и имѣла особый входъ (*ἱερὰ διπλᾶ*).

Мѣсто, окружавшее храмъ, на нѣкоторое пространство почиталось священнымъ и составляло собственность божества (*τέμενος*, *σηκὸς*). На немъ находился жертвенникъ предъ входомъ въ храмъ. Все это мѣсто нерѣдко было обнесено оградою (*περίβολος*), съ воротами (*προπύλαια*), у которыхъ стояли сосуды съ водою, для омовенія, (*περιῤῥαίνεσθαι*). Сосуды эти назывались *περιῤῥαντήρια*, и отъ нихъ имя это перешло также на самую ограду.

Имущества храмовыя.

Храмы Греческіе владѣли значительными имуществами, которыя употреблялись на содержаніе храма и жрецовъ и на совершеніе обрядовъ. Кромѣ того послѣ каждаго удачнаго предпріятія Греки воздавали божествамъ должную имъ по обѣту (обыкновенно десятую) часть добычи или другой прибыли, и иногда приносили также богатые дары изъ драгоцѣнныхъ металловъ, рѣдкости и самыя лучшія произведенія искусствъ, которыми украшались храмы.

II. ОБРЯДЫ ПОКЛОНЕНІЯ.

Молитвы (*εὐχαί*).

Съ молитвою Греки обращались въ разныхъ случаяхъ къ разнымъ богамъ. Всегда же, обращаясь къ божеству, называли его по имени, и обыкновенно придавали ему нѣсколько именъ и прозваній вмѣстѣ (*πολυώνυμοι*), или, назвавъ божество однимъ именемъ, предоставляли ему выборъ другихъ болѣе пріятныхъ именъ (говорили въ этомъ случаѣ: *ὅστις καὶ ὁπόθεν χαίρεις ονομαζόμενος*). Въ молитвахъ, не назначенныхъ именно опредѣленному божеству, призывали обыкновенно нѣсколькихъ боговъ вмѣстѣ, напр. *Ζεῦ τε πάτερ καὶ Αθηναίη καὶ Απολλον* (Ил. XVI, 97). Молящійся произносилъ молитву громко, стоя и протягивая руки вверхъ въ молитвахъ къ богамъ Олимпійскимъ, прямо впередъ въ молитвахъ къ богамъ морскимъ; а въ молитвахъ къ божествамъ хѳоническимъ

ударяли, чтобъ возбудить ихъ вниманіе, руками въ землю или даже топали ногами.

Проклятія.

Особенный родъ молитвъ составляли проклятія (ἀραί). Ихъ было два рода: проклятіе произносилось или за совершенное зло и тогда обращались къ богамъ преисподней, къ Эринніямъ, и просили ихъ мстить за себя и наказать виновнаго; или оно произносилось условно, когда просили боговъ о нанесеніи зла тому, кто нарушитъ правду и законъ, и въ такомъ видѣ проклятія часто прибавлялись къ объявленіямъ законовъ для угрозы нарушителямъ.

Клятвы.

Къ этому роду можно отнести клятвы (ὅρκοι), въ которыхъ клявшійся нарекалъ на себя кару боговъ въ случаѣ, что утверждаемое или обѣщанное имъ окажется ложнымъ. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ конечно клятва не имѣла этого значенія и служила только къ тому, чтобъ доставить собственнымъ словамъ достовѣрность, равную съ безсомнѣнными истинами или замѣнить отсутствіе свидѣтелей для подтвержденія сказаннаго. Въ этихъ случаяхъ клялись самыми незначительными предметами, какъ гусемъ, собакою и даже неодушевленными предметами, какъ глазами, головою, мечемъ и пр.

Но клятвы, которыя должны были имѣть обязательную силу, сопровождались торжественными обрядами, какъ молитвы. Совершавшій клятву поднималъ руки,

произносилъ клятвенныя слова, стоя предъ жертвенникомъ, и касался руками жертвенника или самого идола, и когда съ клятвой совершалось жертвоприношеніе, то клявшійся дотрогивался также жертвы или погружалъ руки въ кровь ея, какъ бы накликая на себя равную съ жертвою участь въ случаѣ клятвопреступленія. Такъ какъ въ клятвахъ клявшійся обрекалъ не только себя, но и весь родъ свой, то онъ обыкновенно ставилъ возлѣ себя своихъ дѣтей, чтобъ распространить этимъ также на нихъ дѣйствіе клятвы. Въ клятвахъ призывали разныя божества и иногда, какъ въ молитвахъ, двухъ, трехъ или болѣе боговъ вмѣстѣ; но верховнымъ блюстителемъ святости клятвъ у Грековъ былъ Зевсъ, мститель клятвопреступленія (*Ζεὺς ὅρκιος*).

Очищенія (*καθαρμοὶ*).

Молитвѣ и вообще всякому религіозному дѣйствію у Грековъ предшествовали обряды очищенія (*καθαρμοὶ*). Для этого употребляли рѣчную воду и еще чаще соленую, морскую или прѣсную съ примѣсью соли, и окроплялись ею посредствомъ масличной или лавровой вѣтви, которой въ особенности приписывали очистительную силу. Кромѣ очищенія водою требовалось иногда еще второе очищеніе посредствомъ огня и куренія сѣрою (*θεῖον*), или морскимъ лукомъ (*σκίλλα*). Эти обряды очищенія отличались отъ другаго рода очищеній, которое употреблялось для того, чтобъ смыть съ себя нравственную нечистоту. Въ этомъ послѣднемъ родѣ очищеній, также называвшихся *καθαρμοὶ*, желавшій очиститься, *καθαιρόμενος*, погружалъ руку

въ кровь закланной свиньи (это такъ называемые *χοιροκτονοι καθαρμοι*), или становился лѣвою ногою на шкуру барана, принесеннаго въ жертву Зевсу (*Διὸς κώδιον*), и потомъ омывался, надѣясь омыть нравственное пятно вмѣстѣ съ тѣлесною нечистотою.

Жертвы.

Но Греческіе боги не легко склонялись на молитвы людей, если онѣ не были сопровождаемы жертвами и дарами. Съ одной стороны богамъ подносили въ даръ разныя драгоцѣнности, какъ то: произведенія искусствъ, треножники, монеты, и другія *ἀναθήματα*, о которыхъ упомянуто выше, или просто мелочи, которыми полагали доставить удовольствіе богамъ, какъ куклы (*κόραι, κοροκόσμια*), игрушки (*παίγνια*), платье, волосы юношей и дѣвицъ. Съ другой стороны боги Грековъ требовали, кромѣ этихъ даровъ, еще пищи и питья, и иногда гнѣвъ и мщеніе ихъ могли быть удовлетворены только пролитою кровью. Этому требованію соотвѣтствовали жертвы въ собственномъ смыслѣ (*θυσίαι, ἱερὰ*), которыя тѣмъ отличались отъ даровъ (*δῶρα*), что жертвы не были сберегаемы, но были назначены къ сожженію или истребленію другимъ какимъ-либо способомъ, такъ что боги могли вкусить ихъ. Такъ угощали боговъ разными плодами (*τέλη ἔγκαρπα*), приносимыми имъ какъ даньотъ собранной жатвы (*ἀπαρχαὶ τῶν καρπῶν*), лакомствами, пирожками (*πέλανοι, πέμματα, πόπανα*) и другими подобными приношеніями (*ἄπυρα* или *ἄψυχα*). Однако самыми употребительными жертвами были животныя, и изъ числа ихъ чаще всего

встрѣчаются быки, овцы, козы и свиньи. Впрочемъ каждому божеству приносили въ жертву различныхъ животныхъ. Однимъ богамъ приносили въ жертву извѣстныхъ животныхъ, потому что они казались враждебны и ненавистны этимъ богамъ; такъ Деметрѣ была ненавистна свинья, а Діонису коза—за вредъ, который они наносили плодамъ, дарованнымъ этими богами. Другимъ божествамъ жертвовали извѣстныхъ животныхъ, потому что вкусъ ихъ мяса почему-то почитался особенно пріятнымъ для этихъ боговъ. Вообще однако избирали для приношенія богамъ животныхъ чистыхъ, здоровыхъ и цѣлыхъ, не запряженныхъ еще въ ярмо (*βοῦς ἄζυξ, ἀδμήτη*) или не употребленныхъ на службу человѣку. Притомъ назначали высшимъ богамъ *бѣлыя* жертвы, а богамъ хѳоническимъ животныхъ *черной* масти. Количество животныхъ, приносимыхъ въ жертву, зависѣло отъ средствъ каждаго; особенно пріятны были богамъ обильныя, богатыя жертвоприношенія, доходившія иногда до сотни штукъ (*ἑκατόμβαι*), и кто не могъ угодить богамъ множествомъ жертвъ, замѣнялъ этотъ недостатокъ разнообразіемъ ихъ и соединялъ въ одно приношеніе три рода животныхъ (*τριττύα*), напр. быка, козу и кабана, или свинью, козла и тельца. Бѣдные же приносили въ жертву вмѣсто настоящихъ животныхъ хлѣбы, представлявшіе быка, или быка въ сопровожденіи овцы, свиньи, курицы, теленка, козы и гуся (*ἑβδομος βοῦς*).

Наконецъ въ обрядахъ языческихъ Грековъ встрѣчаются также слѣды существованія въ древнѣйшія времена обычая приносить въ жертву людей, иногда

въ пищу богамъ, напр. Діонису (ὠμηστῆ) или Зевсу Ликейскому въ Аркадіи, а еще болѣе для отвращенія гнѣва ихъ (ἱλασμός). Послѣдовавшія времена смягчили этотъ жестокій обычай. Въ однихъ случаяхъ стали довольствоваться пролитіемъ нѣсколькихъ капель крови человѣческой, въ другихъ давали человѣку, назначенному въ жертву, всевозможныя средства къ бѣгству, послѣ котораго онъ не могъ однако болѣе возвращаться въ отечество; иногда замѣняли даже человѣческую жертву животною. Когда же гнѣвъ какого-либо божества необходимо требовалъ въ жертву себѣ человѣка, то назначали къ этому преступниковъ, безъ того уже осужденныхъ на смерть.

Обрядъ жертвоприношенія.

Животное, назначенное въ жертву, украшали лентами и вѣнками, и иногда золотили ему рога. Убранную такимъ образомъ, жертву приводили къ жертвеннику, соблюдая, чтобъ она не пятилась назадъ, въ противномъ случаѣ она почиталась неугодною божеству. У жертвенника привязывали жертву извѣстнымъ образомъ: когда жертвоприношеніе совершалось для высшихъ боговъ, то жертва стояла съ поднятою вверхъ головою; а жертвы назначенныя хѳоническимъ божествамъ, должны были держать голову, наклоненную къ землѣ. Всѣхъ присутствовавшихъ кропили водою, въ которую погружали сперва взятую съ жертвенника горящую головню (δαλός). Затѣмъ начиналось съ возваніемъ къ молчанію (словомъ εὐφημεῖτε) самое жертвоприношеніе.

Сперва сыпали на выю жертвѣ сушеныя ячменныя зерна (*ουλοχύται* или *ουλαί*), срѣзывали со лба ея нѣсколько волосъ и бросали ихъ въ огонь. Потомъ повергали жертву ударомъ палицы или топора, рѣзали ей ножемъ горло (*σφάττειν*), собирали вытекавшую кровь и выливали ее на жертвенникѣ (*ἁίματτειν βώμους*). Въ жертвоприношеніяхъ хѳоническимъ божествамъ кровь прямо текла въ яму, замѣнявшую жертвенникъ. Послѣ того сдирали съ жертвы шкуру, разсѣкали жертву на части (*μιστύλλειν*) и сожигали на жертвенникѣ слѣдовавшія божеству части, именно: жиръ, внутренности и кости отъ ляжекъ (*μηρία* или *μηροί*); прочими же частями угощались участвовавшіе въ жертвоприношеніи (*σπλαγχνεύειν, σπλάγχνων μεταλαβεῖν*). Только отъ жертвъ очистительныхъ и назначенныхъ хѳоническимъ богамъ ничего не доставалось людямъ; онѣ были сожигаемы въ цѣлости (*ὁλοκαυτεῖν*) или зарываемы въ землю.

Возліянія.

Кромѣ пищи богамъ подносили еще питье въ возліяніяхъ (*λοιβή, σπονδή*), которыя совершались то вмѣстѣ съ жертвоприношеніемъ, то отдѣльно въ особенныхъ случаяхъ, при молитвахъ, договорахъ, отъ этого называвшихся *σπονδαί*, и въ частной жизни за обѣдомъ. Для возліяній употребляли обыкновенно вино чистое (*ἔνσπονδος*).

Нѣкоторыя однако божества не терпѣли вина, какъ Эринніи или Эвмениды, Мойры, Музы и др. Имъ приносили такъ называемыя *νηφάλιοι θυσίαι*, *νηφάλια*

μειλίγματα — трезвыя приношенія, состоявшія изъ меду, молока или масла въ смѣшеніи съ водою.

Воскуренія (*θυμιάματα*).

Воскуренія совершались первоначально изъ кедроваго дерева (*θύον*), впослѣдствіи же употребляли для этого разные роды благовонныхъ растеній.

Праздники.

Служенію богамъ были посвящены также извѣстные дни или праздники *ἑορταί*, въ которые Греки прекращали свои обычныя занятія. Послѣ жертвоприношенія (совершавшагося высшимъ богамъ утромъ, а преисподнимъ по полудни), въ эти дни оставалось достаточно времени, которое Греки пополняли увеселеніями и другими разнообразными торжествами, смотря по свойству божества, которому праздникъ былъ посвященъ. Къ этимъ увеселеніямъ и торжествамъ принадлежали: процессіи съ плясками и хороводами, пѣсни, музыка, бѣги съ факелами или гимнастическія упражненія, которыя, будучи пріятнымъ препровожденіемъ времени для людей, были вмѣстѣ съ тѣмъ пріятны также богамъ, какъ существамъ любящимъ веселіе (*θεοὶ φιλοπαίγμονες*) и составляли существенную принадлежность большей части праздниковъ. Были также праздники, которые проходили въ очищеніяхъ, пощеніи, тишинѣ и печали. Таковыми праздниками были посвященные божествамъ строгимъ, какъ нѣкоторые праздники, посвященные Аполлону и Артемидѣ, или богамъ страшнымъ, напр. богамъ хѳоническимъ и др.

Участіе въ поклоненіи, мистеріи.

Были праздники, въ которыхъ участвовали только мужчины, такъ какъ въ другихъ празднествахъ только однѣ женщины или дѣти. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи совершались въ тишинѣ и скрытности особенные обряды поклоненія, къ которымъ допускались только лица посвященныя (*μυσταὶ, τετελεσμένοι*), т. е. по совершеніи приготовительныхъ обрядовъ принятые въ число поклонниковъ и клятвою обязавшіеся сохранять въ тайнѣ виданное и слышанное. Такіе обряды, недоступные непосвященнымъ (*ἀμύητοις*), назывались *μυστήρια, τελεταὶ*. Ихъ происхожденіе объясняется изъ политическихъ переворотовъ, постигавшихъ Грецію въ разныя времена, вслѣдствіе которыхъ завоеватели какой-либо области водворяли вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ также свою религію, такъ что покоренные могли только въ тайнѣ и съ предосторожностію продолжать поклоненіе своимъ прежнимъ богамъ. Этотъ характеръ таинственности сохранился для этихъ обрядовъ также, когда первоначальное притѣсненіе ихъ прекратилось. Такъ для Элевзинскихъ мистерій всегда соблюдалась такая предосторожность, хотя онѣ вскорѣ удостоились даже покровительства со стороны Аѳинскаго правительства и были доступны даже чужестранцамъ.

Подробное описаніе главныхъ празднествъ древнихъ Грековъ помѣщено при изложеніи сущности и свойствъ божествъ, которымъ эти празднества были посвящены.

Ворожба (*μαντικὴ*).

Какъ Греки въ выше изложенныхъ обрядахъ поклоненія всячески старались угождать богамъ и располагать вообще въ свою пользу ихъ волю, такъ они были также весьма внимательны ко всему тому, въ чемъ выражались воля и предначертанія боговъ.

Боги, по понятіямъ Грековъ, изъявляли свои намѣренія или непосредственно устами избранныхъ и одержимыхъ ими вѣщуновъ (*κατεχόμενοι*, *ἔνθεοι*), или посредствомъ разныхъ явленій въ природѣ и жизни человѣческой. По этому и было два пути, по которымъ узнавалась воля боговъ. Во первыхъ чрезъ прорицателей, умѣвшихъ увѣрять народъ, будто они угадывали волю боговъ по непосредственному внушенію самого божества. Эти прорицатели были въ непосредственномъ вѣдѣніи Аполлона и по этому подробности о немъ представлены дальше въ соединеніи съ поклоненіемъ Аполлона. Другой родъ прорицательства требовалъ особаго изученія. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ узнавать волю боговъ изъ разныхъ примѣтъ, толкуемыхъ по извѣстнымъ правиламъ, которыя можно было изучить.

Такія примѣты представлялись въ жертвахъ (*μαντικὴ ἐξ ἱερῶν*), въ полетѣ и крикѣ птицъ (*ἐξ οἰωνῶν*), въ небесныхъ явленіяхъ (*διοσημεῖαι*), въ странныхъ звукахъ и словахъ (*κλήδονες*, *ὀμφαὶ*, *φήμαι*), въ неожиданной встрѣчѣ (*ἐνόδια σύμβολα*) и въ сновидѣніяхъ.

При жертвоприношеніяхъ вообще соблюдали, чтобъ актъ сожженія совершался безпрепятственно и безъ

остановки (*καλλιερεῖν*); въ противномъ случаѣ жертва была неугодна богамъ (*ἱερὰ οὐ προχωρεῖ*). Кромѣ того внимательно разсматривали расположеніе и цвѣтъ внутренностей жертвы, особенно печени и желчи (*ἱεροσκοπία*, haruspicium), и наблюдали пламя, восходившее съ жертвы (*ἔμπυρα σήματα*), и представлявшіяся при этомъ странности были толкуемы гадателями (*μάντεις, ἱερόσκοποι*), иногда (для избѣжанія обмана) подъ надзоромъ особаго нарочитаго (*ἱεροποιός*).

Птицы, особенно орлы, совы, почитались повѣренными боговъ. По этому гадатели по птицамъ (*οἰωνισταί, οἰωνοπόλοι*) наблюдали образъ жизни птицъ, ихъ полетъ, крикъ, мѣста, гдѣ онѣ сажались и другія подробности, по которымъ, какъ по примѣтамъ, они могли заключать о волѣ боговъ. Такія примѣты были чрезвычайно разнообразны: иногда одно появленіе птицы предвѣщало счастіе, какъ въ Аѳинахъ появленіе совы, (что видно изъ поговорки *γλαῦξ ἵπταται*). Вообще касательно полета птицъ было замѣчено, что птицы, являвшіяся съ востока (у Грековъ правая сторона, *δεξιόν*), предвѣщали удачу; а птицы, летавшія по западной сторонѣ, которая считалась лѣвою (*εὐώνυμον*, или *ἀριστερόν*), приносили несчастіе.

Изъ небесныхъ явленій (*διοσημεῖαι*) Греки приписывали особенное значеніе грому, молнію, солнечному и лунному затмѣнію. При нихъ наблюдали также сторону ихъ появленія, какъ при птицахъ.

На неожиданные звуки и слова (*κλήδονες, φημαί*) обращали большое вниманіе. При жертвоприношеніяхъ предваряли народъ не произносить зловѣщихъ

словъ, и въ Аѳинахъ распускали народное собраніе, когда случайно слышались зловѣщія слова (*δυσφημίαι*).

Кромѣ того умы суевѣрныхъ Грековъ тревожились сновидѣніями (*ονειροί*), посылаемыми, по понятіямъ Гомеровскаго времени, самимъ Зевсомъ (*ὄναρ ἐκ Διός ἐστιν*), и разными явленіями, неожиданно встрѣчавшимися въ домѣ и на дорогѣ, *ἐνόδια σύμβολα* (какъ напр. явленіемъ кошки, мыши, змѣи или неожиданнымъ опустѣніемъ въ домѣ горшка съ виномъ или медомъ). Толкованіе всего этого служило средствомъ пропитанія многимъ толкователямъ (*τερατόσκοποι, ονειρόπολοι, μαντεις*), которые конечно не думали искоренять въ простомъ народѣ суевѣріе и невѣжество, столь прибыльное для себя.

Для отвращенія несчастій, такимъ образомъ предвѣщаемыхъ, обращались къ Аполлону и другимъ божествамъ, и въ Сикіонѣ былъ для этого особенный храмъ боговъ, отвратителей несчастій (*ἀποτρόπαιοι, δαίμονες*). Въ важныхъ случаяхъ совершали для этого особыя жертвы (*προστροπαί*), часто же довольствовались тѣмъ, что плевали (*ἀποπτύειν, ποππύζειν*) для избѣжанія послѣдствій худаго предзнаменованія.

Лица — распорядители при поклоненіи.

Съ средоточеніемъ поклоненія богамъ въ храмахъ и другихъ священныхъ мѣстахъ, ухаживаніе за богами, совершеніе жертвъ и другихъ обрядовъ поклоненія въ этихъ мѣстахъ и распоряженіе всѣмъ, что принадлежало божеству и его храму, сдѣлалось исключительнымъ занятіемъ жрецовъ (*ἱερεῖς*).

Первымъ условіемъ для поступленія въ жрецы было полное право гражданства, и нигдѣ никакой чужестранецъ не могъ быть жрецомъ Греческаго бога. Кромѣ того для жреца требовалась стройность тѣла (ἀφελεια), цѣлость всѣхъ членовъ и красота, вмѣстѣ съ приличнымъ поведеніемъ и благородствомъ происхожденія, ибо изувѣченные, недужные и лишенные уваженія согражданъ не допускались ни къ какой жреческой должности, какъ лица неугодныя богамъ. Впрочемъ согласно съ разнообразіемъ боговъ и обрядовъ у Грековъ существовало такое же разнообразіе касательно выбора жрецовъ.

Такъ для однихъ боговъ отъ жрецовъ требовалось безбрачіе, и для этого въ жрецы избирали или дѣтей до извѣстнаго возраста, или стариковъ и старухъ; для другихъ боговъ, какъ для Деметры, напротивъ въ жрецы избирались только замужнія женщины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жрецами встрѣчаются дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки; въ другихъ же мужчины зрѣлаго возраста. Образъ замѣщенія этого достоинства былъ равно различенъ. Какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта должность замѣщалась по выбору или жребію, такъ въ другихъ мѣстахъ она принадлежала извѣстнымъ родамъ, въ которыхъ она переходила по наслѣдству къ старшему, или по выбору или жребію [1]) къ самому достойному.

---

[1]) Въ жребіяхъ Греки всегда признавали участіе боговъ, такъ что кому выпадалъ жребій, признавался избраннымъ самимъ божествомъ.

Одежда жрецовъ соотвѣтствовала ихъ достоинству. Вѣнки, повязки и, въ древнія времена, богатые жезлы отличали жрецовъ отъ простаго народа.

Храмовые служители.

Кромѣ жрецовъ при храмахъ состояло множество служителей, на которыхъ возложены были различныя обязанности.

Содержаніе и сохраненіе храмовъ и ихъ собственности принадлежало къ обязанностямъ неокоровъ (*νεωκόροι*, изъ *νεως* и *κόροι*). Для заготовленія жертвенныхъ животныхъ, возліяній, для чтенія молитвъ и совершенія отдѣльныхъ обрядовъ назначено было множество лицъ подъ разными названіями: *κήρυκες, θύται, δαιρόται, οἰνοχόοι* и пр. Кромѣ того при многихъ храмахъ содержались особенные пѣвцы, пѣвицы и музыканты, флейтщики и трубачи (*ὑμνωδοὶ. ὑμνητρίαι; ἱεραύλαι, ἱεροσαλπιγκται*), какъ для пѣнія и музыки, такъ и для знаковъ, которые иногда должно было подавать собранію поклонниковъ. Всѣ эти лица содержались на счетъ боговъ, т. е. храмовыхъ доходовъ, и имѣли общій столъ, за которымъ сидѣли и такъ называемые *παράσιτοι*, отряжаемые изъ числа прочихъ гражданъ для участія въ пирахъ храмовыхъ, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ заботились о доставленіи божеству и его храму слѣдовавшихъ ему доходовъ, какъ напр. десятой части отъ собраннаго хлѣба и др.

ОЛИМПІЙСКІЕ БОГИ

ЗЕВСЪ [1]).

Какимъ представлялся Зевсъ умамъ Грековъ въ самыя древнія времена, во времена Пеласговъ, видно изъ обрядовъ поклоненія ему въ разныхъ мѣстахъ, признанныхъ самыми древними мѣстами поклоненія Зевсу. Въ Додонѣ сила Зевса проявлялась въ священномъ дубѣ и связанныхъ съ нимъ явленіяхъ.

Въ Аркадіи, въ ея югозападной части, была гора по имени *Ликейская*, посвященная Зевсу Ликейскому. Она составляла *τέμενος λυκαίου Διός*, т. е. мѣсто, посвященное Зевсу для его пребыванія, — но не имѣла ни храма, ни идола, и только съ восточной стороны были на ней двѣ колонны съ позолоченными орлами на

---

[1]) Этотъ предметъ изложенъ въ подробности въ сочиненіи П. Леонтьева, «*О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи*,» Москва 1850, которое можетъ замѣнить для читателя всѣ изслѣдованія по этому предмету новѣйшихъ ученыхъ иностранныхъ.

верху. Вступать въ этотъ τέμενος было запрещено, и преступавшій запрещеніе долженъ былъ умереть въ теченіе года. Внутри τεμένου ни животныя, ни люди не бросали отъ себя тѣни. На вершинѣ горы была насыпь, открывавшая видъ на весь Пелопоннесъ; на ней приносили Зевсу жертвы въ тайнѣ (ἐν ἀπορρήτῳ). Жертвы, приносимыя здѣсь, были человѣческія, и учрежденіе ихъ преданіе приписывало Ликаону, сыну Пеласга, представителя Пеласговъ, принесшему въ жертву Зевсу ребенка и за то превращенному въ волка (λυκός).

Зевсъ здѣсь преимущественно страшный богъ, къ которому приступить опасно и который принимаетъ человѣческія жертвы. Но онъ является также съ благодѣтельной стороны, богомъ собирающимъ тучи (νηφεληγερέτης) и ниспосылающимъ изъ нихъ дожди. Изъ Ликейской горы у города Θисои билъ ключъ по имени Гагно, который отличался всегда одинаковымъ и лѣтомъ неубывающимъ обиліемъ водъ. Здѣсь во времена засухи жрецъ Зевса Ликейскаго приносилъ жертвы и по совершеніи молитвы бросалъ въ воду дубовую вѣтвь. Послѣ этого, увѣряли, будто изъ воды поднимался паръ, изъ пара образовывалось облако, которое притягивало другія облака и наконецъ разрѣшалось обильнымъ дождемъ. Такимъ образомъ Зевсъ здѣсь божество, собирающее тучи и ниспосылающее дожди, и согласно съ этимъ онъ почитался здѣсь сыномъ Эѳира или Неба.

Въ Критѣ, привлекавшемъ своими богатствами и выгодами своего положенія многихъ иностранцевъ изъ

Финикіи, Сиріи и Египта, поклоненіе Зевса, принесенное сюда Пеласгическими выходцами, потерпѣло значительныя измѣненія. Зевсу поклонялись здѣсь въ формѣ быка. Въ окрестностяхъ города Гортины Зевсъ-быкъ является съ Европою, дочерью Финикійскаго царя, представительницею Финикійскихъ выходцевъ.

Знакомство съ поклонниками Фригійской богини, великой матери боговъ Кибелы и ея сына Атиса, олицетворенія природы, возраждающей весною и умирающей осенью, внесло въ поклоненіе Зевсу на островѣ Критѣ воинскія движенія, пляски, музыку, чувства [1]) и содѣйствовало къ развитію антропоморфическихъ представленій о самомъ Зевсѣ. Согласно съ ними рожденіе и воспитаніе Зевса антропоморфическаго отнесено сюда, на Критъ, и гора Дикта съ пещерою Идейскою на гору Идѣ близь Кносса почитались мѣстами рожденія и воспитанія Зевса (анѳропоморфическаго). На горѣ Дикту въ городъ Ликтосъ пришла Рея, чтобъ спасти Зевса отъ Кроноса, пожиравшаго дѣтей своихъ тотчасъ по рожденіи, и скрыла новорожденнаго въ Идейской пещерѣ (или, по другому сказанію, въ пещерѣ горы Эгейской, т. е. козьей). Здѣсь коза и пчела, или нимфы Амалѳея и Мелисса (μέλισσα — пчела), дочери Мелиссея (медоваго человѣка), кормили Зевса-ребенка

---

[1]) Поклоненіе Кибелы и Аттиса отличалось неистовствомъ радости и печали жрецовъ Галловъ или Корибантовъ, которые при звукахъ оглушительной музыки изъ тимпановъ, флейтъ, кимваловъ и др. предавались изступленнымъ пляскамъ и въ безумной ярости изувѣчивали себѣ лице и тѣло.

молокомъ и медомъ; а вооруженные Куриты [1]) окружали пещеру и ударяли мечами щиты свои, чтобъ заглушить этимъ крикъ Зевса-младенца. Это сказаніе было представляемо, какъ основаніе обрядовъ, совершаемыхъ Куритами, которые въ воинской пляскѣ (*πυῤῥίχη*), подъ шумомъ мѣдныхъ оружій, представляли миѳъ о рожденіи и воспитаніи Зевса въ тайнѣ отъ Кроноса [2]).

Въ послѣдствіи другія мѣста Греціи, въ которыхъ искони господствовало поклоненіе Зевса, оспаривали у Крита честь быть колыбелью Зевса, какъ въ Аркадіи Ликейская гора, въ Мессеніи гора Иѳома съ источникомъ Клепсидра, въ которой будто нимфы Неда и Иѳома [3]) купали новорожденнаго Зевса.

Зевсъ, низложивъ Кроноса, царствуетъ на Олимпѣ. Онъ производитъ всѣ перемѣны на небѣ, даетъ дожди, вѣтры и мечетъ молніе, которое ему куютъ Киклопы. Но не только въ природѣ является его дѣйствіе.

Зевсъ верховный блюститель правды между людьми, онъ любитъ Ѳемиду, правду, законъ и мститъ за учиненное людьми зло (*Ζεὺς ἀλιτήριος, παλαμναῖος*).

---

[1]) Куриты, по Гречески *Κουρῆτες*, есть имя собственное; *κούρητες* же значило вооруженныхъ юношей (отъ *κοῦρος* юноши).

[2]) Въ Критѣ праздновали также смерть Зевса и показывали его могилу, что должно однако отнести къ Атису, отъ котораго это было перенесено на Зевса.

[3]) Клепсидра—имя составлено изъ *Κλέπτω*, утаиваю, и *ὑδῶρ*, вода; — Неда имя рѣки; Иѳома — имя горы.

Онъ даетъ царямъ власть и скипетръ, и самъ былъ родоначальникомъ многихъ царей. Зевсъ слышитъ мольбы просящихъ и требуетъ, чтобъ люди снисходили на ихъ просьбы (*Ζεὺς ἱκετήσιος*); онъ защищаетъ странниковъ (*ξένιος*), наказываетъ клятвопреступниковъ (*ὅρκιος*), охраняетъ домы (*ἕρκειος*) и наблюдаетъ за согласіемъ и миромъ въ семействахъ (*Ζεὺς ξύγιος, ἑφέστιος*). Благоустройство въ общинахъ, безопасность городовъ и благочиніе и порядокъ въ совѣтѣ и вѣчѣ были въ его попеченіи (*Ζεὺς φράτριος, πολιεύς, βουλαῖος ἀγοραῖος*). Поэтому во всѣхъ городахъ, какъ въ акрополяхъ, такъ и на площадяхъ воздвигали ему храмы и во всякомъ частномъ домѣ предъ входомъ на дворѣ и внутри дома стояли жертвенники его.

Зевсъ управляетъ судьбою міра и Гелленовъ; отъ него и Ѳемиды родились Мойры (*Μοῖραι*), Клоѳо, прядущая жизненную нить, Лахезисъ, удѣляющая человѣку жребій и Атропосъ, неотвратимая, отрѣзающая удѣленную человѣку нить жизни. Въ его дворцѣ два сосуда: изъ одного онъ удѣляетъ людямъ хорошій жребій, изъ другаго худой; или онъ беретъ золотые вѣсы и взвѣшиваетъ на нихъ судьбу человѣка, которой онъ однако не можетъ измѣнить. Но по крайней мѣрѣ онъ знаетъ имѣющее случиться, онъ послѣдній источникъ всѣхъ оракуловъ (*Ζεὺς πανομφαῖος*).

Какъ всеобщему божеству Гелленовъ, Зевсу посвящены были во многихъ городахъ празднества. Самыми великолѣпными изъ празднествъ Зевсовыхъ во всѣ времена почитались Олимпійскія, происхожденіе которыхъ Греки приводили также въ связь съ сказаніемъ

о младенчествѣ Зевса. Именно Идейскіе Дактилы или Куриты: Гераклесъ, Пэоней, Епимидъ, Язонъ и Идасъ пришли сюда съ Крита съ ввѣреннымъ имъ ребенкомъ. Гераклесъ предложилъ братьямъ бѣжать въ перегонку и, побѣдивъ прочихъ, увѣнчанъ масличнымъ вѣнкомъ. Даже носилось преданіе, что въ этомъ мѣстѣ Зевсъ состязался съ Кроносомъ за владычество на небѣ и по низложеніи Кроноса самъ учредилъ здѣсь игры. Эти празднества, сперва мѣстныя для однихъ Элейцевъ получили всеобщую важность, когда по приказанію Дельфійскаго оракула Ифитъ, современникъ Ликурга Спартанскаго, возобновилъ ихъ и установилъ для празднованія ихъ экехирію, родъ священнаго мира на цѣлый мѣсяцъ (*ἱερομηνία*). Съ тѣхъ поръ въ каждый пятый годъ (*πενταετηρὶς*) къ Іюлю мѣсяцу Элейскіе глашатаи (*σπονδοφόροι*) провозглашали по всей Греціи наступленіе священнаго мѣсяца и тѣмъ возвѣщали безопасность для всѣхъ собиравшихся въ путь въ Олимпію на игры. Вслѣдъ за этимъ приглашеніемъ на *πανήγυρις* стекались со всѣхъ концевъ Греціи въ Олимпію одни, чтобъ снискать честь самыхъ ловкихъ и сильныхъ мужей Геллады, другіе, влекомые охотою къ зрѣлищамъ и съ ними торжественныя посольства (*θεωροὶ*) отъ лица цѣлыхъ городовъ. Къ празднествамъ допускались всѣ Геллены, незапятнанные какимъ-либо нечестіемъ или преступленіемъ. Состязатели объявляли за тридцать дней о своемъ намѣреніи, подвергались въ продолженіе этихъ 30 дней предварительному испытанію (*προγυμνάσματα, πρόπειραι*) и должны были подтвердить клятвою, что они

готовились къ состязаніямъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ.

Олимпія—мѣсто посвященное Зевсу со множествомъ зданій и храмовъ, посвященныхъ разнымъ божествамъ, жертвенниковъ, статуй, лежала на сѣверномъ берегу Алфея, между плотиною, заключавшею воды его, и стѣною, ограждавшею это мѣсто. Въ ней среди священной рощи масличныхъ деревьевъ — Альтисъ стоялъ храмъ Зевса Олимпійскаго (*Ὀλυμπιεῖον*) изъ Пароскаго камня, Дорической архитектуры, имѣвшій 65 футовъ въ вышину, въ ширину 95, а въ длину 230. На кровлѣ по обѣимъ сторонамъ были по позолоченной вазѣ, среди ихъ позолоченное изображеніе Побѣды и подъ нимъ золотой щитъ съ изображеніемъ страшной Медузы; на передовомъ фронтонѣ представлены приготовленія къ конскому бѣгу, а на заднемъ сраженіе Кентавровъ и Лапиѳовъ. Внутри великолѣпнаго храма находился колоссальный истуканъ Зевса, работы Фидія, изъ золота и слоновой кости, съ золотымъ вѣнкомъ, сидя на тронѣ изъ чернаго дерева и слоновой кости, украшенномъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Идолъ держалъ въ правой рукѣ статую побѣды, а въ лѣвой скипетръ съ орломъ. Обликъ его составленъ по стихамъ Иліады I, 528 — 530, въ которыхъ Зевсъ склоняется на мольбу Ѳетиды, просившей объ отмщеніи Агамемнону, нанесшему обиду сыну ея Ахиллесу:

Ἦ καὶ κυανέῃσιν ἐπ' ὀφρύσι νεῦσε Κρονίων:
Ἀμβρόσιαι δ' ἄρα χαῖται ἐπερῤῥώσαντο ἄνακτος
Κρατοςάπ' ἀδανάτοιο: μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὄλυμπον.

Рекъ и кивнулъ на мольбу густыми бровями Кроніонъ;
Вкругъ головы же безсмертной нетлѣнныя кудри владыки
Быстро плелися волнами: потрясся Олимпъ многохолмный.

Около трона стояло шесть статуй побѣды. У ногъ Зевса группа дѣтей Ѳиванскихъ, умоляющихъ о защитѣ противъ Сфинксы, и далѣе внизу Аполлонъ и Артемида, поражающіе стрѣлами дѣтей надменной Ніобы.

Сверхъ того храмъ и самая роща Альтисъ изобиловали драгоцѣнностями и статуями, между которыми были также статуи въ честь оставшихся побѣдителями на играхъ, такъ что Олимпія считалась самымъ богатымъ и блестящимъ мѣстомъ Греціи.

Въ первый день празднествъ, продолжавшихся пять дней, отъ 11 до 15 числа священнаго мѣсяца, весь народъ собирался сперва для жертвоприношенія около огромнаго жертвенника, предъ храмомъ Зевса. Жертвенникъ этотъ образовался изъ пепла, который приносили сюда изъ Пританея съ очага Естіи и намачивали водою рѣки Алфея. Внизу закалали и разсѣкали жертвы; съ частями, назначенными божеству, всходили по ступенямъ, сдѣланнымъ въ жертвенникѣ, на самый верхъ и тамъ сожигали ихъ на дровахъ изъ бѣлаго тополя; прочими частями угощался народъ.

Послѣ этого обращались къ веселію. У самаго входа въ ристалище (*στάδιον*, стадій) сидѣлъ на каменномъ жертвенникѣ мѣдный орелъ съ распростертыми крыльями, и по данному знаку орелъ поднимался на воздухъ, барьера съ находившимся на немъ дельфиномъ опускалась и открывала ристалище состязателямъ. Бѣгъ

(*δρόμος*) былъ самымъ древнимъ и почетнымъ родомъ состязаній. Сначала бѣгали только до столба на концѣ стадія (600 футовъ), впослѣдствіи требовалось, чтобъ состязатели бѣгали также назадъ (*δίαυλος*), и наконецъ бѣгали даже двадцать четыре раза взадъ и впередъ (*δόλιχος*) и для бо́льшаго затрудненія стали являться въ стадіи въ полномъ вооруженіи. Бѣгъ на колесницахъ, запряженныхъ парою (*συνωρις*, *ἅρμα*) или четверкою (*τεθρίππος*), скачка на коняхъ или лошакахъ (*κέλης ἀπήνη*) были состязанія, въ которыхъ являлись преимущественно знатные и богатые, и допускались послѣ всѣхъ другихъ состязаній. Въ метаніи диска (желѣзнаго круга) и копья (*ἄκων*), скаканіи (*ἅλμα*), борьбѣ и кулачномъ боѣ (которыя въ соединеніи составляли такъ называемый *παγκράτιον*), состязались какъ взрослые, такъ и дѣти, которымъ особенно назначенъ былъ пентаѳлонъ — состязаніе, состоявшее изъ бѣгу, скаканія, борьбы, метанія диска и копья.

Зрители сидѣли на мраморныхъ скамьяхъ, съ обнаженными головами, какъ при религіозномъ дѣйствіи, и изъявляли свое одобреніе криками *καλὸς*, *καλοί* и живыми тѣлодвиженіями. За порядкомъ между зрителями наблюдали рабдухи (*ῥαβδοῦχοι μαστιγοφόροι*), вооруженные лозами и нещадившіе ударовъ въ случаѣ необходимости. Елланодики, судьи избиравшіеся изъ Элейскихъ филъ, въ числѣ то 9, то 10, съ особенныхъ мѣстъ (*καθέδραι*) слѣдили за состязателями, наблюдали за исполненіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ и присуждали побѣду побѣдившимъ. Кого по приговору Елланодиковъ глашатаи объявляли побѣдителемъ, тотъ

получалъ вѣнокъ изъ вѣтокъ, срѣзанныхъ золотымъ серпомъ съ священнаго масличнаго дерева, стоявшаго здѣсь среди жертвенниковъ Афродиты, Горъ и Музъ, по имени *Καλλιστέφανοι;* въ руки побѣдителямъ давали пальмовую вѣтвь. Для увѣковѣченія своей побѣды побѣдители выставляли (съ 777 года) въ Альтисѣ свои статуи. Кромѣ того ихъ ожидали на родинѣ чрезвычайныя почести. Весь городъ съ торжествомъ выходилъ къ нимъ на встрѣчу, когда они подъѣзжали на колесницахъ, запряженныхъ четверками; и иногда даже разрушали части стѣнъ, чтобъ дать болѣе простора ихъ торжественному въѣзду. Во всю жизнь они пользовались почетными мѣстами въ театрахъ и другихъ собраніяхъ, были свободны отъ повинностей и содержались на общественый счетъ въ пританеяхъ.

Въ заключеніе празднествъ ѳеоры въ пышныхъ одеждахъ съ вѣнками на головахъ, побѣдители съ вѣнками и пальмовыми вѣтвями въ сопровожденіи родственниковъ, друзей и согражданъ разъѣзжали на богатыхъ колесницахъ въ процессіи (*πομπὴ*). При этомъ раздавались звуки киѳары, флейты и пѣсни хвалебныя, особо для этого сочиняемыя знаменитыми поэтами. Процессія направлялась къ жертвенникамъ для приношенія благодарственныхъ жертвъ Зевсу и прочимъ богамъ. Отъ Элейскаго государства приносилась въ этомъ случаѣ гекатомба—жертва изъ сотни быковъ, которою угощались побѣдители въ *ἑστιατόριον*—зданіи, особо для этого пира устроенномъ.

Празднества Олимпійскія вмѣстѣ съ тѣмъ служили средоточіемъ и собраніемъ всѣхъ Гелленовъ, въ которомъ

доводили до свѣдѣнія всѣхъ Грековъ дѣла, касавшіяся всего Гелленскаго народа; и писатели, желая снискать всеобщую славу, читали въ этомъ собраніи свои сочиненія, какъ Геродотъ свою исторію, и художники выставляли здѣсь свои лучшія произведенія для пріобрѣтенія всеобщей извѣстности.

Равнымъ значеніемъ всеобщаго Греческаго празднества пользовались Немейскія игры, которыя праздновались чрезъ каждые два года, поочередно лѣтомъ и зимою (въ первый и четвертый годъ Олимпіады), у храма Зевса Немейскаго, въ кипарисовой рощѣ близь Немеи, города Арголиды. Онѣ состояли также, какъ и Олимпійскія игры, изъ гимнастическихъ и конскихъ состязаній, но имѣли мрачный характеръ. Побѣдители на нихъ награждались вѣнками изъ темнозеленаго плюща (*σέλινον*) и судьи являлись въ нихъ въ темной траурной одеждѣ, какъ на играхъ надгробныхъ, учреждаемыхъ въ честь умершаго. Въ объясненіе этихъ особенностей разсказывали, что семь героевъ, предпринявшихъ подъ предводительствомъ Полиника походъ противъ Θивъ (гдѣ они всѣ погибли) встрѣтили на этомъ мѣстѣ женщину Гипсипилу съ ребенкомъ Офелтомъ, сыномъ Ликурга, тамошняго жреца Зевсова. Томимые жаждою, герои просили воды. Гипсипила положила ребенка въ траву и сама пошла за водою къ ближайшему источнику. Между тѣмъ змѣя ужалила Офелта. Герои приняли его смерть худымъ для себя предзнаменованіемъ, переименовали Офелта въ Архемора, что значило начало гибели, и учредили въ память ему игры. Гераклесъ умертвилъ здѣсь Немей-

скаго льва, возстановилъ эти игры и посвятилъ ихъ Зевсу [1]).

ГЕРА (Ἥρα) [2]).

Величавая, волоокая (βοῶπις) бѣлорукая (λευκώλενος) Гера была дочь Кроноса и Реи и супруга Зевса. О ея воспитаніи носились также разнообразныя мѣстныя сказанія, какъ и о Зевсѣ. По словамъ Иліады она воспитана у Океана и Тѳѳисъ. Впрочемъ эти сказанія не имѣли такого значенія въ поклоненіи Герѣ, какъ сказанія о ея бракосочетаніи съ Зевсомъ, совершившемся тайно отъ родителей.

Въ Арголидѣ разсказывали, что однажды Гера прогуливалась на горѣ Ѳронаксѣ (Θρόναξ) [3]). Зевсъ, увидѣвъ ее, превратился въ кукушку и, сѣвъ на ближнее дерево, поднялъ бурю и дождь и когда его въ этомъ видѣ дождь промочилъ до костей, онъ спустился къ ногамъ Геры, прося защиты. Гера сжалилась надъ бѣдной кукушкой, подняла и прикрыла ее, и тогда Зевсъ опять сталъ передъ нею въ настоящемъ видѣ. Въ храмѣ, посвященномъ ей въ Аргосѣ, истуканъ ея,

---

[1]) Г. Леонтьевъ въ своемъ сочиненіи «*О поклоненіи Зевсу*», съ большою вѣроятностію доказалъ, что Зевсъ, которому Немейскія игры были посвящены, былъ преимущественно Зевсъ хѳоническій, преисподній, Плутонъ или иначе Адоней (стр. 290—296).

[2]) Имя Ἥρα приводится въ связь съ словомъ ἧρως, такъ ἥρα что означаетъ владычицу, какъ ἧρως—владыку, господина.

[3]) Θρόνος по-гречески — престолъ.

державшій въ одной рукѣ гранатку (символъ плодородія), имѣлъ въ другой скипетръ съ кукушкою. Бракосочетаніе Зевса съ Герою (*ἱερὸς γάμος*) служило основаніемъ обрядамъ, совершаемымъ въ ея празднества. Весною въ Аргосѣ, главномъ мѣстѣ ея поклоненія, дѣвицы (*ἀνθεσφόροι*—несущія цвѣты) ежегодно приносили въ процессіи и съ пѣснями въ храмъ Геры цвѣты и украшали свою богиню какъ невѣсту. Тамъ, гдѣ существовалъ обычай похищать невѣсту, празднества эти сообразно съ тѣмъ видоизмѣнялись. Такъ въ Самосѣ ежегодно похищали изъ храма идолъ богини, потомъ искали его и наконецъ съ торжествомъ приносили его обратно въ храмъ.

Гера была блюстительницею единобрачія и преслѣдовала прочихъ женъ Зевса, между ними также Іо, дочь Инаха въ Аргосѣ. По преданію Іо была жрицою Геры и превращена ею въ корову. Къ ней приставленъ въ стражи стоглазый *Аргосъ*. Наконецъ Зевсъ велѣлъ Гермесу умертвить Аргоса, а Іо пришла послѣ долгихъ странствій по землѣ въ Египетъ, гдѣ ей стали поклоняться подъ именемъ Изисъ.

Отъ Геры произошли Илиѳіи (*Εἰλειθυιαι* — богини родовъ), къ которымъ у Грековъ матери въ болѣзняхъ обращали свои молитвы.

ПАЛЛАДА-АѲИНА [1]).

Свѣтозарная сила эѳира, распространяющая въ природѣ свѣтъ, теплоту и жизнь, которой Египтяне въ

[1]) Имя Паллады (*Πάλλας*) означаетъ дѣву, и Паллада-Аѳина слѣдовательно дѣву-Аѳину. Однако имя Паллады въ

городѣ Саисѣ усердно поклонялись подъ именемъ Неиѳъ (*Νηΐθ*), у Грековъ была обоготворяема подъ именемъ Аѳины (*Αθηνα*). Греки и Египтяне славили ее какъ кормилицу огня въ процессіяхъ, совершавшихся при свѣтѣ факеловъ (*λυχνοκαΐη λαμπαδηφορία*).

Аѳина, дочь Зевса, родилась изъ величавой головы его, изъ которой она выскочила съ боевымъ крикомъ и въ полномъ вооруженіи, сверкая острымъ копьемъ, такъ что Олимпъ, земля и море страшно отозвались ея крикомъ и грохотомъ, и солнце остановилось въ своемъ теченіи, пока дѣва Паллада-Аѳина не сняла съ безсмертныхъ плечъ своихъ божественную броню. (Hymn. Hom. in Minervam).

Рожденіе Аѳины изъ головы Зевса со временемъ развито поэтами, которые прибавили къ этому миѳу слѣдующія подробности: Зевсъ, которому было предсказано, что отъ его первой супруги Митисъ (*μῆτις* consilium, умъ) родится дочь, равная отцу и силою и умомъ, проглотилъ Митисъ и почувствовалъ вскорѣ несносное бремя въ головѣ. Чтобъ помочь ему, Гефестъ раскололъ топоромъ голову Зевса, изъ которой и выскочила Аѳина [1]).

иныхъ сказаніяхъ отдѣлено отъ Аѳины и присвоено другой личности, подругѣ Аѳины.

[1]) Кромѣ этого миѳа о рожденіи Аѳины носилось въ Греціи еще другое сказаніе, по которому она родилась отъ Тритона, и согласно съ тѣмъ она называлась *Τριτωνίς, Τριτογένεια, Τριτογένης*. Въ Віотіи находилась рѣка *Тритонъ*, у которой лежалъ въ древнія времена, впослѣдствіи исчезнувшій городъ Аѳины, и здѣсь по этому преданію родилось

Строгая, вѣчнодѣвственная (*πάρθενος*), свѣтлоокая Аѳина (*γλαυκῶπις Ἀθήνη*), родившаяся изъ головы Зевса и ума его, покровительствуетъ умнымъ, употребляющимъ свой умъ на полезныя дѣла. Герои, Одиссей, съ сыномъ Телемахомъ, Персей, Ираклъ—ея любимцы. Напротивъ, когда Лидіянка Арахна (*ἀράχνη*—паукъ) вздумала представить въ ткани соблазнительную картину, Аѳина въ негодованіи разорвала ткань и превратила Арахну въ паука. Въ борьбѣ Грековъ противъ Троянцевъ она сражается на сторонѣ Грековъ и своимъ искусствомъ нерѣдко склоняетъ перевѣсъ въ битвѣ на ихъ сторону. На полѣ сраженія Аѳина является въ хитонѣ отца, съ эгидою, которой не можетъ пробить даже молніе Зевса, и въ шлемѣ, который обнялъ бы воиновъ изъ ста городовъ.

Однако Аѳина также покровительница мирныхъ искусствъ, и она сама соткала себѣ *πέπλος*, и какъ *ἐργάνη* ее предсгавляли съ прялкою и веретеномъ. Всѣми полезными изобрѣтеніями промышленности, по представленію Грековъ, люди обязаны умной Аѳинѣ. Она научила людей употреблять въ земледѣліи плугъ, что приписывается герою Вузигу (*Βουζύγης*, т. е. запрягающій воловъ), кромѣ того управлять лошадьми,

---

поклоненіе Аѳинѣ и распространилось отсюда по теченію рѣкъ, дошло до Ливіи, гдѣ Аѳина стала почитаться дочерью Посидона и озера Тритонскаго. По другому сказанію Аѳина только воспитана у Тритона вмѣстѣ съ его дочерью Палладою. Впрочемъ имя *Τριτογενὴς* можно объяснить также тѣмъ, что Аѳина является третьею богинею послѣ Зевса и Геры.

строить корабли; въ военномъ дѣлѣ она ввела порядокъ и искусство. Женщинъ же она заставила проводить время рукодѣльемъ и мирными занятіями по хозяйству, какъ напр. женъ Фэаковъ. Трудолюбивой Пенелопѣ, супругѣ Одиссея, сама Аѳина посылаетъ сладкій сонъ послѣ трудовъ.

Главнымъ мѣстомъ ея поклоненія были Аѳины, по преданію доставшіяся ей въ удѣлъ (κλῆρος) послѣ спора съ Посидономъ. Для рѣшенія этого спора Зевсъ опредѣлилъ, чтобы тотъ изъ нихъ владѣлъ городомъ, чей даръ признанъ болѣе полезнымъ. Посидонъ открылъ на Акрополѣ источникъ морской воды (θάλασσα). Аѳина же бросила свое копье, и тамъ, гдѣ оно упало, выросла маслина, которая и признана Кекропсомъ, баснословнымъ основателемъ Аѳины, даромъ болѣе полезнымъ.

На Акрополѣ, престолѣ свѣтлой Аѳины, охотно пребывающей на высотахъ (ἄκρια), были воздвигнуты ей нѣсколько храмовъ. Надъ всѣми однако возвышался Парѳенонъ (храмъ дѣвы отъ слова πάρθενος), построеный въ правленіе Перикла самыми знаменитыми художниками подъ руководствомъ Фидія.

Парѳенонъ (имѣвшій болѣе 100 футовъ въ ширину и 230 ф. въ длину) былъ расположенъ по направленію съ Востока на Западъ, и окруженъ колоннами въ 34¼ фута вышиною (по восьми спереди и сзади, и по семнадцати по бокамъ). На передовомъ фронтонѣ, съ восточной стороны, группа изъ 46 (или 48) колоссальныхъ фигуръ боговъ представляла рожденіе Аѳины изъ головы Зевса; задній фронтонъ представлялъ борьбу Аѳины съ Посидономъ за владѣніе городомъ и по

фрису вокругъ наружныхъ стѣнъ храма тянулось рельефное изображеніе Панаѳинейской процессіи. Внутренность храма, обставленная также колоннами, раздѣлена была на двѣ части: въ первой, *ναός*, cella, находился идолъ богини, задняя часть, *οπισθόδομος*, служила государственнымъ казнохранилищемъ. Величественный идолъ богини изваянъ Фидіемъ изъ золота и слоновой кости и представлялъ Аѳину какъ *πρόμαχος*, стоящею въ полномъ вооруженіи и съ строгимъ выраженіемъ лица. На шлемѣ ея въ серединѣ находилась Сфинксъ, по обѣимъ сторонамъ грифы, баснословныя животныя, похожія на львовъ, съ клевомъ и крыльями орлиными. На груди богини, одѣтой въ длинномъ хитонѣ, представлена голова Медузы, съ змѣями вмѣсто волосъ, изъ слоновой кости, и Побѣда въ четыре локтя. Въ рукѣ она держала копье, у ногъ ея лежали щитъ и драконъ.

Въ своемъ городѣ, приговоренномъ ей самими богами, Аѳина (*Αθήνα φράτρια*) ввела порядокъ и государственное устройство, и соединила отдѣльныя семьи (*φρατρίας*) въ роды и филы. Посему дни мѣсяца Піянепсіона (нашего Октября), въ которые Аѳиняне вносили своихъ (вновь рожденныхъ) сыновей въ списки гражданъ, подъ именемъ Апатуріи (*ἀπατούρια-δμοπατούρια*), были посвящены Аѳинѣ вмѣстѣ съ Зевсомъ. Въ одинъ изъ этихъ дней всѣ члены Фратрій устроивали общій ужинъ (*δόρπεια*); въ другой день (*ἀναῤῥύσις*) совершалось жертвоприношеніе Зевсу и Аѳинѣ, и весь городъ оглашался гимнами и освѣщался факелами, съ которыми граждане бѣгали въ запуски (*λαμ-*

παδηδρομία; на третій день уже молодые фраторы вносились въ списки (*κουρεῶτις*).

Аѳина также защитница города (*πολιάς*, *πολιοῦχος*), и залогъ ея защиты (palladium) находился въ Акрополѣ. Это было изображеніе Паллады съ прялкою и веретеномъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой. Паллада по преданію была подруга Аѳины, дочь Тритона, у котораго Аѳина будто бы воспитывалась. Однажды, когда обѣ подруги въ игрѣ боролись между собою, Зевсъ, боясь за свою дочь, представилъ глазамъ Паллады эгиду и Аѳина въ это время нанесла ей смертельную рану. Въ горѣ своемъ Аѳина велѣла сдѣлать статую убитой Паллады и поставила ее возлѣ изображенія отца своего. Когда Илосъ хотѣлъ построить Иліонъ (Трою), то Зевсъ бросилъ ему въ залогъ могущества города палладій, который сохранялся тамъ до самой Троянской войны.

По разрушеніи Трои палладій увезенъ оттуда Діомидомъ, который, приставъ на пути, не зная того, къ берегамъ Аттики, грабилъ страну. Противъ него выступилъ Демофонъ, обратилъ его въ бѣгство, отнялъ палладій и поставилъ его въ Акрополѣ, и послѣ этого покровительство Аѳины покоилось на городѣ Аѳинахъ.

Обряды поклоненія Аѳинѣ въ этомъ городѣ представляютъ смѣсь антропоморфизма съ слѣдами самаго древняго поклоненія природѣ. Въ древнемъ храмѣ Эрехѳеонѣ, который Аѳина раздѣляла съ Посидономъ, Вутесомъ, героемъ-родоначальникомъ Вутадовъ, ея жрецовъ, и Гефестомъ, на жертвенникѣ Аѳины горѣлъ неугасаемый огонь. Въ Фалерской гавани былъ храмъ

ея подъ именемъ *Αθήνη σκιρὰς* (*σκίρρα γῆ* — твердая почва, удобная для разведенія маслины). Сюда жрица приносила ежегодно въ мѣсяцъ Скирофоріонъ зонтикъ (*σκιρον*), обнесши его сперва въ процессіи по городу, какъ бы для защиты земли отъ сильнаго дѣйствія эѳирнаго зноя, обготворяемаго въ лицѣ Аѳины.

Но дѣва (*πάρθενος*) Аѳина, дочь Зевса, требовала отъ поклонниковъ своихъ бо̀льшаго вниманія и праздествъ болѣе пышныхъ. Въ мѣсяцъ Ѳаргеліонъ (Май), въ дни, называвшіеся *πλυντήρια* и *καλλυντήρια* — дни омовенія и украшенія, избранныя женщины (*πραξιεργίδες*) умывали и убирали древній идолъ (*ξοάνον*) Аѳины. Въ эти дни, принадлежавшіе къ числу *ἀποφράδες ἡμέραι* — заклятыхъ дней, идолъ ея закрывался и храмъ обтягивался канатомъ, чтобъ удерживать любопытныхъ въ отдаленіи. Кромѣ того Аѳиняне останавливали свои дѣла и обычныя занятія и весь городъ былъ погруженъ въ молчаніе и тишину. Съ громкою радостію и всеобщимъ веселіемъ напротивъ проходилъ рядъ праздниковъ, отъ 25 до 28 числа мѣсяца Гекатомбеонъ (Іюль), когда совершались Панаѳинейскія празднества.

Празднества эти открывались конными и гимнастическими состязаніями, къ которымъ съ развитіемъ умственной жизни Аѳинянъ присоединены были и литературныя и музыкальныя состязанія (*μουσικὸς ἄγων*).

Конныя состязанія были введены первыя и въ нихъ естественно принимали участіе преимущественно самые знатные и богатые граждане. Они были въ Аѳинахъ гораздо разнообразнѣе, нежели въ Олимпіи. Кро-

мѣ простыхъ видовъ, встрѣчавшихся на Олимпійскихъ играхъ, т. е. бѣгу четверней и парой, и скачки верхомъ, здѣсь упоминаются еще другіе болѣе изысканные, какъ то: 1) *ἡνίοχος ἐγβιβάξων* и *ἀποβάτης*, въ которомъ состязатель на всемъ бѣгу соскакивалъ съ колесницы, бѣгалъ возлѣ нея и наконецъ опять вскакивалъ на нее; 2) *ξεῦγος ἵππικον* — простой бѣгъ на колесницѣ и *ξεῦγος δίαυλον* двойной бѣгъ, такъ и 3) *συνωρίδι δίαυλον* и *ἄκαμπτον* двойной и простой бѣгъ на колесницѣ въ пару; 4) *ἵππῳ πολεμιστῇ δίαυλον ἐνόπλιον*—на военномъ конѣ въ вооруженіи; 5) *συνωρίδι πωλικῇ, κέλητι πωλικῳ* на молодыхъ жеребцахъ, 6) *συνωρίδι τελεία*, на вскормленныхъ лошадяхъ, 7) *ἅρματι πωλικῷ*, 8) *ἅρματι πολεμιστηρίῳ*, на военной колесницѣ, 9) *ξεῦγει πομπικῷ* на великолѣпно-убранной колесницѣ и другіе виды, свидѣтельствующіе о господствовавшей въ Аѳинахъ роскоши.

Въ гимническомъ агонѣ (*ἄγων γυμνικὸς*), введенномъ въ 566 г. до Р. Х., встрѣчается такое же разнообразіе: 1) разные роды бѣга: *στάδιον, δίαυλος, δόλιχος, ὁπλίτης δρόμος*, бѣгъ въ полномъ вооруженіи, и *λαμπαδηδρομία*, бѣгъ съ факелами, 2) борьба, 3) кулачный бой и 4) Pentathlon (см. опис. Олимп. игръ).

Сверхъ этихъ состязаній со временъ Пизистрата введены были музическія состязанія, прекратившіяся на время и возстановленныя съ большимъ блескомъ Периклемъ, который построилъ для нихъ особенное, полукруглое зданіе *Одеонъ*, вмѣщавшее въ себѣ всѣхъ гражданъ. Первоначально на этихъ состязаніяхъ рапсоды (пѣвцы) декламировали пѣсни Гомера; со временъ

же Перикла являлись также пѣвцы и игроки на киѳарѣ и флейтѣ. Десять судей *ἀθλοθέται*, избиравшіеся изъ десяти филъ, присуждали побѣдителямъ награду — вѣнокъ изъ вѣтокъ священной маслины и изящный сосудъ съ масломъ, собраннымъ отъ священныхъ деревьевъ (*μοῖαι*).

Главную и самую великолѣпную часть празднествъ составляла Панаѳинейская процессія, въ которой приносили богинѣ въ даръ богатое, новое платье (*πέπλος*). Уже съ 30-го Піянепсіона (Октября) двѣ изъ благороднѣйшихъ дѣвицъ вмѣстѣ съ жрицами Аѳины работали за этимъ пеплосомъ и ткали его съ золотыми узорами, представлявшими побѣду Олимпійскихъ боговъ надъ Титанами. Къ Панаѳинейскому празднеству натягивали этотъ пеплосъ въ видѣ паруса на корабль съ колесами, особенно для этого устроенный. Наконецъ въ послѣдній день празднествъ, 28 числа Гекатомбеона (Іюля), приносили его съ торжествомъ богинѣ. На Керамикѣ, главной улицѣ Аѳинъ, уже съ утра собирался весь народъ, и старый и малый, всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, но отнюдь не пестрыхъ, принимались за канаты, прикрѣпленные къ кораблю, на которомъ натянутъ пеплосъ, и тянули его къ Акрополю. Впереди шествія шли старики и матери семействъ съ масличными вѣтвями въ рукахъ, за ними возмужалые граждане въ полномъ вооруженіи и метѣки [1]) съ разными сосудами. За ними шли жены гражданъ въ бле-

[1]) Слово *метѣки* соотвѣтствовало Русскому: иностранные гости.

стящихъ нарядахъ и жены метёковъ и несли сосуды съ водою. Юноши пѣли торжественные гимны, и дѣвицы (*κανηφόροι*) имѣли на головахъ корзины съ разными золотыми и серебряными уборами и сосудами. Корзины прикрывались зонтиками, которые носили дочери метёковъ. Въ заключеніе шли мальчики.

Прибывъ къ храму Аполлона, почтенныя женщины снимали съ корабля пеплосъ, несли его вверхъ въ Акрополь въ храмъ Аѳины и надѣвали его на древній деревянный идолъ ея. Послѣ этого совершалось жертвоприношеніе (*ἑκατόμβη*), коего обильными остатками народъ вдоволь могъ угоститься (*ἑστίασις*); ибо къ этому торжеству всѣ подчиненные Аѳинянамъ города присылали сюда по быку.

Панаѳинейскія празднества совершались у Аѳинянъ ежегодно, только на богатый пеплосъ Аѳиняе скупились; они приносили его всегда чрезъ четыре года, въ большія Панаѳинейскія празднества.

ГЕФЕСТЪ (*Ἥφαιστος*).

Это божество сохранило яснѣе другихъ боговъ Греческихъ свое первоначальное значеніе, даже послѣ своего преобразованія въ божество человѣкообразное. У Гомера еще встрѣчается слово гефестъ (*ἥφαιστος*) просто въ смыслѣ огня (Ил. II, 426).

Въ такомъ же смыслѣ на вулканическомъ островѣ Лемносѣ поклоненіе Гефеста было поклоненіемъ огня. Ежегодно на цѣломъ островѣ тушили огонь на девять дней, въ которые, особо для этого назначенный ко-

рабль, отправлялся на островъ Делосъ, чтобъ привесть оттуда огонь съ жертвенника Аполлона. На возвратномъ пути корабль лавировалъ нѣсколько времени предъ островомъ, чтобъ жители живѣе чувствовали потребность огня, который наконецъ по прибытіи корабля доставлялся имъ.

Въ системѣ Олимпійскихъ боговъ Гефестъ, — сынъ Зевса и Геры, обиженный природою и нелюбимый родителями. Онъ хромалъ (*αμφιγυήεις*), и посему мать, стыдясь своего сына, хотѣла скрыть его; но при этомъ случаѣ онъ упалъ съ Олимпа въ море, гдѣ его приняли Нереиды, Ѳетида и Еврином а и скрывали девять лѣтъ въ пещерѣ. Здѣсь онъ проводилъ время въ разныхъ искусственныхъ работахъ, и между прочимъ онъ сковалъ кресла такія, что кто на нихъ садился, не могъ болѣе встать съ нихъ. Эти кресла онъ послалъ матери. И дѣйствительно, когда Гера сѣла на кресла, она никакъ не могла встать съ нихъ. Всѣ боги обратились къ Гефесту, чтобъ убѣдить его возвратиться на Олимпъ и освободить Геру; но только Діонису удалось, напоивъ его, посадить на осла и привесть на Олимпъ. Возвратившись на Олимпъ, Гефестъ вздумалъ однажды вмѣшаться въ ссору Зевса съ Герою, за что Зевсъ, разсердившись, схватилъ его за ногу и выбросилъ опять съ Олимпа. Онъ падалъ цѣлый день и полуживой очутился на Лемносѣ, гдѣ его ласково приняли. (Отъ этого паденія, по одному преданію, онъ и сталъ хромать).

Гефестъ—придворный кузнецъ Олимпійскихъ боговъ. Онъ построилъ дворцы на Олимпѣ, сковалъ Зевсу эгиду и скипетръ, для Діониса сдѣлалъ онъ золотой кубокъ.

Въ его мѣдномъ блестящемъ домѣ по стѣнамъ кузницы разставлены двадцать треножниковъ его же работы, изъ которыхъ каждый имѣлъ колесо внизу, такъ что они сами могли идти въ зало собранія боговъ и опять возвратиться. У нихъ недоставало еще ручекъ, которыя ковалъ Гефестъ, когда Ѳетида пришла къ нему просить о новомъ вооруженіи для сына своего Ахиллеса. Въ работѣ ему помогали двѣ золотыя фигуры, похожія на живыхъ дѣвъ, его же работы. Въ нихъ былъ и «смыслъ въ груди, и голосъ и сила, и онѣ разумѣли дѣла безсмертныхъ боговъ» (Пл. XVIII, 369 и пр.).

Поклонялись Гефесту, кромѣ острова Лемноса, еще въ Аѳинахъ, гдѣ ему посвященъ былъ праздникъ кузнецовъ и ремесленниковъ (*χαλκεῖα*). Кромѣ того установлялся въ честь Гефеста бѣгъ съ факелами (*λαμπαδηφορία*). Участвовавшіе въ немъ становились другъ отъ друга на извѣстное разстояніе, и первый бѣжалъ съ горящимъ факеломъ ко второму, второй къ третьему и такъ далѣе, остерегаясь притомъ, чтобъ огонь не потухалъ на бѣгу.

Какъ представитель ремеслъ и искусствъ, Гефестъ въ Аѳинахъ приведенъ въ связь съ Аѳиною, и въ храмѣ его близь Керамика стоялъ возлѣ истукана Гефеста также истуканъ Аѳины.

ФЕБЪ АПОЛЛОНЪ (*Φοῖβος Ἀπόλλων*). [1])

У Дорійцевъ, впослѣдствіи также у Аѳинянъ на всѣхъ улицахъ предъ дверьми домовъ стояли маленькіе

[1]) Müller's Geschichte hellenischer Stämme und Städte; II, 199—366.

столбы конической формы (*κίονες κωνοειδεῖς*), украшаемые постоянно миртовыми вѣнками, лентами и предъ которыми курился θиміамъ. Эти простые столбцы представляли Аполлона, бога Дорійцевъ, даровавшаго имъ добро и отвращавшаго зло. По мѣсту, гдѣ находились эти столбцы, самъ Аполлонъ назывался *Ἀγυιεὺς* (*Θυραῖος*) уличный.

Съ распространеніемъ Дорійцевъ по Греціи распространилось также поклоненіе Аполлона, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло его значеніе, и въ вѣкъ Гомера, Аполлонъ является божествомъ, страшнымъ даже для самихъ боговъ. Когда онъ вступаетъ на Олимпъ въ домъ Зевса, всѣ боги со страхомъ встаютъ съ мѣстъ своихъ; одна только мать его Латона остается на тронѣ возлѣ Зевса-Громовержца, снимаетъ съ сильныхъ плечь сына лукъ и колчанъ и сажаетъ его на тронъ, радуясь, что она родила сына луконосца (*τοξοφόρον*) и сильнаго. (Hymn. Hom. in Ap. I, 1—10).

Не безъ причины Аполлона боялись боги и люди. Его стрѣлы издали неминуемо достигали своихъ жертвъ и наносили имъ внезапную смерть (*ἕκατος*, *ἑκατήβολος*). Когда Греки подъ Троею оскорбили жреца его, Аполлонъ въ гнѣвѣ, ночи подобный сошелъ съ Олимпа, сѣлъ поодаль кораблей Грековъ и началъ пускать въ станъ ихъ свои стрѣлы. Тотчасъ распространилась между Греками смерть, и моръ продолжался девять дней, пока наконецъ Греки жертвами не умилостивили бога.

Алоиды, Отосъ и Эфіалтъ, исполины, сыновья Алоея и Ифимедеи, въ надменности своей предприняли борь-

бу противъ Олимпійскихъ боговъ. Они взгромоздили гору Оссу на Олимпѣ, а на Оссу подняли Пеліонъ, и такимъ образомъ проложили почти уже дорогу на небо; но погибли отъ стрѣлъ Аполлона.

Но не только съ ужасной стороны представлялся Аполлонъ, мститель и каратель надменности; онъ отвращаетъ также зло (*ἀλεξίκακος*, *ἀποτροπαῖος*), исцѣляетъ (*ἀκέσιος*) [1]) и спасаетъ въ несчастіи (*σωτήρ*). Сама смерть отъ его стрѣлъ иногда является вожделѣннымъ даромъ его. Спасительнымъ онъ является однако только людямъ непорочнымъ, справедливымъ, чистымъ, такъ какъ онъ самъ чистъ (*ἁγνός*), свѣтелъ (*φοῖβος*, *ξανθός*, *λυκηγενὴς* зарею рожденный). На Олимпѣ онъ веселится игрою на киѳарѣ, звукамъ которой «вторятъ Музы сладкимъ голосомъ своимъ». (Ил. I, 603).

Аполлонъ любезный сынъ Зевса (*Διὶ φίλος*), охраняетъ установленный Зевсомъ порядокъ, устройство и гармонію міра, и возвѣщаетъ людямъ въ оракулахъ то, что, согласно съ этимъ порядкомъ, должно случиться — неизмѣнную волю Зевса (*Διὸς νημερτέα βουλήν*) [2]).

---

[1]) Асклепій (Эскулапъ), которому поклонялись въ Ѳессаліи и Эпидаврѣ, и который будто не только исцѣлялъ всѣ болѣзни, но и воскресалъ мертвыхъ, почитался сыномъ Аполлона.

[2]) Отъ Аполлона, бога оракуловъ, водили свой родъ почти всѣ предвѣщатели будущаго (*μάντεις*), или по крайней мѣрѣ они, по преданію, получили даръ предсказывать будущее отъ него, какъ Калхасъ подъ Троею, Тирезій съ до-

Мѣстомъ рожденія Аполлона почитался Делосъ, одинъ изъ Кикладскихъ острововъ. Латона, преслѣдуемая Герою, долго блуждала по землѣ, не находя мѣста, которое посмѣло бы стать родиною свѣтлому сыну ея. Наконецъ она пришла къ острову Делосу и просила его быть мѣсторожденіемъ ея сыну, обѣщая ему за то богатство и великую славу. Когда Латона подтвердила свое обѣщаніе клятвою водами Стикса, Делосъ согласился принять ее. Девять дней Латона провела въ мученіяхъ и богини Діона, Рея, Ѳемида и Амфитрита не могли помочь ей, ибо Гера изъ ревности и зависти удерживала на Олимпѣ Илиѳію, богиню родовъ. Наконецъ, когда Илиѳіи обѣщали богатое ожерелье, она пришла на помощь и у подошвы горы Киѳа (Cynthus) подъ пальмою, близь ручья Инопоса, Аполлонъ увидѣлъ свѣтъ дневный и принялъ *изъ рукъ Ѳемиды* (богини Порядка) первую пищу. Въ ознаменованіе этого на Делосѣ, какъ мѣстѣ, гдѣ родился самъ богъ Аполлонъ, соблюдали, чтобъ никто не рождался и не умиралъ, и для того перевозили опасно-больныхъ и родильницъ на ближній островокъ Ренею.

Съ Делоса Аполлонъ идетъ чрезъ Аттику и Віотію, (или по другому сказанію—чрезъ сѣверныя страны и Віотію) въ Дельфы, гдѣ при источникѣ Касталіи изъ темной пещеры напало на него чудовище, порожденіе земли, и ила, оставшагося послѣ потопа. Это былъ

черью Манто въ Ѳивахъ. Кромѣ того всѣ сивиллы, какъ Герофила въ Дельфахъ, Кларосѣ, Делосѣ, сивилла Эриѳрейская, Куманская и другія предсказывали будущее подъ вдохновеніемъ Аполлона (ἐκ θεοῦ).

драконъ Пиѳонъ, стражъ древняго, находившагося здѣсь, оракула земли.

Въ завязавшейся съ Пиѳономъ борьбѣ Аполлонъ въ первый разъ испыталъ дѣйствіе своихъ стрѣлъ; онъ умертвилъ ими страшнаго Пиѳона [1]). Одержавъ побѣду, Аполлонъ самъ сломилъ себѣ съ дерева лавры на вѣнокъ, запѣлъ торжественный, побѣдный пэанъ (*παιᾶν*) и принялъ въ свое владѣніе оракулъ. Но запятнанный кровью, Аполлонъ долженъ очиститься. Онъ отправляется изъ Дельфовъ въ Ѳессалію, въ Феру къ царю Адмету [2]) и служитъ ему великій годъ (*μέγας ἐνιαυτός*) (восемь человѣческихъ лѣтъ) пастухомъ (*νομιός*). По истеченіи срока служенія Аполлонъ еще очищается лавровою вѣтвію изъ Темпейской рощи. Искупивъ такимъ образомъ свое преступленіе, Аполлонъ возвращается въ Дельфы и возвѣщаетъ съ треножника Зевсову волю.

---

[1]) Подобную борьбу предпринялъ Аполлонъ съ Титіемъ (*Τιτυός*), исполиномъ, тякже рожденнымъ отъ земли. Пораженный стрѣлами Аполлона, Титій заключенъ въ Тартаръ, гдѣ два коршуна постоянно раздирали его печенку.

[2]) Адметъ (*Ἄδμητος*), *неодолимый*, было также именемъ Ада, бога преисподней. Сказаніе украсило это служеніе Аполлона у Адмета, многими прибавленіями: говорили, что Аполлонъ служетъ Адмету изъ дружбы къ нему, и выпросилъ у судьбы, чтобъ, когда наступитъ часъ смерти для Адмета, вмѣсто него могъ сойти въ гробъ или отецъ его, или мать или жена. Жена Алкестисъ пожертвовала своею жизнью для мужа. Въ вознагражденіе за такую преданность, Персефона отослала ее на свѣтъ, или, какъ говорятъ, Геракласъ вывелъ ее изъ преисподней опять къ жизни.

Чистый, непорочный Аполлонъ, подвергшійся долгому служенію у Адмета, чтобъ смыть съ себя пролитую кровь, охотнѣе всего пребываетъ среди народа также чистаго, справедливаго, непорочнаго. Такимъ народомъ въ воображеніи Грековъ былъ баснословный народъ Гиперборейцевъ, жившихъ по ту сторону Борея, на сѣверъ отъ Скиѳовъ. Гиперборейцы воздерживались отъ мясной пищи, любили справедливость, жили въ постоянномъ мирѣ, радости и веселіи, не зная ни болѣзней, ни дряхлости, и пресыщенные тысячелѣтнею безмятежною жизнію, искали смерти въ волнахъ моря, куда они, увѣнчанные и съ веселымъ видомъ, бросались со скалы. Къ нимъ Аполлонъ сперва направилъ путь, когда Зевсъ, надѣвъ ему на голову повязку и давъ въ руки лиру, посадилъ его на колесницу съ бѣлыми лебедями и велѣлъ ѣхать въ Дельфы возвѣщать Грекамъ правду и законъ. Дельфійцы, узнавъ, что Аполлонъ уѣхалъ къ Гиперборейцамъ, устроили пѣсни и хоры юношей вокругъ треножника и приглашали бога придти къ нимъ отъ Гиперборейцевъ. Пробывъ здѣсь цѣлый годъ, радуясь пѣснямъ и пляскамъ Гиперборейцевъ, Аполлонъ велѣлъ наконецъ лебедямъ полетѣть въ Дельфы. Съ спѣлымъ колосомъ, взятымъ у Гиперборейцевъ, Аполлонъ прибылъ сюда въ срединѣ лѣта [1]): «соловьи, ласточки, кузнечки прославляли прибытіе его и даже Касталійскій источникъ и рѣка Кифисъ привѣтствовали его, поднимая свои воды» [2]).

---

[1]) Когда въ Греціи начинаютъ рѣзать первый хлѣбъ.

[2]) Пэанъ Алкея, сохраненный у Ритора Гимерія (ог. 14, iv).

Какъ въ миѳахъ Аполлонъ является богомъ то мстительнымъ, страшнымъ карателемъ вины, то милостивымъ, спасительнымъ, любящимъ невинность, миръ и порядокъ, такъ и поклоненіе ему въ Греціи представляетъ этотъ двойной характеръ.

Когда Греки представляли себѣ Аполлона милостивымъ, то они приносили ему, въ Дельфахъ и на Делосѣ, пирожки, связки колосьевъ и воскуренія; въ Патарѣ (въ Ликіи) приносили ему родъ прянниковъ, представлявшихъ форму лука, стрѣлы или лиры.

Но когда въ мѣсяцъ Мунихіонъ (нашъ Апрѣль) люди начинали томиться зноемъ солнечнымъ, то полагали, что Аполлонъ гнѣвается за многообразную вину людей и что надобно умилостивить его (*ἱλάσκειν*, *ἱλασμοί*) и смыть съ себя вину (*καθαρμοί*). Такъ въ Сикіонѣ ежегодно въ это время семь мальчиковъ съ семью дѣвочками, омывшись въ рѣкѣ Сиѳасъ, носили въ процессіи идолы Аполлона и сестры его Артемиды въ храмъ богини Убѣжденія (*Πειθώ*), просить ея заступничества, и оттуда обратно въ храмъ Аполлона. Тоже самое совершалось въ Аѳинахъ въ праздникъ *Дельфиніонъ* (который падалъ на 6-й день мѣсяца Мунихіонъ, слѣдовательно въ тоже самое время). Здѣсь семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ носили въ смиренномъ шествіи въ Дельфиніонъ, въ храмъ Аполлона, такъ называемую гикетерію (*ἱκετηρία*) — знакъ молящаго: масличную вѣтвь, обвѣшанную бѣлыми шерстяными лентами. Въ слѣдующій за тѣмъ мѣсяцъ Ѳаргеліонъ (нашъ Май), въ шестой день, въ праздникъ Ѳаргеліи (*Θαργήλια*), чтобъ смыть съ себя всѣ преступленія и

вину, Аѳиняне выводили изъ среды своей двухъ мужей (или одного мужчину и одну женщину) украшенныхъ цвѣтами какъ животныя, обвѣшивали ихъ смоквами въ знакъ ихъ порочности [1]) и съ проклятіями бросали ихъ со скалы въ море [2]). Для этого обряда сберегали преступниковъ, которые въ этотъ праздникъ замѣняли такимъ образомъ человѣческую жертву (*φαρμακοί*), приносимую для очищенія народа (*καθαρμός*).

Отвративъ и умилостививъ этимъ обрядомъ гнѣвъ Аполлона, Аѳиняне въ слѣдующій день (7 Ѳаргеліонъ) приготовляли къ отплытію священный корабль [3]), (*θεωρία*), который перевозилъ въ Делосъ священное посольство для присутствія и участія въ Делосскихъ празднествахъ, совершаемыхъ здѣсь въ честь Аполлона и Артемиды.

Къ Делосскому празднеству (*Δήλια*) съ древнѣйшихъ временъ съѣзжались съ окрестныхъ Кикладскихъ острововъ Іонійцы съ женами и дѣтьми и съ богатыми жертвами Аполлону. Даже Гиперборейцы, по преданію

---

[1]) Смоква (*σῦκον*) символъ негодности и порочности, и негодный человѣкъ назывался между прочимъ *συκινὸς ἀνήρ*.

[2]) Сброшенныхъ со скалы подхватывали внизу на лодкахъ и увозили за границы Аттики въ изгнаніе.

[3]) Этотъ корабль былъ тотъ самый, на которомъ Ѳезей поѣхалъ въ Критъ для убіенія Минотавра и на возвратномъ пути присталъ къ острову Делосу, гдѣ онъ далъ обѣтъ, что Аѳиняне ежегодно будутъ посылать сюда священное посольство (*θεωρία*).

Грековъ, присылали къ этому празднеству свое приношеніе Аполлону, состоявшее въ пшеничномъ колосѣ. Этотъ колосъ переходилъ отъ Гиперборейцевъ къ Скиѳамъ, отъ Скиѳовъ къ сосѣдямъ ихъ и такъ далѣе изъ рукъ одного народа къ другому и наконецъ жители Теноса приносили его въ Делосъ. Геродотъ же (IV, 33) говоритъ, что Гиперборейцы сперва посылали съ этимъ даромъ въ Делосъ двухъ дѣвъ подъ защитою пяти мужей, называвшихся *περφερέες* и получавшихъ въ Делосѣ великія почести.

Послѣ жертвоприношенія и пировъ на берегу рѣки Инопоса подъ деревьями, сплетенными въ палатки, народъ увеселялся играми гимнастическими и музыкальными. На другой день дѣвы въ праздничныхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ, а юноши съ мечами на бедрахъ выводили подъ звуки киѳары хороводы и два запѣвала (*κυβιστητῆρε*) стояли въ срединѣ и запѣвали пѣсни. (Ил. XIX, 591—606). Въ другомъ хорѣ дѣвъ мимически представлялось рожденіе Аполлона, что также сопровождалось пѣснью (на рожденіе Аполлона).

Аѳиняне, очистивъ островъ отъ всѣхъ могилъ, возстановили это празднество во время Пелопоннесской войны и съ тѣхъ поръ оно совершалось чрезъ каждые четыре года (*πενταετηρίς*) съ гимнастическими и музическими состязаніями, впослѣдствіи также съ бѣгомъ на лошадяхъ.

Въ Дельфахъ, девять мѣсяцевъ (отъ начала Апрѣля (*Βύσιος*) до начала Декабря) были посвящены исключительно служенію Аполлону и въ это время въ честь ему раздавался пэанъ. Порядокъ, въ которомъ празд-

нества слѣдовали одно за другимъ, соотвѣтствовалъ ходу событій, разсказываемыхъ о самомъ Аполлонѣ. Въ первый весенній мѣсяцъ (*Βύσιος*) Аполлонъ приходитъ въ Дельфы и вступаетъ въ борьбу съ Пиѳономъ. Въ это время гнѣвъ его страшенъ, и вѣроятно соблюдались здѣсь такіе же обряды для примиренія и умилостивленія Аполлона, какъ въ Аѳинахъ. Въ 7-й день этого мѣсяца, говорили, что Аполлонъ убилъ Пиѳона, занялъ треножникъ и отправился въ Темпе для своего очищенія. И потому раздавался въ этотъ день въ Дельфахъ побѣдный пэанъ съ игрою на киѳарѣ (*Πυθικὸς νόμος*), Пиѳія садилась на треножникъ возвѣщать людямъ Зевсову и Аполлонову волю и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная процессія отправлялась въ Ѳессалію въ Темпе.

Побѣдный пэанъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1) прелюдія, 2) приступа, 3) ямбовъ, представлявшихъ брань, предшествующую борьбѣ, 4) дактиловъ и критскихъ стиховъ, описывавшихъ самую борьбу, и наконецъ 5) изъ свиста, напоминавшаго послѣднее издыханіе и шипѣніе дракона. Къ этому пэану впослѣдствіи присоединились музыкальныя состязанія, сперва чрезъ каждые восемь лѣтъ, а потомъ (съ 48 Олимпіады) чрезъ четыре года, въ каждый третій годъ Олимпіады. Въ началѣ допускались только игроки на киѳарѣ (*κιθαρῳδοί*), потомъ также игроки на флейтѣ (съ 48 Олимпіады) [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь введены

[1]) Вскорѣ однако игра на флейтѣ опять была исключена изъ круга состязаній, потому что, по понятіямъ Грековъ,

были также прочія состязанія, бывшія въ употребленіи въ Олимпіи. Тѣ, которые оставались побѣдителями на этихъ состязаніяхъ Пиѳійскихъ, получали вѣнокъ изъ лавровъ.

Процессія, отправлявшаяся въ этотъ же день въ Темпе, сопровождала мальчика, который представлялъ самого Аполлона, отправлявшагося къ Адмету на служеніе. Дошедши по священной дорогѣ (*ἱερὰ ὁδός*) до мѣстечка Феръ при Пагазейскомъ заливѣ, процессія останавливалась и мальчикъ мимически представлялъ служеніе Аполлона у царя Адмета. Прибывъ въ Темпе и совершивъ жертвоприношеніе, мальчикъ срывалъ, въ память очищенія бога, съ лаврoваго дерева вѣтвь, съ которою онъ, какъ дафнефоросъ (*δαφνηφόρος*, несущій лавръ), возвращался въ Дельфы, сопровождаемый радостными пѣснями хора дѣвъ. На пути процессія останавливалась въ деревнѣ Дипніасъ (*Δειπνιάς*), гдѣ мальчикъ принималъ первую пищу послѣ очищенія.

Въ то же время, когда изъ Дельфовъ выступала эта процессія, въ другихъ мѣстахъ Греціи, какъ напр. въ Ѳивахъ, праздновались также *дафнефоріи*, въ которыя мальчикъ приносилъ въ храмъ Аполлона лавровую вѣтвь.

У Спартанцевъ Аполлонъ былъ главнымъ божествомъ, и ежемѣсячно перваго и седьмаго числа цари Спартанскіе совершали ему жертвоприношеніе. Однако здѣсь поклоненіе ему приняло другой видъ, чѣмъ

Аполлонъ ненавидѣлъ протяжные и пронзительные звуки флейты.

въ прочихъ частяхъ Греціи. Главныя празднества Спартанцевъ въ честь Аполлона были Іакинѳіи (Ὑακίνθια), Карнеи и Гимнопедіи.

Іакинѳіи [1]), празднество собственно древнихъ жителей Лакедемона, совершалось въ Амиклахъ въ продолженіе трехъ дней въ память Іякинѳа, любимца Аполлонова, котораго Аполлонъ по миѳу убилъ нечаянно въ игрѣ дискомъ. Первый день ихъ былъ посвященъ печали по умершемъ Іакинѳѣ; во второй и третій дни распространялись съ звуками киѳары и флейты радость и веселіе, выражавшіяся въ пляскахъ и хорахъ молодежи.

Карнейскій праздникъ, весьма важный для Спартанцевъ, продолжался девять дней въ мѣсяцъ Карніи (около Августа). Онъ былъ установленъ въ память походной жизни, проведенной подъ покровительствомъ Аполлона во время переселеній Дорійскихъ. Къ празднеству строили внѣ города девять палатокъ, въ которыхъ помѣщалось по девяти человѣкъ, которые во всемъ слѣдовали командѣ глашатая. Всѣ жертвоприношенія, хоры, пляски, состязанія устроивалъ верховный жрецъ, подъ именемъ ἀγέτας — предводитель. Ему помогали пятнадцать мужей, по имени Карнеаты, которые избирались на четыре года.

Гимнопедіи (Γυμνοπαιδίαι) праздновались преимущественно молодежью, которая въ одинъ день выводила на площади хоры и пляски вокругъ идоловъ Апол-

---

[1]) Ὑακινθια происходитъ отъ Ὑακίνθος, имени цвѣтка hyacinthus, который служитъ символомъ умирающей природы.

лона, Артемиды и Латоны, и въ слѣдующій за тѣмъ день устраивала военную пляску въ честь Діониса и пѣла пэаны славнѣйшихъ Дорическихъ поэтовъ. Взрослые въ эти дни плясали военную пляску въ театрѣ, въ полномъ вооруженіи.

Оракулы Аполлона стали одною изъ главныхъ пружинъ исторіи Грековъ. Для всѣхъ предпріятій, войнъ, основанія колоній и во всѣхъ сомнительныхъ дѣлахъ Греки обращались за совѣтомъ къ оракулу, и особенно Дельфійскому, который, владѣя огромными средствами и имѣя обширныя связи во всѣхъ частяхъ Греціи, очень легко могъ руководить судьбою Греческихъ народовъ и давать по-часту самые спасительные совѣты. Онъ, по представленіямъ Грековъ, находился въ средоточіи земли (*μεσόμφαλοι μυχοὶ, μέσον ὄμφαλον γᾶς*). Объ основаніи его носилось много преданій. Говорили, что въ самомъ началѣ оракуломъ владѣла Земля и нимфа Дафнида была ея прорицательницею; по другому сказанію Посидонъ вмѣстѣ съ Землею владѣли имъ, и Земля сама издавала оракулы, а Посидонъ предвѣщалъ будущее устами жреца Пиркона. Потомъ Земля уступила свое господство Ѳемидѣ, отъ которой оракулъ перешелъ къ Аполлону, и первою вѣщуніею его была *Фемоноя*, вѣщавшая первая въ гекзаметрахъ.

Древнѣйшій храмъ Дельфійскій, по преданію, построенъ былъ въ видѣ избы изъ лавровыхъ вѣтвей, принесенныхъ сюда изъ Темпейской долины. Второй храмъ затѣмъ построили пчелы изъ воску и крыльевъ своихъ. Аполлонъ послалъ этотъ храмъ къ любимцамъ

своимъ Гиперборейцамъ. Третій храмъ былъ мѣдный работы Гефеста; съ кровли его пѣли золотыя Сирены (Хелидоны). Когда и этотъ храмъ исчезъ съ поверхности земли, славные зодчіе Трофоній и Агамедъ построили новый храмъ изъ камня, который сгорѣлъ въ первомъ году 58 Олимпіады (546 до Р. Хр). Его возстановилъ съ большимъ великолѣпіемъ богатый и знаменитый родъ Алкмеонидовъ, изъ Аѳинъ, отчасти на собственномъ иждивеніи, отчасти на счетъ денегъ, собранныхъ въ разныхъ странахъ. Богатства Дельфійскаго храма, скопившіяся здѣсь съ незапамятныхъ временъ и упоминаемыя уже въ Иліадѣ (IX, 404 и пр.) были несмѣтны. Послѣ каждаго удачнаго предпріятія, одержанной побѣды, выгоднаго оборота и проч. Греки посылали въ Дельфы десятую часть добычи или другой прибыли, а за оракуломъ никто не приходилъ съ пустыми руками. Для большей части городовъ Греческихъ въ Дельфахъ находились особыя сокровищницы, (*θησαυροὶ*), въ которыхъ сохранялись приношенія каждаго изъ нихъ.

Распорядителями въ храмѣ, по преданію, Аполлонъ самъ назначилъ Критскихъ купцевъ, которыхъ онъ самъ привелъ сюда и которымъ онъ самъ приказалъ не заботиться о своемъ пропитаніи, а «имѣя въ правой рукѣ ножъ, закалать жертвы, которыя въ изобиліи люди будутъ приносить сюда» (Hom. Hymn. ad Ap. Pyth. 275 и пр.).

Во времена историческія, храмъ со всѣми принадлежностями былъ въ распоряженіи пяти благородныхъ фамилій, водившихъ свой родъ отъ Девкаліона, и изъ

среды которыхъ избирались жрецы подъ именемъ *ὅσιοι* (священные) и глава ихъ *προφήτης* (вѣщатель). Въ вѣщуньи (Пиѳіи) избирались женщины, преимущественно изъ Дельфійскихъ уроженокъ, бѣдныя и глупыя, имѣвшія по крайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Пиѳія садилась на треножникъ сперва только однажды въ годъ, 7 дня мѣсяца Висія, впослѣдствіи же ежемѣсячно въ извѣстный день. Неѣвши ничего въ продолженіе трехъ дней, омывшись въ Касталійскомъ источникѣ, Пиѳія послѣ жертвоприношенія вступала въ храмъ, пила изъ бившаго тамъ источника Кассотисъ и садилась на треножникъ, покрытый лавровыми листьями. Жрецы, сидя вокругъ, толковали и приводили въ связь несвязныя слова, которыя Пиѳія произносила въ состояніи изступленія. Это изступленіе иногда было столь сильно, что за нимъ слѣдовала смерть. Стихоплеты, которые здѣсь нарочно содержались, давали изрѣченіямъ форму гекзаметровъ. Любопытныхъ удерживала въ удаленіи отъ храма толпа женщинъ подъ именемъ *πρόσπολοι γυναῖκες*.

Оракуловъ Аполлоновыхъ было много, особенно въ Малоазійскихъ колоніяхъ, въ Дидимѣ близъ Милета, въ Кларосѣ близь Колофона, которые однако имѣли важность только для окрестныхъ жителей. Въ Ликіи въ Патарѣ, считавшейся, какъ островъ Делосъ, родиною Аполлона, былъ также оракулъ его. Здѣсь Аполлонъ, по мнѣнію Грековъ, проводилъ зимніе мѣсяцы, между тѣмъ какъ въ прочіе шесть мѣсяцевъ лѣтомъ онъ пребывалъ на Делосѣ. Согласно съ двоякою природою Аполлона, бога гнѣвнаго, карающаго, мститель-

наго и бога мирнаго, милостиваго, стройнаго, въ ваяніи его представляли въ двоякомъ видѣ: то гнѣвнымъ и гордымъ побѣдителемъ врага съ лукомъ и колчаномъ, то играющимъ на киѳарѣ, ласковымъ, съ выраженіемъ воодушевленія на лицѣ.

АРТЕМИДА (*Ἄρτεμις*).

Съ мыслью объ Аполлонѣ Греки всегда соединяли мысль объ Артемидѣ, сестрѣ его. Въ празднествахъ, установленныхъ въ честь Аполлона, часть жертвы удѣлялась также Артемидѣ, которая раздѣляла съ нимъ во многихъ мѣстахъ также храмы. Она вооружена, какъ Аполлонъ, лукомъ и стрѣлами (*ἰοχέαιρα*). Окруженная нимфами и стадомъ собакъ, она гонится въ горахъ и лѣсахъ за дикими звѣрьми, которыя были въ ея особенномъ попеченіи. Утомленная охотою, она идетъ къ брату въ Дельфы, затѣваетъ здѣсь хоры съ Харитами и Музами, которыя безсмертнымъ голосомъ своимъ прославляютъ Латону и свѣтлыхъ дѣтей ея (Hom. hymn. in Art.).

Какъ божество женское, она избрала себѣ кругомъ дѣйствія женскій полъ и въ особенности надзирала за чистотою нравовъ женщинъ и дѣтей. Ея стрѣлы наносятъ смерть женщинамъ за надменность и пороки; такъ какъ стрѣлы Аполлона поражали мужей. Съ другой стороны Артемида была божествомъ также свѣтоноснымъ (*φωσφόρος, σελασφόρος*). Она давала людямъ и животнымъ жизнь и здравіе и способствовала ихъ рожденію (*παιδότροφος*; *εἰλείθυια*). Въ такомъ значеніи Артемида въ ваяніи представлялась съ факелами въ рукахъ, ибо свѣтъ у Грековъ былъ символомъ жизни.

Какъ богинѣ охоты, Артемидѣ поклонялись преимущественно въ Ахаѣ, городѣ Патрѣ, гдѣ въ праздникъ, называемый Лафрія, предъ идоломъ ея строили жертвенникъ изъ сухихъ дровъ, вокругъ которыхъ клали зеленыя деревья. Кругомъ жертвенника къэтому празднику дѣлали покатую насыпь, по которой легко можно было всходить и сходить. Въ первый день праздника по городу шла великолѣпная процессія, въ заключеніе которой ѣхала жрица на колесницѣ, запряженной оленями. На другой день со всѣхъ сторонъ приводили къ жертвеннику дикихъ животныхъ: кабановъ, оленей, козъ, волчатъ и медвѣжатъ, разныхъ птицъ и плоды. Все это клали на жертвенникъ, и сожигали на немъ. Животныхъ однако не привязывали къ жертвеннику, такъ что они могли сбѣжать съ жертвенника, и ловля бѣжавшихъ составляла главную забаву этого дня.

Строгою и мстительною являлась Артемида подъ именемъ Орѳійской (*Ορθία*), Таврической (*Ταυροπόλος, Ταυρική*) въ Аттикѣ, въ Авлидѣ и также въ Ахаѣ, гдѣ жители искони приносили ей человѣческія жертвы для ея умилостивленія. Въ Спартѣ предъ идоломъ Артемиды, одинъ видъ котораго приводилъ въ ужасъ, Спартанцы въ древности убивали, какъ жертву, по жребію одного изъ среды своей. Со временъ Ликурга этотъ обрядъ отмѣненъ и вмѣсто того введенъ обычай ежегодно *сѣчь до крови* дѣтей предъ жертвенникомъ Артемиды (*διαμαστίγωσις*).

Въ Авлидѣ, городѣ Віотіи, хранилось преданіе, будто когда по причинѣ противнаго вѣтра флотъ Грековъ не могъ отплыть подъ Трою, Агамемномъ принесъ свою

дочь Ифигенію въ жертву Артемидѣ, обиженной Агамемнономъ. Въ то мгновеніе, когда Агамемнонъ хотѣлъ нанесть дочери смертельный ударъ, Артемида замѣнила ее оленемъ и перенесла Ифигенію въ облакѣ на берега Чернаго моря въ Тавриду. Здѣсь она сдѣлала Ифигенію жрицею своего храма. Въ этомъ храмѣ Артемидѣ приносили въ жертву моряковъ, заброшенныхъ сюда бурею. Орестъ, братъ Ифигеніи, преслѣдуемый Эринніями за пролитую имъ кровь матери, по приказанію оракула, прибылъ сюда и съ помощью сестры увезъ отсюда деревянный идолъ Артемиды. Съ нимъ онъ прибылъ, по сказанію Аѳинянъ, въ Аттику въ мѣстечко *Βραυρων*, а по сказанію Спартанцевъ въ Спарту, и установилъ Артемидѣ жертвы человѣческія. Этимъ сказаніемъ Греки оправдывали ужасный обычай человѣческихъ жертвъ, считая его варварствомъ. Однако и въ другихъ мѣстахъ встрѣчались явные слѣды его существованія въ Греціи съ древнѣйшихъ временъ. Въ Ахаѣ, городѣ Патрѣ, возлѣ храма Артемиды Лафрійской былъ храмъ Артемиды Трикларійской, въ которомъ жрицею была дѣвица. Когда однажды жрица преступила законъ цѣломудрія, то тотчасъ Артемида начала вымѣщать свой гнѣвъ на жителяхъ и поразила ихъ неурожаемъ и страшными болѣзнями. Въэтой бѣдѣ жители, по совѣту Дельфійскаго оракула, стали приносить въ жертву богинѣ ежегодно прекраснѣйшаго юношу и дѣвицу. Этотъ обычай отмѣненъ послѣ Троянской войны, когда Эврипилъ, возвратившись изъ-подъ Трои, какъ говоритъ преданіе, ввелъ здѣсь новые обряды.

Вступивъ въ сношенія съ жителями Малой Азіи, Греки познакомились въ Эфесѣ съ Лидійскою богинею *Астартою*, представлявшею въ формѣ женщины со множествомъ сосцевъ (dea multimammia) питательную природу. Ее Греки назвали *Артемидою Эфесскою* и стали также поклоняться ей.

посидонъ (*Ποσειδῶν*) [1]).

Посидонъ съ темными кудрями (*κυανοχαίτης*), потрясатель земли (*ἐνοσίχθων*) и владыка обширнаго моря (*κινήτηρ ἀτρυγέτοιο θαλάσσης*) пребываетъ то на Олимпѣ, то въ своемъ дворцѣ въ глубинѣ моря. Здѣсь находятся его мѣднокопытные быстрые кони, на которыхъ онъ разъѣзжаетъ по волнамъ моря. При появленіи его, рыбы для привѣта выплываютъ на поверхность и все море наполняется радостію. Трезубцемъ (*τρίαινα*) [2]) Посидонъ возбуждаетъ вихри, покрываетъ землю и море облаками, возмущаетъ море, разсѣкаетъ скалы и извлекаетъ изъ нихъ источники и рѣки.

Посидонъ, владыка моря (*ποντομέδων ἄναξ*), былъ также покровитель мореходства и спаситель кораблей (*σωτὴρ νηῶν*). По этому мореплавающія племена Греческія и чужестранцы, прибывавшіе въ Грецію на ко-

---

[1]) Имя *Ποσειδῶν* и *Ποτίδης* производятъ отъ *πότος*, *πόω*, *πόσις* — влага.

[2]) Трезубецъ, какъ главное орудіе, употреблявшееся въ рыбной ловлѣ (*ἰχθύβολος*, *ἰχθυόκεντρον*, jaculum cetarium), былъ вмѣстѣ и приличнымъ орудіемъ въ рукахъ Посидона, владыки моря.

рабляхъ, почитались его дѣтьми. Храмы Посидона, обширною грудью обнимающаго земли (*εὐροστέρνοιο*), находились на островахъ, мысахъ, перешейкахъ, косахъ, вдающихся въ море, и въ городахъ приморскихъ. Мѣсяцъ, предъ зимнимъ солнцестояніемъ, въ которомъ бури и погоды сильно волнуютъ море, носилъ имя Посидеона и былъ посвященъ Посидону.

Посидонъ, обнимая землю (*γαιήοχος*) подпираетъ (*ἀσφάλιος*) и также потрясаетъ ее (*σεισίχθων*, *ενοσίχθων*). По его гнѣву, сообразно съ понятіями древнихъ Грековъ, городъ Гелика въ Ахаѣ разрушенъ (368 г. до Р. Хр.) землетрясеніемъ и поглощенъ моремъ; а когда въ 237 г. близь Θеры поднялся изъ глубины моря островъ, то Родосцы прибыли сюда и основали здѣсь храмъ Посидону *ἀσφαλίῳ* [1]).

Посидонъ вообще богъ влаги и производитъ всѣ источники и рѣки, орошающіе и питающіе землю (Aesch. Septem c. Th. 307). Было преданіе, что въ Треценѣ *Леисъ* (*Λεις—λειον*, поле), дочь царя *Ὥρος*, родила отъ Посидона сына Алѳепоса (*Ἀλθηπός* отъ глагола *ἀλθαίνω*, crescere facio), который построилъ храмы Посидону — питателю растеній (*φυτάλμιος*) и Деметрѣ — матери землѣ. Вся Аркадія, обильная источниками и рѣками, почиталась жилищемъ Посидона (*οἰκητήριον Ποσειδῶνος*).

Посидонъ, дарователь водъ суши и моря, даровалъ людямъ, по понятіямъ Грековъ, и коня, котораго они

---

[1]) Вообще не было острова Греческаго, на которомъ бы не былъ воздвинутъ храмъ этому божеству.

встрѣтили впервые вблизи источниковъ и рѣкъ на сочныхъ лугахъ. По этому Посидонъ назывался *ἵππιος*, *δμήτηρ ἵππων*, укротитель коней, и любимою жертвою для него была лошадь.

«Земля, пораженная великимъ трезубцемъ Посидона, явила коня.» (Virg. Georg. II, 12). Въ Θессаліи Земля, оплодотворенная Посидономъ, родила коня Скифіоса, и здѣсь издревле учреждаемы были въ честь Посидона конныя состязанія [1]). Въ Віотіи близь города Онхеста родился конь *Аріонъ* (*Ἀρείων*) отъ Посидона, у Тилфонскаго источника. Въ Аттикѣ, въ демосѣ Колоносъ, поклонялись Посидону конному вмѣстѣ съ Аѳиною *ἵππια*, научившею людей между прочимъ зауздывать и укрощать лошадей.

Поклоненіе Посидону принадлежитъ къ самымъ древнимъ временамъ Греціи, когда Іонійское племя обладало еще Пелопоннесомъ. Главными мѣстами его поклоненія были города Гелика и Эге въ Ахаѣ, отчего и самъ Посидонъ назывался *Ἑλικώνιος*, и дворецъ его въ глубинѣ моря—*Эге* (*Αἰγαι*).

Іоняне, переселившись на берега Малой Азіи, перенесли съ собою поклоненіе Посидону, построили ему храмъ на мысѣ Микалѣ и устроили празднества *Πανιώνια*, на которыя собирались Іоняне съ окреетностей.

Въ Елладѣ, съ вытѣсненіемъ отсюда Іонянъ, поклоненіе Посидону уступило мѣсто поклоненію другимъ божествамъ. Это выражено въ миѳахъ о спорѣ Поси-

---

[1]) Вообще на бѣгахъ Посидонъ призываемъ былъ въ разбиратели возникавшихъ споровъ.

дона съ этими божествами за владѣніе страною. Въ Аѳинахъ и Треценѣ онъ спорилъ съ Аѳиною. За владѣніе Аргосомъ Посидонъ спорилъ съ Герою и по опредѣленію рѣкъ Инаха, Кифиса, Астеріона и царя Форонея, сына Инахова, страна эта присуждена Герѣ. Въ досадѣ на это, Посидонъ, по одному сказанію, отнялъ у рѣкъ Аргосскихъ свои воды, такъ что онѣ питались только отъ дождей и высыхали лѣтомъ; по другому сказанію Посидонъ наводнилъ страну и только по просьбѣ Геры онъ отступилъ въ свои берега. Въ ознаменованіе этого, Аргосцы построили на томъ мѣстѣ, откуда вода начала отступать, храмъ Посидону подъ именемъ *Προσκλύστιος* (Подмывающаго).

На Коринѳскомъ перешейкѣ, Исѳмѣ, возвышающійся на берегу его мысъ былъ посвященъ Солнцу, а равнина Посидону. Здѣсь былъ храмъ и въ немъ идолъ Посидона съ трезубцемъ въ рукѣ, покоившійся ногою на Дельфинѣ. Здѣсь праздновались чрезъ каждые два года въ первый и третій годъ Олимпіады, Исѳмійскія игры, состоявшія въ гимнастическихъ состязаніяхъ и доступныя всѣмъ Геллинамъ, исключая Аргосцевъ и Элидянъ, нарушившихъ однажды установленное на время игръ перемиріе. Побѣдившіе на этихъ играхъ получали вѣнки съ посвященныхъ ему пиній (*πίτυς*) [1]) и могли выставлять свои статуи предъ храмомъ Посидона по одной сторонѣ дороги, ведшей къ нему, по противоположной сторонѣ которой росли именно эти пиніи.

---

[1]) Pinus (*πίτυς*) употреблялось на постройку кораблей и потому была посвящена Посидону.

Игры Исѳмійскія установлены, по преданію; въ память Меликерта, упавшаго здѣсь въ море. Именно разсказывали, что царь Орхомеиоса, Аѳамосъ, имѣлъ отъ супруги своей Ино, дочери Ѳиванскаго Кадма, двухъ сыновей Леарха и Меликерта. Въ припадкѣ бѣшенства, которому Аѳамасъ былъ подверженъ по гнѣву къ нему Геры, Аѳамасъ хотѣлъ убить своихъ дѣтей и уже убилъ Леарха, но Ино убѣжала съ сыномъ Меликертомъ на Исѳмійскій перешеекъ и бросилась въ море. Ино по милости боговъ превращена въ богиню *Левкоѳею* (*Λευκοθέα*) спасающую мореходцевъ въ кораблекрушеніи; а Меликертъ въ *Палемона*, сохраняющаго гавани, Portunus, и какъ Ино, такъ и Меликертъ имѣли въ Коринѳѣ свои храмы и жертвы, и ихъ идолы стояли въ храмахъ Посидона вмѣстѣ съ идолами его.

АФРОДИТА.

Кровь изувѣченнаго Ураноса, упавшая въ море, носилась на немъ долгое время; вокругъ нея копилась пѣна, въ которой росла дѣва; сперва она приблизилась къ острову Киѳерѣ, а оттуда къ острову Кипру. Здѣсь вышла на берегъ изъ пѣны моря прекрасная богиня (пѣной вскормленная) Афродита и подъ ея нѣжными стопами быстро росла трава (Гез. Ѳеог. 188—199).

Афродита, въ сопровожденіи Эроса и Гимероса, пошла въ собраніе боговъ, которые приняли ее радушно, привѣтствовали, любуясь ея красотою и признали ее дочерью Зевса и Діоны» (Hom. humn.).

Пріятно улыбающаяся (*φιλομείδης*), красотою увѣнчанная (*ἐυστέφανος*), Афродита заботится о любви и

бракосочетаніяхъ людей (*ἔργα γάμοιο*), и покоряетъ себѣ души всѣхъ боговъ и богинь, кромѣ трехъ: Аѳины, которая любитъ войну и умныя дѣла; Артемиды, которой пріятны горы, лѣса, охота, хороводы и пѣсни, и Гестіи, которая поклялась головою Зевса никогда не вступать въ бракъ и заняла почетное мѣсто въ срединѣ домовъ при очагѣ. Прочіе же боги, люди и животныя чувствуютъ силу Афродитина *пояса*, въ которомъ заключаются любовь и страсти» (Hymn. hom. 4 *εἰς Ἀφρ.* 1—44).

Ея дары: длинныя косы и красоса, безполезны мужу и вожделѣнны однѣмъ женщинамъ (Ил. III, 54—55). По этому у Грековъ поклонялись ей однѣ только женщины, которыя предъ бракосочетаніемъ (въ Ерміонѣ и Навпактѣ) приносили Афродитѣ особенныя жертвы.

Главнымъ мѣстомъ поклоненія Афродитѣ были острова Киѳера и Кипръ, откуда оно и перешло къ Грекамъ. Съ нимъ тѣсно связано было празднество Адониса (*Ἀδώνια*), въ которомъ женщины оплакивали смерть Адониса, олицетворенія прекрасной природы. Подобно растеніямъ, Адонисъ по опредѣленію боговъ, проводилъ часть года съ Персефоною подъ землею, а двѣ части съ Афродитою на бѣломъ свѣтѣ. Появленіе его на свѣтъ и возвращеніе въ мрачное царство Персефоны составляли предметъ празднествъ Адонисовыхъ, перешедшихъ съ Кипра въ Грецію. Къ этому празднеству, за восемь дней, сажали въ глиняные горшки и серебряныя корзины цвѣты, которые, какъ напр. латукъ, скоро вырастаютъ и скоро увядаютъ. Съ этими корзинами и горшками, такъ называемыми Адонисовыми

садами, на рукахъ, женщины, обносили въ празднество Адониса идолы его и Афродиты въ процессіи съ плачемъ и рыданіемъ, вспоминая притомъ о близкихъ собственному сердцу, которыхъ похитила ранняя смерть въ цвѣтѣ лѣтъ.

АРЕСЪ.

Кровожадный (*μιαίφονος*), убійственный (*ἀνδρόφονος*) Аресъ, сынъ Зевса и Геры (или одной только Геры), ненавистный самому Зевсу-отцу и благоразумной Аѳинѣ, былъ богъ кровопролитной, нестройной битвы. Ему предшествуетъ сестра его Ссора (*Ἔρις*) и за нимъ слѣдуютъ Страхъ (*Φοίβος*) и Бѣгство (*Δεῖμος*), его дѣти и разрушительница городовъ Эніо (*Ἐνύω*), воспитательница его.

Божество, ненавистное богамъ Греческимъ, было въ почетѣ у воинственныхъ Ѳракійцевъ. Въ Аѳинахъ же (по миѳу) онъ убилъ Галиротія (*Ἁλιρρόθιος*), сына Посидонова, и долженъ былъ подчиниться за то суду двѣнадцати боговъ, на Ареопагѣ (холмѣ Аресовомъ), гдѣ въ послѣдствіи было верховное судилище Аѳинянъ по умышленному убійству. Въ Спартѣ у его идола ноги были связаны оковами.

У Ѳиванцевъ Аресъ былъ древнимъ хѳоническимъ божествомъ, посылавшимъ изъ-подъ земли моръ и смерть. Это его значеніе выражено въ миѳѣ объ Алоидахъ, которые заключили Ареса въ мѣдномъ сосудѣ (т. е. въ преисподней), и содержали его тамъ тринадцать мѣсяцевъ, такъ что Аресъ погибъ бы, если бы Гермесъ хитростію не освободилъ его.

Кромѣ Θивъ, въ Віотіи, Аресъ не пользовался поклоненіемъ въ Греціи и былъ преимущественно только олицетвореніемъ войны и ея ужасовъ [1]).

Хѳонические боги [2]).

Земля принимаетъ сѣмена растеній, чтобъ съ избыткомъ возвратить ихъ чрезъ нѣсколько времени къ новой жизни; изъ земли выходитъ все имѣющее жизнь, съ прекращеніемъ которой все опять возвращается къ землѣ.

Поэтому божества, которыя воображеніе Грековъ предполагало въ нѣдрахъ земли, такъ называемыя хѳонические, представлялись въ двоякомъ образѣ. Они являются то страшными божествами, поглощающими все живущее, то божествами благими, плодотворными, дарующими животнымъ и растеніямъ жизнь и людямъ богатство и благоденствіе.

Страшный Адоней, царствующій надъ тѣнями мертвыхъ, назывался также Плутономъ (обогатителемъ) (*Πλούτων, Πλουτοδότης, Πλουτευς*). Его супруга была также божествомъ питательнымъ (*μελίβοια, κολύβοια*), плодотворною дочерью Деметры *καρποποιὸς παῖς, Δήμητρος Κόρη βιοδῶτις*.

Деметра (мать-земля), кормилица рода человѣческаго,

---

[1]) Сравни замѣчательное изслѣдованіе о хѳоническомъ характерѣ Ареса въ H. D. Müller, Ares. Ein Beitrag zur Entwickelungsgeschichte der gr. Religion.

[2]) Preller, Demeter et Persephone, ein Cyclus mythologischer Untersuchungen.

успокоиваетъ, какъ *χθονία*, въ своемъ лонѣ умершихъ [1]), которыхъ называли также *Δημήτρειοι*. Послѣ похоронъ въ двѣнадцатый день въ Аѳинахъ, Римѣ, Спартѣ и др. приносили жертву Деметрѣ для расположенія ея въ пользу умершаго.

Подобно тому и прочимъ *богамъ хѳоническимъ* (по преимуществу), какъ Гермесу и Діонису, свойственно было такое двоякое дѣйствіе: то въ подземномъ царствѣ, то на землѣ.

ДЕМЕТРА И КОРА, ИЛИ ПЕРСЕФОНА.

На Нисійской равнинѣ Персефона, играя съ подругами своими, дочерьми Океана, собирала цвѣты на мягкомъ лугу. Земля (*Γαῖα*), по опредѣленію Зевса и въ угожденіе Адонею, произвела для обольщенія Персефоны блестящей красоты нарциссъ, запахъ котораго разнесся по всему небу, землѣ и морю. Прельщенная прекраснымъ цвѣткомъ, Персефона простерла къ нему обѣ руки, какъ вдругъ разверзлась земля и изъ нея выскочилъ Адоней на безсмертныхъ коняхъ, поднялъ Персефону насильно на золотую колесницу и увезъ плачущую. Она успѣла только вскрикнуть пронзительнымъ голосомъ, отозвавшимся въ горахъ и глубинѣ моря. Его услышала мать. (Hymn. hom. *εἰς Δήμ.* 1 — 21, 38, 39).

Сильная скорбь пронзила сердце Деметры, она ра-

---

[1]) Съ этимъ представленіемъ связанъ былъ обычай погребать мертвыхъ, т. е. предавать ихъ землѣ, существовавшій наравнѣ съ обычаемъ сожигать ихъ.

зорвала около косы безсмертной повязку, набросила на плеча черную одежду и бросилась, какъ птица, по сушѣ и по морю искать дочери. (Деметра называлась также *Δήω* — ищущая).

Девять дней богиня *Δήω*, съ пылающими факелами въ рукахъ, блуждала по землѣ, не вкушая ни амвросіи, ни нектара и не умывая тѣла водою. Наконецъ въ десятый день она встрѣтила Екату, которая также слышала крикъ похищенной Персефоны, но не видала похитителя. Деметра и Еката пошли вмѣстѣ къ всевидящему Солнцу и, узнавъ отъ него, что Зевсъ назначилъ Кору въ супруги Адонею, Деметра еще болѣе огорчилась и не стала болѣе являться на Олимпѣ въ собраніи боговъ. (Hom. hymn. 40—92).

Отдѣлившись отъ прочихъ боговъ, Деметра произвела на землѣ всеобщій неурожай и земля не вывела на свѣтъ ни одного сѣмени, ибо Деметра скрывала его. Много косыхъ плуговъ волы тщетно влачили по полямъ, много зеренъ тщетно брошены въ землю, и вотъ родъ человѣческій совершенно погибъ бы отъ голода и Олимпійскіе боги лишились бы жертвоприношеній, если бы Зевсъ не примирилъ Деметры. Онъ послалъ сперва Ирисъ и потомъ прочихъ боговъ, чтобъ примирить скорбящую мать. Но она объявила, что не прежде придетъ на Олимпъ и не выдастъ плодовъ земли, какъ увидитъ глазами свою прекрасную дочь. Тогда Зевсъ послалъ Гермеса въ преисподнее царство убѣдить Ада, чтобъ онъ отпустилъ Персефону къ матери. Но прежде нежели Адоней разстался съ Персефоною, онъ далъ ей тайно вкусить отъ сладкаго зерна гранат-

ки, чтобъ она не всегда оставалась на свѣтѣ у почтенной матери своей.

Съ радостію Персефона вышла изъ царства Ада и предстала предъ матерью, которая, узнавъ, что она вкусила отъ роковой гранатки, объявляетъ ей, что, по опредѣленію Зевса, она будетъ проводить одну часть года въ нѣдрахъ земли, двѣ части же у нея и прочихъ боговъ [1]), и что она будетъ восходить изъ темнаго мрака и возвращаться къ нему вмѣстѣ съ благовонными, весенними и пестрыми цвѣтами, одѣвающими землю.

Такимъ образомъ весною съ появленіемъ цвѣтовъ, въ мѣсяцъ *Анѳестеріонъ* (цвѣточный), Греки праздновали возвращеніе Коры на свѣтъ: избранныя дѣвы собирали цвѣты и играли на лугахъ, и мимически представляли миѳъ о Персефонѣ. Въ то же время (въ Аттикѣ) воображали, что души усопшихъ вмѣстѣ съ Персефоною и растеніями выходятъ изъ глубины земли на поверхность ея.

Въ концѣ Іюня (Скирофоріонъ) и въ началѣ Іюля, во время такъ называемаго *καῦμα* [2]) (зноя), когда цвѣты спадаютъ съ растеній и самыя растенія высыхаютъ

---

[1]) Времена года у Грековъ были *χειμὼν*, зима, *ἔαρ*, весна, *θέρος*, лѣто, и *φθινόπωρον*, осень, но они не составляли каждое ровно четвертую часть года. *Весна* и *осень* составляли переходъ отъ зимы къ лѣту и обратно, и *вмѣстѣ* занимали столько времени, сколько зима и лѣто порознь. Такъ что весна, лѣто и осень составляли двѣ трети года, а зима третью часть

[2]) *Καῦμα*, отъ глагола *καίω*, жгу.

отъ зноя солнечнаго или падаютъ подъ серпомъ земледѣльца, праздновалось возвращеніе Коры въ царство Гадеса (*κάθοδος*), ея похищеніе (*ἁρπάγη*) или бракосочетаніе съ Адонеемъ, Плутономъ (*Θεογάμια* и *ἀνακαλύπτήρια*). Около того же времени, т. е. осенняго равноденствія, праздновалось также возвращеніе въ преисподнее царство душъ усопшихъ (*κάθοδος τῶν ψυχῶν*).

Къ сказанію о странствіи Деметры примыкаютъ сказанія о распространеніи ея поклоненія по Греціи и о введеніи повсюду земледѣлія. Вездѣ, гдѣ поля покрыты были ячменемъ (*κρῖ*), пшеницею (*πυρός*) и овощами, благодарили за эти дары Деметру *εὔκαρπος*, *πολύκαρπος*, *καρποφόρος* (или, какъ ее называли въ Сиракузахъ,—*Σιτώ*, отъ *σῖτος*), которая научила людей пахать землю, собирать хлѣбъ (*ἀμαλλοφόρος*) и молотить его (*Δημήτηρ ἁλῶας*, *ἐναλωσία*) [1]. Вездѣ разсказывали, что Деметра въ странствіи своемъ, нашедши у какого-либо *героя*, кореннаго жителя страны (*αὐτόχθων*), радушный пріемъ, даровала ему колосъ и научила его обработывать землю.

Подобно тому въ Элевзисѣ, городѣ Аттики, Триптолемъ [2]), получивъ отъ богини ея дары, полетѣлъ на колесницѣ, запряженной крылатыми драконами, распространять по землѣ сѣмяна, полученныя отъ богини. Въ подтвержденіе этого показывали въ Элевзисѣ храмъ

---

[1]) *Ἅλως* по-гречески — затоптанное твердое мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ.

[2]) *Τριπτόλεμος*, по этимологіи, значитъ трижды пашущій.

Триптолема: и произведенія съ Рарійскаго поля, которое по преданію первое было засѣяно хлѣбомъ, употреблялись при жертвоприношеніяхъ.

Въ Аѳинахъ приписывали введеніе земледѣлія сперва Аѳинѣ и герою Вузигу, впослѣдствіи же Аѳиняне признавали также Триптолема вводителемъ земледѣлія, и переименовали Вузига въ служителя его. Передъ храмомъ Триптолема въ Аѳинахъ стояла статуя Эпименида — Вузига съ воломъ изъ бронзы въ положеніи, какъ будто на него надѣваютъ ярмо.

Изъ Аѳинъ, по преданію, Триптолемъ полетѣлъ на колесницѣ далѣе и распространилъ по всей землѣ земледѣліе. Основываясь на этомъ преданіи, Аѳиняне требовали отъ подчиненныхъ имъ городовъ, чтобъ ежегодно послѣ жатвы они присылали часть собраннаго хлѣба въ Аѳины, *τὴν μητρόπολιν τῶν παρπῶν*, для приношенія Деметрѣ *προηροσία*.

Празднества, отправлявшіяся въ честь Деметры, даровавшей Грекамъ хлѣбъ, были днями радости и веселія для поселянъ. Собравъ хлѣбъ и смолотивъ его, поселяне, обезпеченные такимъ образомъ на время зимы, благодарили въ праздникъ *ἅλῶα* богиню за ея дары жертвоприношеніемъ и предавались съ радостію хороводамъ и пирамъ.

Но земледѣліе есть первый шагъ изъ состоянія дикости къ жизни болѣе стройной, осѣдлой и семейственной. Поэтому Деметрѣ съ введеніемъ земледѣлія приписывалось также установленіе союза семейственнаго посредствомъ неразрывныхъ узъ брака. Въ этомъ

значеніи Деметрѣ дано названіе *Θεσμοφόρος*, законодательницы, и посвященъ праздникъ Θесмофоріи, распространившійся изъ Пелопоннеса по всей Греціи Іонійской и по Сициліи. Въ Θесмофоріяхъ матери семействъ, которыя однѣ участвовали въ нихъ, носили въ процессіи на головахъ *θεσμούς* (*μύλλους*) символы спасительныхъ установленій богини касательно браковъ. Въ Аѳинахъ женщины приготовлялись къ этому празднеству съ особеннымъ тщаніемъ, соблюдая во всемъ чистоту; и въ первый день праздника (9-го дня мѣсяца Піянепсіона) онѣ (*θεσμοφοριάζουσαι*) отправлялись въ торжественномъ шествіи въ мѣстечко Галимусъ (35 стадій отъ Аѳинъ). На дорогѣ онѣ дразнили другъ друга разными шутками (*στήνια*), которыя составляли важную принадлежность праздника и дали даже имя этому дню (*Στήνια*). Въ Галимусѣ онѣ проводили ночь на 10-е число въ неистовыхъ пляскахъ и 11-го онѣ возвращались въ городъ. Прибывъ сюда, шествіе (*ἄνοδος*) направлялось въ Θесмофоріонъ, зданіе лежавшее на холмѣ, извѣстномъ подъ именемъ Пниксъ, насупротивъ площади (*ἀγορά*). Слѣдующій за тѣмъ день, 12-е число Піанепсіона, женщины проводили тихо, воздерживаясь отъ всякой пищи (*νηστεία*) и наконецъ въ послѣдній день празднества (13-го числа Піан.) приносили богинѣ подъ именемъ *Καλλιγένεια* [1]) жертву съ мольбами о благополучіи своего семейства.

Изъ всѣхъ мѣстъ Греціи однако, въ которыхъ покло-

---

[1]) *Καλλιγένεια* отъ *καλὸς* и *γίγνομαι, γένω*.

нялись Деметрѣ, Элевзисъ [1]) въ Аттикѣ пріобрѣлъ самую большую извѣстность.

Деметра въ странствіи своемъ пришла сюда и, принявъ видъ старухи, сѣла возлѣ источника Парѳенійскаго или Каллихоросъ, изъ котораго жители Элевзиса брали воду. Здѣсь увидѣли ее дочери царя Элевзинскаго Келея и пригласили въ домъ отца своего. Деметра, слѣдуя ихъ приглашенію, пришла въ домъ Келея подъ именемъ Досъ (*Δῶς*), гдѣ ее радушно встрѣтила супруга Келея, Метанира, съ новорожденнымъ сыномъ на рукахъ. Деметра въ домѣ Келея продолжала горевать о потерѣ своей дочери, пока наконецъ одна изъ служанокъ Келея, *Іамба,* рѣзвыми шутками не выманила улыбки на уста богини. Тогда Деметра, отказавшись отъ вина, которое поднесли ей, приняла однако напитокъ *κυκεῶν*, т. е. смѣсь изъ муки, воды и *γλήχων*, mentha pulegium, травы полія. Послѣ этого она приняла на свое попеченіе ребенка Демофонта, сына Келеева, который росъ на ея рукахъ, богу подобный, не вкушая человѣческой пищи. По ночамъ Деметра держала его надъ пламенемъ, чтобъ сдѣлать его безсмертнымъ и она успѣла бы въ томъ, если бы Метанира однажды ночью, съ ужасомъ увидѣвъ дѣйствія богини, не прервала ее своимъ крикомъ. Тогда Деметра открыла себя и объяснила матери свои намѣренія касательно ребенка, которыя по ея безразсудному крику остались безъ исполненія. Однако Деметра

---

[1]) Lobeck Aglaophamus f. de causis superstitionis mysticae Eleusima.

обѣщала ребенку, котораго она лелѣяла на своихъ рукахъ, нетлѣнную славу. Оставляя домъ Келея, Деметра приказала построить себѣ при источникѣ Каллихоросъ на холмѣ великолѣпный храмъ съ жертвенникомъ и научила царей Элевзинскихъ Триптолема, Діокла, Евмолна, Келея жертвоприношеніямъ и обрядамъ, которые должны были совершаться въ тайнѣ. (Hymn. ad Cerer. 98—300).

Такимъ образомъ учрежденіе поклоненія Деметрѣ и Корѣ въ Элевзисѣ Греки приписывали самой богинѣ.

Съ теченіемъ времени, послѣ баснословной войны Элевзинской, Эвмолпа противъ Эрехѳея, царя Аѳинъ, Элевзинское поклоненіе Деметрѣ вошло въ составъ религіи Аѳинянъ. Однако главными распорядителями при обрядахъ Элевзинскихъ, подъ именемъ *ἱεροφάντης*, *κήρυξ*, *θᾶδουχος*, *ὑδρανὸς* и проч., остались и послѣ сего потомки Келея и Эвмолпа—Эвмолпиды и Керики, а самыя празднества Элевзинскія совершались частію въ Аѳинахъ и частію въ Элевзисѣ.

Слава этихъ празднествъ [1]), называвшихся мистеріями (*μυστήρια*), долго пережила самобытность Греціи, такъ что еще во времена господства Римскаго, многіе путешественники, въ томъ числѣ и Римляне, собирались въ Аѳины для участія въ мистеріяхъ.

---

[1]) Pindar. fr. CXVI, 128. Н. *ὄλβιος ὅστις ἰδὼν ἐκεῖνα κοίλαν εἶσιν ὑπὸχθόνα οἶδεν μεν βιότου τελευτὰν οἶδεν δε διόσδοτον αρχὰν.* Soph. fr. *ὦ τρισόλβιοι κεῖνοι βροτῶν, οἱ ταῦτα δερχθέντες τέλη μόλωσ' ἐς ἅδου: τοῖδε γὰρμόνοις ἐκεῖ ζῆνἐστὶ, τοῖς δ'ἄλλοισι παντ'ἐκεῖ κακά.*

Къ мистеріямъ Элевзинскимъ допускались всѣ Геллены, исключая убійцъ и другихъ важныхъ преступниковъ.

Элевзинскія празднества были двоякія: *малыя* и *большія*. Малыя совершались въ мѣсяцъ Анѳестеріонъ (Февраль) въ Агрѣ, мѣстечкѣ при рѣкѣ Илиссѣ. Большія отправлялись въ мѣсяцъ Воидроміонъ (Сентябрь) въ продолженіе девяти дней, сперва въ Аѳинахъ, а потомъ въ Элевзисѣ, куда въ процессіи переносили идолъ *Іякха* [1]). Іяккъ, Діонисъ и Діонисъ-Zagreus повидимому суть видоизмѣненія одной и той же личности, и въ Элевзинскихъ празднествахъ Іяккъ очевидно замѣнилъ Демофонта, воспитанника Деметры.

ДІОНИСЪ.

Какъ сочный и ярый плодъ виноградный созрѣваетъ на влажной почвѣ только подъ палящими лучами солнечными, такъ и Діонисъ родился, когда Зевсъ въ огненномъ видѣ, съ громомъ и молніемъ явился его матери Семелѣ, дочери Кадма Ѳиванскаго. Семела не вынесла этого явленія и умерла. Въ огнѣ рожденнаго (*πυριγενῆς*) Діониса Зевсъ зашилъ себѣ въ бокъ (*μηροραφῆς*), гдѣ онъ и созрѣлъ на радость смертнымъ (*χάρμα βροτοῖσιν*). Діониса воспитали въ Орхоменосѣ Ино и Аѳамасъ, и когда Аѳамасъ по злобѣ Геры впалъ въ бѣшенство, Діонисъ переданъ на воспитаніе нимфамъ на склонѣ горы Нисы. Вскормленный ими и стар-

---

[1]) Soph. Ant. v. 1100 *μέδεις δε παγκοίνοις Ελευσινίας Δηοῦς εν κόλποις*.

шимъ изъ Сатировъ, вѣчно пьянымъ Силеномъ (*μαινόμενος*), Діонисъ-Вакхъ съ тирсомъ (*θύρσος*) [1]) отправился въ сопровожденіи Менадъ (Вакханокъ) и Сатировъ, впереди которыхъ ѣхалъ на ослѣ старикъ Силенъ, распространять по землѣ свои дары и свое поклоненіе, и прошелъ побѣдоносно до самой Индіи. Однако вездѣ почти онъ встрѣтилъ сопротивленіе.

Въ Ѳракіи сильный Ликургъ, сынъ Дріанта (*δρύας*, дубрава), царь Эдоновъ, разогналъ кормилицъ Діониса съ Нисейскаго склона. Онѣ, поражаемыя посохомъ (*βούπληξ*), уронили всѣ снаряды; а испуганный Діонисъ бросился въ волны моря, гдѣ Ѳетида, одна изъ Нереидъ, приняла его къ себѣ на руки. Ликургъ, ненавистный богамъ, ослѣпленъ Зевсомъ, связанъ Эдонами и разодранъ по приказанію Діониса лошадьми.

Въ Віотіи, по преданію, усилія Пенѳея остановить поклоненіе Діонису окончились также гибелью самого Пенѳея.

Въ Аттикѣ Икарій и дочь его Эригона [2]) (*Ἠριγόνη*, весною рожденная) приняли его радушно. Благодарный Діонисъ далъ имъ лозу. Опьянѣвшіе отъ соку ея пастухи, считая себя отравленными, убили Икарія. Эригона долго искала отца, наконецъ, нашедши трупъ его, она въ отчаяніи повѣсилась на вязѣ.

Такимъ образомъ Діонисъ повсюду побѣждаетъ всѣ преграды и вводитъ свои дары, смягчая вмѣстѣ съ

---

[1]) Жезломъ, обвитымъ плющемъ и виноградными лозами.

[2]) Икаріонъ — холмъ въ Аттикѣ, Эригона — молодая лоза, вьющаяся по вязу.

тѣмъ суровые нравы людей. Наконецъ онъ проложилъ себѣ даже путь въ преисподнюю и вывелъ оттуда на небо свою мать подъ именемъ Ѳіоны (*Θυώνη*).

Празднества, установленныя въ честь Діониса были сопряжены съ разными періодами винодѣлія и носили характеръ необузданной веселости, граничившей часто съ неистовствомъ.

Въ праздникъ *Осхофоріи* (въ мѣсяцѣ Піянепсіонѣ — Октябрь) носили въ процессіи лозу съ только что созрѣвшимъ виноградомъ, и юноша, переодѣтый въ женское платье, представлялъ самого Діониса, дарователя лозы.

Въ мѣсяцѣ Посейдеонѣ (около Декабря) по снятіи винограда (vindemia) праздновались сельскія Діонисовскія празднества (*Διονύσια κατ'ἀγροὺς*) и въ слѣдующій мѣсяцъ Гамеліонъ, послѣ давки вина, Ленейскія празднества (отъ *ληνος*, точило). Эти праздники были днями всеобщаго веселія, проявлявшагося въ разныхъ видахъ. У однихъ радость выражалась въ прыжкахъ на одной ногѣ по мѣхамъ съ виномъ (*ἀσκώλια*); другіе, замаскировавшись или просто обмазавъ лице дрожжами, дразнили другъ друга грубыми шутками и насмѣшками, или разъѣзжали по нѣскольку вмѣстѣ на телѣгахъ и издѣвались надъ окружающею ихъ толпою, передразнивая ихъ пріемы, дѣйствія и выраженія (*κῶμος, κωμάζειν, τὰ ἐξ ἀμάξης σκώμματα*). Дѣвушки (*κανηφόροι*) съ шнурками, на которые нанизаны были винныя ягоды, и съ корзинами, наполненными плодами, присоединялись къ торжественной процессіи (*πομπη*), которая состояла изъ переодѣтыхъ, имѣвшихъ

въ рукахъ тирсы и представлявшихъ свиту Вакха; Силена, Сатировъ, Пана, Вакханокъ и др. Впереди ихъ шла женщина *λικνοφόρος* съ идоломъ Вакха въ корзинѣ.

Вокругъ жертвенниковъ Діониса собирались хоры (*χόροι κύκλιοι*) и запѣвало (*χόραγος*) затягивалъ въ честь Вакха бурный дифирамбъ, которому отвѣчалъ весь хоръ.

У городскихъ жителей Діонисовскія празднества (*Διονυσια ἐν ἄστει*) приняли болѣе стройный видъ. Они совершались въ Аѳинахъ въ мѣсяцѣ Элафеволіонѣ (Мартѣ) и состояли преимущественно въ представленіяхъ комедій, трагедій и сатирдрамъ, которыя подъ дѣйствіемъ даровитыхъ поэтовъ развились мало по малу изъ упомянутыхъ *κωμοι* и изъ хоровъ съ Дифирамбами [1]).

Въ иныхъ мѣстахъ Греціи поклоненіе Діониса приняло подъ вліяніемъ ученія Орфиковъ [2]) болѣе мрачный характеръ, сообразно съ значеніемъ, которое принимало это божество.

Въ Дельфахъ три зимніе мѣсяца были посвящены Діонису. Чрезъ каждые три года собирались въ глубокую осень женщины изъ Дельфовъ и Аѳинъ для совершенія праздниковъ, называвшихся *τριετηρικά*, т. е. чрезъ три года совершаемые. На вершинахъ Парнаса женщины эти, Ѳіяды (*θυιάδες*), какъ бѣшеныя плясали

---

[1]) Первый шагъ къ искусственной драмѣ сдѣланъ въ сельскія Діонисіи.

[2]) Смотри далѣе въ заключеніи.

(ὄργια) ночью, не смотря ни на какое ненастье, въ неистовствѣ раздирали молодаго быка, воображая, что онѣ раздираютъ самого бога и пожирали его мясо сырое (ωμόφαγοι). Здѣсь Діонисъ подъ именемъ Zagreus съ воловьею головою βουκέρως былъ мистическимъ божествомъ, олицетвореніемъ богатой природы, умирающей осенью и возрождающей весною вмѣстѣ съ Корою. Это возрожденіе Діониса весною праздновалось въ другихъ мѣстахъ въ весеннемъ празднествѣ Анѳестеріяхъ, подъ видомъ бракосочетанія Діониса съ Корою или, какъ на островѣ Наксосѣ, съ Аріадною, Весьма Нравящеюся, т. е. весеннею природою (отъ ἀρι — весьма и ἀνδάνω — нравлюсь).

Діонисъ-Zagreus, сынъ Персефоны и Зевса, представшаго ей въ видѣ змѣи [1]), вскорѣ по рожденіи раздирается Титанами, которые нападаютъ на него, когда онъ забавляется игрушками (crepundia). Аѳина спасаетъ сердце разодраннаго и передаетъ Зевсу, который, проглотивъ его, производитъ на свѣтъ снова Діониса.

Въ Аргосѣ говорили, что Діонисъ въ видѣ вола вскочилъ въ море, и посему его вызывали оттуда звуками трубъ; а въ Элидѣ звали его изъ-подъ земли крикомъ ἄξιε ταῦρε (достойный волъ).

---

[1]) Змѣя въ миѳологіи Греческой всегда указываетъ на происхожденіе изъ земли.

ГЕРМЕСЪ, Ἑρμῆς, Ἑρμείας [1]).

Плодотворная сила природы, проявляющаяся преимущественно въ размноженіи скота, какъ божество представлялось у Пелазговъ въ фаллосахъ (*φαλλοί*), которые высовывались изъ четыреугольныхъ каменныхъ столбовъ, стоявшихъ на улицахъ, перекресткахъ, у входовъ домовъ, на рынкахъ и границахъ городовъ и мѣстечекъ. Ихъ украшали лентами и вѣнками; возлѣ нихъ, иногда, на особенномъ жертвенникѣ ставили горшки съ яствами въ жертву божеству. Со временемъ къ столбамъ съ фаллосами прибавили еще человѣческую голову. Такіе четыреугольные столбы съ фаллосомъ и головою перешли отъ Пелазговъ къ Аѳинянамъ, у которыхъ ихъ быко особенное множество, и отъ нихъ къ прочимъ Грекамъ. Они назывались Гермами (Ἕρμαι), а божество которое они представляли, — Гермесомъ Ἑρμῆς, Ἑρμείας.

Въ миѳологіи Гермесъ—сынъ Зевса и Маи (*Μαῖα*), матери земли (или Аркадской нимфы, впослѣдствіи дочери Атласа). Онъ родился въ Аркадіи въ пещерѣ горы Киллене. Тотчасъ по рожденіи Гермесъ выходитъ изъ пеленъ, находитъ предъ выходомъ пещеры черепаху и дѣлаетъ изъ нея лиру; идетъ въ Піерію, гдѣ Аполлонъ пасъ стада Адмета, крадетъ пятьдесятъ коровъ, угоняетъ ихъ, съ хитростію скрывая ихъ слѣды и утаиваетъ ихъ въ пещерѣ. Потомъ онъ возвра-

---

[1]) Gerhard, über Ursprung, Bedeutung und Anwendung der Hermen, въ его Archäologischer Nachlass aus Hom. 1852.

щается къ Киллене, въ свои пелена. Аполлонъ однако узналъ отъ старика, видавшаго похитителя, и изъ собственной способности знать все, что воромъ былъ новорожденный Гермесъ. Онъ пошелъ къ Киллене и требовалъ обратно свое стадо. Такъ какъ Гермесъ не хотѣлъ сознаваться въ покражѣ, то Аполлонъ заставилъ его идти къ Зевсу на Олимпъ. Но и здѣсь Гермесъ отпирался отъ своей вины. Зевсъ, зная его хитрость, приказалъ ему искать вмѣстѣ съ Аполлономъ коровъ и выдать ихъ. Пришедши съ Аполлономъ къ мѣсту, гдѣ онѣ были спрятаны, Гермесъ заигралъ на изобрѣтенной имъ лирѣ, которая до того понравилась Аполлону, что онъ охотно промѣнялъ на нее свое стадо. Съ стадомъ Аполлонъ уступилъ Гермесу также чудесный посохъ, и взялъ съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ никогда не украдетъ у него ни лиры, ни лука. Потомъ Аполлонъ далъ Гермесу трехвѣтвистый жезлъ счастія и богатства (*τριπέτηλον ῥάβδον*); отказалъ ему однако въ способности предузнавать сокровенныя думы Зевса и предоставилъ его вѣдѣнію всѣ стада и животныя, которыхъ питаетъ обширная земля. (Hymn. Hom. in Merc.).

Людямъ Гермесъ, по понятіямъ Грековъ, милостиво даруетъ всякое добро и прибыль (*δώτηρ ἐάων, ἐριούνιος*), особенно прибыль такую, которая достается хитростію и обманомъ (*λόγιος*). Поэтому Гермесъ почитался богомъ воровъ.

Будучи у Гомера вѣстникомъ боговъ, въ ознаменованіи чего онъ носилъ вѣстническій жезлъ (caduceus), Гермесъ покровительствовалъ вѣстникамъ и путеше-

ственникамъ (*ἡγεμόνιος*); и счастливыя находки, по его имени называемыя *ἕρματα*, были его дарами [1]).

Сынъ земли, Гермесъ былъ божествомъ хѳоническимъ и вмѣстѣ божествомъ смерти, принимающимъ къ себѣ мертвыхъ. Жезломъ своимъ онъ наводитъ на людей сонъ (Одисс. V, 47) и посылаетъ имъ тихую смерть (Soph. Ajas, 840). Души умершихъ онъ низводитъ въ Адъ и выводитъ опять на свѣтъ (*ψυχοπομπός*). Поэтому въ тридцатый день послѣ смерти родственники умершаго, въ Аргосѣ и другихъ мѣстахъ, приносили жертву Гермесу какъ божеству хвоническому. Анѳестеріи, весеннее празднество изъ трехъ дней, были посвящены Корѣ, Діонису и Гермесу хѳоническому и въ одинъ изъ этихъ дней, *χόες*, въ которомъ, по мнѣнію Грековъ, души мертвыхъ восходили на поверхность земли, приносились особыя жертвы (*κύτρα*) Гермесу, въ честь котораго установлялись также состязанія гимнастическія (*ἀγωνες χύτρινοι*).

Заключеніе.

Въ такихъ личностяхъ представлялись главныя, и первостепенныя божества Греческія. Плоды воображенія, движимаго религіозною потребностію, они пользовались уваженіемъ только до тѣхъ поръ, пока въ

---

[1]) Отсюда и пословица *κοινὸς Ἑρμῆς* — Русское: чуръ пополамъ.

Грекахъ преобладало дѣйствіе воображенія. Но когда мѣсто воображенія заступилъ положительный умъ, который не увлекается разнообразіемъ явленій, а старается проникать въ основаніе и первую причину всякаго бытія, тогда обнаружилась вся нелѣпость Греческой ѳеогоніи, и вѣра въ боговъ исчезла. Первый ударъ нанесенъ полиѳеизму Греческому въ колоніяхъ Малой Азіи, гдѣ около 600 лѣтъ до Р. Хр. возникла первая философская школа, которая пыталась объяснить происхожденіе и бытіе міра изъ естественныхъ причинъ. Въ собственной Греціи философія развилась позже. Но по окончаніи Пелопоннесской войны, потрясшей жизнь Грековъ въ ея главныхъ основаніяхъ, сомнѣніе въ бытіи и силѣ боговъ проникло и здѣсь въ души народа.

Притомъ религія Грековъ давно уже утратила свой первоначальный характеръ и ее исказили разныя ученія, перенесенныя въ Грецію изъ чужихъ странъ, Азіи и Египта, и распространившіяся здѣсь въ видѣ мистерій или тайныхъ ученій. Изъ нихъ ученіе Орфиковъ имѣло болѣе другихъ вліяніе на вѣрованія Грековъ.

Орфиками [1]) назывались послѣдователи религіозной секты, явившейся въ Греціи не прежде VI-го столѣтія до Р. Хр., но приписывавшей свое основаніе древнѣйшему поэту Греческому, баснословному Орфею. Орфей Ѳракійскій, потрясавшій будто своими пѣснями живѣйшія струны сердца человѣческаго и увлекавшій за собою всю природу, представленъ Орфиками какъ

[1]) Lobeck Aglaophamus.

жрецъ, основатель ихъ секты, изобрѣтатель особенныхъ обрядовъ, оракуловъ и музыки. Ему приписывали множество сочиненій, въ которыхъ изложено было ученіе Орфиковъ. Кромѣ него основателями и главными учителями этой секты почитались Музей, Ономакритосъ, которые также оставили много сочиненій въ такомъ же духѣ.

Ученіе это, смѣсь Оракійскихъ и Азіятскихъ элементовъ, существенно отличалось отъ господствовавшихъ вѣрованій Грековъ, хотя оно сходствовало съ ними въ именахъ боговъ. Въ немъ обнаруживается стремленіе ограничить множество разнообразныхъ божествъ Греческихъ тремя главными личностями: Зевсомъ, Діонисомъ и Персефоною. Однако сущность этого ученія облечена была въ миѳы, имѣвшіе въ этой сектѣ аллегорическое значеніе.

Зевсъ, по ученію Орфиковъ, богъ вселенной, начало, средоточіе, конецъ міра, основа земли и вершина неба, огонь, вода, земля, эѳиръ, день и мракъ, словомъ Зевсъ есть міръ и части міра суть части Зевса (Панѳеизмъ).

Зевсъ сочетается съ Персефоною и отъ этого брака рождается Діонисъ-Загрей (Zagreus). Zagreus, любимецъ отца, назначенъ быть владыкою міра, другимъ Зевсомъ. Онъ ростетъ, какъ Зевсъ, въ уединенной пещерѣ, охраняемый Куритами. Здѣсь однако злые Титаны напали на него, когда онъ забавлялся игрушками, и разодрали его. Zagreus въ этомъ ученіи олицетвореніе міроваго духа, проявляющагося въ природѣ началомъ жизненнымъ, добрымъ. Ему противополож-

ны Титаны, какъ злое начало въ мірѣ и враждебное первому.

Человѣкъ, по ученію Орфиковъ, также подверженъ вліянію двухъ началъ, Загрея и Титановъ. Безсмертная душа человѣка заключена въ тѣлѣ его какъ въ темницѣ (*σῶμα* у нихъ сродно съ *σῆμα*) и должна пройти чрезъ разныя тѣла животныхъ и людей, чтобъ достигнуть совершенства. Съ этимъ человѣкъ долженъ сообразовать также свой образъ жизни.

Ученіе это нашло многихъ послѣдователей въ Греціи. Прежде существовавшая секта Пиѳагорейцевъ [1]) приняла ученіе Орфиковъ. Въ Элевзинскихъ мистеріяхъ жрецы Ликомиды ввели въ обрядахъ гимны орфическіе. На общественныхъ играхъ рапсоды пѣли пѣсни Орфея и Музея, проникнутыя этимъ ученіемъ, такъ что естественно образъ мыслей и воззрѣніе Грековъ на религію должны были измѣниться. Кромѣ того множество жрецовъ Орфиковъ (*ορφεοτελεσταί μάντεις ἀγύρται*), съ связками книгъ орфическаго содержанія, шатались изъ дома въ домъ, просили подаянія и предлагали имъ свои услуги къ очищенію ихъ посредствомъ жертвъ и особенныхъ обрядовъ; и распространяли такимъ образомъ, если не сокровенное содержаніе этого ученія, то по крайней мѣрѣ поверхностный взглядъ на него. Ибо ядро этого ученія, направленнаго къ тому, чтобъ замѣнить политеизмъ монотеизмомъ или пантеизмомъ, было имъ такъ же чуждо, какъ и простому

---

[1]) Пиѳагоръ съ учениками были ревностными поклонниками Аполлона.

народу Греческому, и было доступно только избраннымъ: *φθέγξομαι οἷς θέμις ἐστι, θύρας δ' ἐπίθεσθε βέβηλοι.*

Походы Александра В. ознакомили Грековъ съ Азіею. Греки приносили на Востокъ свою религію и принимали чужія божества въ замѣнъ собственныхъ, къ которымъ они давно уже перестали питать уваженіе.

РЕЛИГІЯ РИМЛЯНЪ [1]).

Римскія божества первоначально существенно отличались отъ Греческихъ. Но когда имъ стали воздвигать идолы, и когда поэты ознакомились съ Греческою литературою, то Римскіе боги должны были сблизиться и отожествиться съ соотвѣтствующими Греческими. Въ теченіе времени, не менѣе 1000 лѣтъ, когда Римъ, принимая къ себѣ чужестранцевъ изъ всѣхъ народовъ, сталъ средоточіемъ всего древняго міра, онъ принялъ въ свои нѣдра множество чужеземныхъ религій, хотя онъ при этомъ и сохранилъ свою собственную.

Первоначальный видъ религіи Римлянъ и прочихъ Итальянскихъ Пеласговъ состоялъ въ поклоненіи природѣ [2]). Плодотворная сила представлялась символи-

---

[1]) C. G. Zumpt, die Religion der Römer; 1845, Hartung, die Religion der Römer nach den Quellen bearbeitet. 1836.

[2]) Walz, dei religione Romanorum antiquissima.

чески Фаллосомъ, коего изображеніе еще теперь видно на древнѣйшихъ стѣнахъ (т. наз. Киклопскихъ). Такой же фаллосъ, lapis Capitolinus, находился на Капитолійской горѣ, и когда Тарквиній Гордый хотѣлъ построить храмъ Юпитеру Капитолійскому, этотъ фаллосъ, какъ говоритъ преданіе, никакъ не могъ быть сдвинутъ съ мѣста и потому остался здѣсь и былъ названъ *Jupiter lapis*. Этотъ Jupiter lapis былъ призываемъ Римлянами и въ позднѣйшее время, особенно при клятвахъ (jusjurandum per Jovem lapidem).

Однако олицетвореніе этой плодотворной силы природы называлось Saturnus, который вмѣстѣ съ Janus были самыми древнѣйшими божествами Латинцевъ. Сатурну приписывали изобрѣтеніе земледѣлія и всѣхъ дѣйствій, служащихъ къ оплодотворенію земли. Ему присоединили супругу богиню *Ops*, олицетвореніе земли, способной къ оплодотворенію. Сатурнъ и Опсъ имѣли общій храмъ и общій праздникъ, и назывались principes dei.

Кромѣ этихъ двухъ божествъ, проявляющихъ свое дѣйствіе будто на землѣ, поклоненіемъ пользовались два божества, олицетворенія небесныхъ силъ. Они суть Janus мужеское божество, и Jana или Dejana, откуда Diana—женское; первое считали олицетвореніемъ солнца, а второе олицетвореніемъ луны. Янусомъ начинаются день, мѣсяцъ, годъ, имъ же и оканчиваются они; посему онъ богъ всякаго начала, отъ котораго зависитъ успѣхъ предпріятія. Онъ представлялся съ двумя лицами, смотрящими впередъ и назадъ, и съ ключемъ въ рукахъ (Claviger, Patulcius et Clusius). Ему

были посвящены первый день года, каждаго мѣсяца и начало каждаго дня, т. е. утро (Pater Matutinus). Въ новый годъ (calendis Januariis), главный праздникъ Януса, Римляне поздравляли другъ друга привѣтливыми словами, дѣлали разные подарки для хорошаго предзнаменованія, начинали, для добраго начала многія важныя дѣла, которыя они намѣрены были исполнить въ теченіе года, и въ послѣдствіи государственные чиновники вступали торжественно въ свои должности.

Кромѣ этихъ божествъ у сельскихъ Латинцевъ были многіе боги, покровители земледѣлія и скотоводства. Лѣса и скотъ были въ вѣдѣніи бога Faunus. Онъ защищалъ скотъ отъ волковъ, способствовалъ размноженію его. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наводилъ на людей во мракѣ лѣсовъ страхъ и предвѣщалъ имъ также будущее. Супруга его *Fauna* (Bona dea) имѣла попеченіе о бракахъ и замужнія женщины поклонялись ей въ ночныхъ празднествахъ, безъ участія мужчинъ. Цвѣты и садовые плоды были во власти боговъ Vertumnus и Pomona; источники и рѣки, озера и горы имѣли своихъ боговъ, которымъ поклонялись сельскіе жители въ простотѣ своей. Въ домахъ занимали почетное мѣсто у очага домашніе боги въ особомъ шкафикѣ (lararium): *lares,* охранявшіе домъ съ его принадлежностями, и penates—боги-покровители семейства. Penates, привязанные къ лицамъ, сопровождали ихъ при переѣздѣ въ другой домъ; lares же оставались въ домѣ. Цѣлые роды (gentes) были въ охраненіи larum gentium; отдѣльныя части города имѣли своихъ lares compitales, которыхъ жертвенники стояли на перекресткахъ улицъ (compita).

Ларамъ Римляне поклонялись весьма усердно. Во всѣ праздничные дни, Calendae, Nonae и Idus, и при всякомъ торжественномъ для Римлянина случаѣ ларовъ чтили жертвами и вѣнками. Въ честь larum compitalium отправлялся ежегодно праздникъ въ Декабрѣ, compitalia, въ который приносили изъ каждаго дома на жертвенники compitorum, перекрестковъ, по пирогу и столько шерстяныхъ мотковъ и куколъ, сколько было въ каждомъ домѣ лицъ. Этимъ приношеніемъ хотѣли обозначить лицъ, слугъ и господъ, которыхъ здравіе и благополучіе поручалось попеченію ларовъ. Конечно эти мотки и куклы сопровождались разными яствами, которыми пользовались вмѣсто ларовъ нищіе. Подобно тому были Пенаты—боги частныхъ лицъ и Пенаты—боги-покровители цѣлаго народа Римскаго. Пенаты Римскаго народа имѣли свой маленькій храмъ, близь Forum, и представлялись здѣсь въ видѣ двухъ сидящихъ юношей съ копьями въ рукахъ.

Эта древнѣйшая религія сохранялась до позднихъ временъ Римскихъ, не въ великолѣпныхъ храмахъ и блестящихъ обрядахъ, но въ простыхъ сельскихъ и домашнихъ праздникахъ.

15-го Февраля праздновались *Lupercalia* въ честь Фаунуса или *Lupersi*, который ограждаетъ стада отъ волковъ. Для этихъ празднествъ соединялись молодые люди изъ знатныхъ фамилій, подъ именемъ lupersi, и приносили жертву изъ козъ и собаки, какъ бы для умилостивленія волка. Шкуры козлиныя они разрѣзывали въ ремни и бѣгали съ ними полунагіе вокругъ Палатинской горы, начиная отъ дерева caprificus, гдѣ

по преданію Ромула и Рема кормила волчица. На дорогѣ lupercі стегали встрѣчныхъ ремнями; въ особенности замужнихъ женщинъ, которыя нарочно протягивали имъ руки для удара, считая это полезнымъ для здоровья и блага семейства.

23-го Февраля совершалися *Terminalia,* праздникъ въ честь бога межей *(terminus).* Камень обозначалъ границы между частными владѣніями и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ общимъ жертвенникомъ.

Хозяева бросали, съ молитвами о добрыхъ сосѣдяхъ, въ огонь хлѣбныя зерна, дѣти подавали сюда медовые пирожки и возліяли вино. Иногда эти обряды сопровождались общимъ пиромъ сосѣдей, для котораго убивали барана или свинью. Впрочемъ въ этотъ день не приносили животной жертвы.

Безъ животной жертвы совершались также *Palilia,* вечеромъ и ночью на 21 Апрѣля. Въ этотъ день, накормивъ стада, пастухи очищали и обкуривали стойла и стада сѣрою, розмариномъ и можжевельникомъ. Потомъ пастухи выходили въ поле, молили боговъ объ охраненіи стадъ отъ падежа и другихъ болѣзней и о прощеніи, если они или стада осквернили когда либо посвященныя имъ мѣста. Затѣмъ они разводили огонь на землѣ, три раза прогоняли чрезъ него стада и сами скакали по немъ для собственнаго очищенія.

Для очищенія и плодородія полей совершались 11-го Мая процессіи ambarvalia. Вокругъ полей водили свинью, овцу и теленка, (suovetaurilia — слово сложное изъ sus, ovis, taurus), назначенныхъ въ жертву полевымъ богамъ, особенно грозному Марсу (Marmar, Ма-

mers или Mars), поражающему поля ржою, засухою и вообще неурожаемъ. Для города Рима эти обряды были отправляемы жреческимъ братствомъ, fratres arvales (arvum—поле), которые, совершивъ процессію вокругъ первоначальныхъ границъ города Рима, приносили упомянутую жертву на мѣстѣ termini publici [1]). Во время шествія пѣли стихи, сохранившіеся до нашихъ временъ:

E nos, Lases, juvate,
Neve luerve, Marmar, sins incurrer in pleoris:
Satur furere, Mars, limen sali, sta berber:
Semunis alternei advocapit conctos.
E nos, Marmor, juvato:
Triumpe, triumpe, triumpe, triumpe, triumpe.

Эй, Лары, спасите насъ,
И не давай ржѣ, Мармаръ, распространяться далѣе:
Полно яриться, Марсъ, уходи за порогъ, перестань палить:
Призывайте по очереди всѣхъ Семоновъ.
Э, Марсъ, щади насъ:
Тріумфъ, тріумфъ и т. д. [2]).

Праздниками всеобщаго веселія были Сатурналіи, Saturnalia, отправляемыя первоначально 19 Декабря. Въ это время хлѣбъ и плоды убраны, сельскія работы на старый годъ прекращены и не начаты еще для но-

---

[1]) Между 5 и 6 милевымъ камнемъ, по дорогѣ въ Лаврентумъ.

[2]) Въ этомъ я слѣдовалъ объясненію Клаузена, de carmine fratrum arvalium, 1836.

ваго, такъ что на досугѣ можно было предаваться веселію. Вскорѣ также соединили съ Сатурналіями еще другой праздникъ — sigillaria, такъ что эти праздники продолжались цѣлую недѣлю. Въ это время всѣ занятія были прекращены; судилища, школы, лавки заперты; невольники освобождались отъ работъ, даже иные господа надѣвали на слугъ свое платье и прислуживали имъ сами; кліенты дарили своихъ покровителей восковыми свѣчами; родители радовали дѣтей куклами (sigilla, oscilla). Всѣ пировали и угощали своихъ друзей и недруговъ, разгуливали по улицамъ и приглашали всѣхъ къ веселію крикомъ io Saturnalia. Все это совершалось какъ бы въ память того золотаго вѣка, въ которомъ на небѣ господствовалъ Сатурнъ. Впрочемъ веселились въ эти дни преимущественно мущины; для женщинъ былъ подобнымъ праздникомъ первый день Марта, которымъ первоначально начинался годъ Римскій.

Въ этихъ обрядахъ видны слѣды самаго древняго поклоненія Римскаго. Они сохранились у Римлянъ весьма долгое время.

Когда Римъ сталъ самостоятельнымъ государствомъ, въ немъ развилась также государственная религія. Къ прежнему поклоненію природѣ и ея силамъ присоединилось поклоненіе богамъ, хранителямъ и защитникамъ государственнаго устройства. Эти боги были Юпитеръ, Марсъ и Квиринусъ (Quirinus).

Какъ въ Греческой миѳологіи Зевсъ низложилъ Кроноса, такъ въ Римской религіи Юпитеръ занялъ мѣсто Сатурна и сдѣлался верховнымъ божествомъ Римлянъ.

Jupiter (отъ djovispater, diespiter, въ которомъ dies тоже что divum, день, небо) не имѣлъ отдѣльнаго круга дѣйствія, а былъ верховнымъ божествомъ, имѣющимъ въ рукахъ все существующее и всѣ явленія. Ему приписывали всѣ явленія: небесные дожди, J. pluvius, громъ (tonans), молніе (J. fulgurator) и др. Въ его вѣдѣніи были всѣ дѣла человѣческія и прозванія, данныя ему были, безчисленны: Imperator, Victor, Invictus, Feretrius, Opitulus и пр. Подъ именемъ Optimus, Maximus ему поклонялись въ Капитолійскомъ храмѣ, откуда онъ бодрствовалъ надъ благополучіемъ города. Въ этотъ храмъ всходили государственные чиновники для жертвоприношенія по случаю вступленія въ должность; полководцы, отправляясь на войну, сперва приносили здѣсь жертву и творили торжественные обѣты Юпитеру и, возвращаясь съ побѣдою, они въ тріумфѣ всходили сюда же для воздаянія ему благодарности по обѣту и приносили ему часть добычи. Молодой Римлянинъ, надѣвъ по достиженіи совершеннолѣтія togam virilem, и невольникъ, получивъ отпускную, обращаютъ первую свою молитву къ Юпитеру (Jovi Optimo Maximo).

Въ государственной религіи Римлянъ Марсъ почитался защитникомъ государства отъ внѣшнихъ враговъ, представителемъ военной храбрости, отцемъ Ромула и вмѣстѣ съ тѣмъ всего Римскаго народа. Quirinus же представляется блюстителемъ государственнаго устройства и внутренняго порядка, онъ Ромулъ въ качествѣ божества. Марсъ не имѣлъ храма внутри стѣнъ города, а внѣ ихъ у воротъ Капенскихъ на южной сторонѣ Рима и на посвященномъ ему полѣ на

лѣвомъ берегу Тибра, Campus Martius. Здѣсь Римляне занимались воинскими упражненіями, здѣсь же совершалось въ каждый пятый годъ счисленіе и распредѣленіе всего народа для военныхъ цѣлей, съ очистительною жертвою Марсу. Дѣйствіе Марса проявлялось въ отраженіи опасности отъ Рима; какъ божеству мира, ему поклонялись въ соединеніи съ Квириномъ, котораго храмъ былъ на Квиринальскомъ холмѣ. Кромѣ этихъ трехъ божествъ, уже въ древнѣйшей религіи является еще божество, перенесенное въ Римъ изъ Лаціума, *Веста*, блюстительница внутренняго благоустройства.

Эти религіозныя учрежденія приписываются царю Нумѣ, основателю Рима въ отношеніи внутренняго порядка. Но, по установленіямъ Нумы, боги не были представляемы въ человѣкообразныхъ идолахъ и не должны были получать животныхъ жертвъ. Хлѣбныя зерна съ солью (mola salsa), вино, медъ и пахучія травы составляли единственныя приношенія богамъ.

Юпитеръ, Марсъ и Квиринъ имѣли каждый особеннаго жреца, по имени *flamen*, изъ патриціевъ.

Высокія почести и строгія ограниченія, возложенныя на этихъ flamines, доказываютъ, какое высокое понятіе Римляне соединяли съ этою должностію. Flamen Юпитера считался каждый день на службѣ и не могъ проводить ни одной ночи внѣ города. Онъ не смѣлъ клясться, ни ѣздить верхомъ, ни видѣть вооруженнаго войска и не имѣть въ одеждѣ своей узла. Когда онъ встрѣчалъ связаннаго, котораго вели къ казни, то казнь отлагалась, и съ связаннаго снимали оковы. Въ празд-

ники онъ избѣгалъ встрѣчи съ людьми, занятыми работою, ибо иначе должно было остановить работу подъ страхомъ наказанія. Многое почиталось сквернымъ для него. Онъ не могъ касаться ни козы, собаки, сыраго мяса, бобовъ, ни даже кислаго тѣста. Онъ не смѣлъ купаться подъ открытымъ небомъ (sub divo), носилъ всегда на головѣ шерстяную повязку и при жертвоприношеніи онъ покрывалъ голову мѣховою шапкою. Волосы его не могъ стричь невольникъ; обстриженные волосы и ногти зарывались подъ плодоноснымъ деревомъ. Flamen долженъ быть женатъ торжественнымъ бракомъ; супруга его, flaminica, почиталась сослужительницею его и подвергалась такимъ же ограниченіямъ, какъ flamen. Она носила надъ столою (верхнимъ платьемъ) покрывало, цвѣта молнія, и на головѣ вѣнокъ изъ вѣтвей счастливаго дерева. (Таковыми почитались плодовыя деревья, дубъ и букъ, кромѣ тѣхъ, которыя несутъ черную ягоду). Когда flaminica умирала, то flamen долженъ былъ сложить свою должность.

Отъ этихъ ограниченій должность flaminis дѣлалась весьма тягостною и представляла много препятствій на поприщѣ честолюбія. Flamen не могъ быть полководцемъ, ни консуломъ или преторомъ, развѣ только если онъ находилъ товарища, который его заступалъ внѣ Рима. За то онъ имѣлъ большія почести, общественное зданіе для жилища, голосъ въ Сенатѣ, и курульскія кресла (sella curulis), которыя подавались только высшимъ государственнымъ сановникамъ.

Фламины служили этимъ богамъ, какъ божествамъ мирнымъ; а въ качествѣ боговъ войны Марсу и Кви-

рину, и вмѣстѣ съ ними Юпитеру, служили два братства изъ патриціевъ, такъ наз. *Salii*. Начиная съ 1-го Марта Salii (въ каждомъ братствѣ ихъ было по 12) обходили, подобно Арвальскимъ братьямъ, городъ, мѣрнымъ шагомъ, притопывая ногами въ тактъ (tripudium) и пѣли древнюю пѣсню (axamenta, carmen Saliare), въ которой они призывали по очереди боговъ-защитниковъ отечества и хвалили храбрыхъ, заслуженныхъ Римлянъ. Въ этой процессіи, неоднократно прерываемой для жертвоприношеній и пировъ (epulae Saliares), Salii были одѣты пестрою туникою, съ широкимъ кожанымъ поясомъ на груди, и тогою съ пурпуровою каймою (toga praetexta); въ правой рукѣ они имѣли копья, а въ лѣвой завѣтные щиты, будто ниспосланные съ неба богами, въ залогъ ихъ защиты (ancilia, въ формѣ похожія на 8). По преданію съ неба упалъ только одинъ щитъ, и чтобъ онъ не пропалъ, Нума велѣлъ сдѣлать другіе одиннадцать щитовъ, совершенно подобные первому. Эти щиты хранились на Палатинскомъ и Квиринальскомъ холмахъ въ особенныхъ зданіяхъ (sacraria), откуда брали ихъ для процессіи 1 Марта и куда они возвращались 19 Марта же. Прочее время они оставались нетронутые, кромѣ при всеобщемъ очищеніи оружія и войска и предъ объявленіемъ войны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ fetialis, на котораго возлагалась формальность объявленія войны, входилъ въ храмъ Квиринальскій, ударялъ въ щиты и трясъ копье Марса, говоря: «бодрствуй, Марсъ!»

У Римлянъ какъ у Грековъ было распространено убѣжденіе, что боги являютъ свою волю посредствомъ

грома, молнія, полета и крика птицъ. Для наблюденія надъ этими явленіями и для толкованія ихъ, Нума учредилъ сословіе авгуровъ (augurum). Частныя лица наблюдали такія явленія или сами, или совѣщались для этого съ людьми знающими, но ничего Римляне не предпринимали важнаго безъ авспицій (auspicia). Для дѣлъ государственныхъ, право гаданія (auspicia) принадлежало исключительно царямъ или (въ замѣнъ ихъ) сановникамъ magistratus, консуламъ, преторамъ и пр.; при этомъ однако соблюдался извѣстный порядокъ: предпріятіе, одобренное вслѣдствіе гаданія высшаго сановника, не могло быть остановлено гаданіемъ нисшаго (auspicia majora и minora). Впрочемъ magistratus только назначали время и предметъ гаданія; самые обряды его совершали augures въ присутствіи magistratus. Авгуръ, обращенный лицемъ къ югу, проводилъ посохомъ (lituus) по небу линіи отъ сѣвера на югъ и отъ востока на западъ и ждалъ потомъ явленія. Сѣверо-восточная сторона, какъ самая близкая къ жилищу боговъ (около Сѣвернаго полюса) почиталась самою счастливою стороною: молніе, сверкнувшее въ ней, или птица, пролетѣвшая по этой полосѣ, служили самыми благопріятными предзнаменованіями. Кромѣ того въ однѣхъ птицахъ замѣчали голосъ, напр. въ вòронѣ, ворòнѣ, совѣ; въ другихъ только полетъ, какъ въ орлѣ, коршунѣ и ястребѣ; другія, какъ дятелъ, были знаменательны и полетомъ и крикомъ. Въ этомъ суевѣріи Римляне уступали однако Этрускамъ, развившимъ у себя цѣлую замысловатую систему гаданія; но они сохранили его дольше, нежели Греки, и во все

время язычества они не предпринимали ничего важнаго безъ авспиціевъ.

У Римлянъ, какъ у Грековъ, очагъ служилъ символомъ союза семейственнаго и гражданскаго. Такой очагъ находился въ особенномъ храмѣ, построенномъ по образцу небеснаго свода (tholus), на сѣверо-западномъ склонѣ Палатинской горы и на немъ горѣлъ постоянный огонь. Этотъ очагъ съ огнемъ символически представлялъ государственный союзъ Римскій и назывался Вестою. Идола или изображенія Весты не было у Римлянъ никогда. Однако въ храмѣ Весты хранился какой-то залогъ милости боговъ, будто бы упавшій съ неба, котораго впрочемъ не видалъ никто, кромѣ верховнаго pontifex и старшей изъ Весталокъ. Какой это былъ залогъ, и въ чемъ онъ состоялъ—это вопросъ, который занималъ уже Римскихъ антикваріевъ и подалъ поводъ къ вымыслу разнообразнѣйшихъ преданій.

Для службы Вестѣ и для сохраненія огня Нума избралъ четырехъ дѣвъ Весталокъ; въ послѣдствіи ихъ было шесть, кромѣ начальницы ихъ (Virgo maxima), по двѣ на каждую изъ трехъ патриціянскихъ tribus. Въ Весталки могли поступать дѣвочки только отъ шести до десяти лѣтъ, безъ тѣлеснаго недостатка, у которыхъ были живы отецъ и мать. Выборъ между соискательницами этой должности рѣшался жребіемъ; и когда не было охотницъ до этого званія, то pontifex maximus избиралъ изъ всего народа 20 дѣвочекъ, и изъ нихъ по жребію ту, которая болѣе другихъ будто нравилась богинѣ. По рѣшенію выбора онъ отводилъ ее отъ родителей, говоря: «te, amata, capio». Вступая

въ число Весталокъ, дѣвочка выходила изъ-подъ власти отца, обязывалась къ тридцатилѣтнему служенію Вестѣ и безбрачію; по истеченіи этого срока она могла сложить съ себя это званіе и вступать въ бракъ. Старшая Весталка имѣла надзоръ надъ прочими. Небрежность въ исправленіи обязанностей наказывалась розгами, особенно когда вслѣдствіе ея потухалъ огонь на очагѣ Весты. Весталокъ наказывалъ верховный pontifex собственноручно, и въ этотъ день городъ облекался въ трауръ, а огонь зажигался посредствомъ чистыхъ лучей солнечныхъ. Нарушеніе цѣломудрія неминуемо влекло за собою смертную казнь, по опредѣленію коллегіи pontificum, верховнаго мѣста для всѣхъ религіозныхъ дѣлъ. Обольстителя сѣкли до смерти на forum, а виновную Весталку выносили въ закрытыхъ носилкахъ къ Коллинскимъ вратамъ. Здѣсь вырывали въ городскомъ валѣ глубокую и просторную яму; въ ней ставили хлѣба, воды, молока, масла, зажженную лампаду и растилали постель. Потомъ сходила въ нее по лѣстницѣ Весталка, послѣ чего вынимали лѣстницу и зарывали яму. Впрочемъ такіе случаи были рѣдки; въ Римской исторіи до Домиціана упоминается всего о тринадцати Весталкахъ, осужденныхъ на такую смерть.

Такой строгости соотвѣтствовало также значеніе Весталокъ въ Римской религіи. Римскій народъ твердо вѣрилъ, что благо и существованіе государства обезпечены, пока ежемѣсячно въ Иды Весталки въ молчаніи, съ Pontifex впереди, совершали торжественное шествіе въ Капитолій съ жертвою Юпитеру.

Дѣвамъ, творившимъ молитвы за благо города у очага его, Римляне оказывали всевозможныя почести. Онѣ жили въ публичномъ зданіи, при храмѣ Весты (atrium Vestae), на углу Римскаго forum и Священной дороги; содержаніе получали онѣ отъ казны; предъ судомъ достаточно было одного увѣренія ихъ безъ присяги и заступничество ихъ въ пользу обвиненнаго никогда не оставалось безъ успѣха. Онѣ однѣ могли ѣхать по городу; всѣмъ прочимъ Римлянамъ это было запрещено. Въ театрѣ онѣ занимали самое почетное мѣсто, близь сцены, въ proscenium, куда садились также Императрицы, насупротивъ ложи того, кто давалъ представленія. Когда Весталка являлась въ народѣ, одѣтая бѣлою столою съ пурпуровою каймою, съ повязкою на головѣ, концы которой (infulae) висѣли по плечамъ, то ликторъ расчищалъ предъ нею дорогу и даже консулы уступали ей мѣсто или вставали съ своихъ креселъ (sella curulis), чтобъ поклониться ей. Когда съ нею встрѣчался преступникъ, котораго вели на казнь, то наказаніе отмѣнялось или смягчалось.

Римляне были очень привязаны къ этому учрежденію и сохранили его до конца IV столѣтія по Р. Хр., когда прекратили казенное содержаніе Весталкамъ.

Подъ вліяніемъ Этрусковъ и Грековъ Римская религія приняла характеръ болѣе анѳропоморфическій. Тарквиніи построили въ Римѣ на Капитоліи храмъ Юпитеру съ тремя отдѣленіями и помѣстили въ нихъ Юпитера въ срединѣ, супругу его Юнону по одной сторонѣ, Минерву по другой.

Какъ Юнона заняла мѣсто древней Bona dea, покло-

неніе которой ночью однажды въ годъ однако не прекращалось, Юнона стала покровительницею Римскихъ женщинъ, которыя съ тѣхъ поръ клялись Юноною, какъ мужья гсніемъ. Она блюстительница браковъ, помогаетъ въ качествѣ Juno Lucina родильницамъ, охраняетъ новорожденныхъ дѣтей, и потому ставили ей въ каждомъ домѣ послѣ рожденія дитяти чистый столъ, накрытый бѣлою скатертью, съ зажженными свѣчами. Ей въ честь женщины (matronae) отправляли праздникъ, 1 Марта, Matronalia, calendae feminarum. Въ этотъ день женщины, поклонницы Junonis Lucinae, съ распущенными волосами и платьемъ (solutis nodis) [1]), совершали шествіе къ храму богини на Эсквилинской горѣ и приносили ей цвѣты, болѣе всего угодные этой богинѣ. Впрочемъ праздникъ этотъ сопровождался для женщинъ такимъ же веселіемъ, радостію и сюрпризами, какъ Saturnalia для мущинъ.

Минерва Римлянъ существенно отличается отъ Паллады Грековъ. Она трудолюбивая и умная дочь Юпитера, покровительница наукъ, ремеслъ и искусствъ. Празднество ея, quinquatrus, продолжавшееся отъ 20 до 25 Марта, было вакаціоннымъ временемъ для учащагося юношества. Съ этими праздниками наступалъ новый учебный годъ; учителя, художники и врачи получали въ эти дни плату, условленную за ихъ труды,— minerval.

Кромѣ введенія новыхъ божествъ, Тарквиніи видоизмѣнили Римскую религію еще тѣмъ, что они выста-

---

[1]) Ovid. Fast. 3, 258; ut solvat partus molliter illa suos.

вляли въ храмахъ идолы богамъ, стали приносить жертвы животныя и распространили суевѣріе, будто можно изъ сердца, легкихъ, печенки и почекъ закланныхъ животныхъ угадывать будущее и волю боговъ. Впрочемъ это искусство Этрусское, haruspicina, всегда оставалось чѣмъ-то чуждымъ для Римлянъ. Гадателями по внутренностямъ жертвъ, haruspices, всегда были Этрусски, и хотя Римскіе полководцы и сановники неоднократно прибѣгали къ этому суевѣрію, однако они часто издѣвались надъ нимъ и, когда предвѣщаніе haruspicis было неблагопріятно, они возобновляли жертвоприношеніе до тѣхъ поръ, пока они получали предвѣщаніе согласное съ своимъ желаніемъ.

Сверхъ того Тарквиніи построили въ Римѣ циркъ и учредили въ немъ игры въ честь Капитолинскихъ божествъ, ludi circenses, maximi или romani. Играмъ предшествовала торжественная процессія, pompa circensis, изъ Капитолія чрезъ forum къ циркy. Впереди шли юноши, дѣти всадниковъ, equitum, верхомъ; прочіе пѣшкомъ, разставленные чинно въ рядахъ и отдѣленіяхъ. За ними слѣдовали возницы на колесницахъ въ четверки и пары и верхомъ на скакунахъ; потомъ шли бойцы, одѣтые короткими передниками. Плясуны въ оружіяхъ шли тремя отдѣленіями: взрослыхъ, несовершеннолѣтнихъ (impuberes) и дѣтей, съ игроками на флейтѣ и киѳарѣ. За ними ряды шутовъ и фигляровъ, въ пестрыхъ, косматыхъ одеждахъ и козлиныхъ шкурахъ, плясали, представляя Сильвановъ и Фавновъ, и передразнивали мѣрную военную пляску предшествовавшихъ имъ плясуновъ. Хоръ музыкантовъ, живот-

ныя, убранныя для жертвоприношенія, въ сопровожденіи толпы жрецовъ, съ сосудами, на которыхъ во всю дорогу курились травы, и наконецъ изображенія боговъ на носилкахъ (tensae) и богатыхъ колесницахъ заключали эту помпу. Боговъ въ этой процессіи провожали, кромѣ жрецовъ, высшіе сановники въ шитыхъ золотомъ, пурпуровыхъ тогахъ (toga palmata) съ золотыми вѣнками. Въ циркѣ жрецы съ магистратами совершали жертвоприношеніе, и за тѣмъ подавали знакъ къ начатію игръ. Игры состояли: 1) въ бѣгахъ на колесницахъ (quadrigae, bigae); 2) въ гимнастическихъ состязаніяхъ (certamina gymnica), кулачномъ боѣ (pugillatus), борьбѣ (lucta), бѣгѣ въ запуски (cursus), пляскѣ военной (pyrrhichia saltatio) и метаніи диска и другихъ; 3) въ конныхъ маневрахъ (ludus Trojae) знатныхъ юношей Римскихъ; 4) въ боѣ съ дикими звѣрьми (venatio). Послѣдній родъ увеселеній болѣе другихъ нравился въ позднѣйшія времена суровымъ, жестокосердымъ Римлянамъ. Въ немъ съ звѣрьми боролись или звѣри, или еще чаще люди, по найму и по опредѣленію суда (bestiarii, ad bestias condemnare) [1]).

---

[1]) Этрусскаго же происхожденія были игры гладіаторскія, введенныя въ Римѣ въ первый разъ Д. Юніемъ Брутомъ 264 г. до Р. Хр., который хотѣлъ ими почтить память умершаго отца своего. Эти зрѣлища съ зрѣлищами въ циркѣ были болѣе всѣхъ другихъ по вкусу Римлянъ, и вскорѣ у нихъ завелись даже школы гладіаторскія (ludi gladiatorii), въ которыхъ подъ руководствомъ учителя (lanista), обучались искусству фехтованія невольники, отданные сюда въ ученіе, или бродяги и негодяи, продавшіе свои силы и жизнь.

Кромѣ этой государственной религіи у Римлянъ была еще, такъ сказать, частная. Кругъ ея былъ весьма обширенъ. О ларахъ, пенатахъ уже упомянуто выше; сюда же можно отнести поклоненіе deorum manium, душъ умершихъ родственниковъ, еще послѣ смерти будто благодѣтельствующихъ роднымъ, и геніевъ (genius).

Сверхъ того въ составъ этой частной религіи входитъ обоготвореніе отвлеченныхъ понятій и олицетвореніе житейскихъ отношеній. Къ такимъ божествамъ, олицетвореніямъ нравственныхъ качествъ и житейскихъ отношеній принадлежатъ: Вѣрность, Надежда, Разсудокъ, Милосердіе, дѣтская Любовь, Стыдливость, Согласіе, Побѣда (Fides, Spes, Mens, Clementia, Pietas, Pudicitia, Concordia, Victoria, Libertas) и другія. Имъ посвящены были жервенники и храмы; но поклонялись имъ преимущественно тѣ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ жизни испытали важность и силу или потребность этихъ качествъ и отношеній. Самое признаніе такихъ божествъ и посвященіе имъ жертвенниковъ или капищъ происходило обыкновенно по поводу имен-

---

Гладіаторы сражались всегда по два, съ разными оружіями (отъ чего и разныя ихъ названія: retiarii, mirmilones, samnites, thraces и пр.). Поединки обыкновенно оканчивались смертію одного изъ гладіаторовъ. Предъ нанесеніемъ противнику смертельнаго удара, побѣдитель обращался къ зрителямъ, которые движеніемъ пальца (pollicem premere — знакъ помилованія, pollicem vertere — знакъ, которымъ требовалась смерть) рѣшали участь несчастнаго. Гладіаторскія игры давались въ амфитеатрахъ.

но подобныхъ случаевъ. Римлянина, осужденнаго на голодную смерть, долгое время кормила дочь собственнымъ молокомъ. Когда это узнали, то самоотверженіе дочери возбудило всеобщее состраданіе и удивленіе, и казнь была отмѣнена, а мѣсто, гдѣ это случилось, посвящено божеству *Pietas*. Женщины патриціянскія имѣли древнее капище Стыдливости (Pudicitiae), въ которомъ онѣ по временамъ собирались для молитвъ. Виргинія, изъ патриціянской фамиліи, вышла за плебейца Волумнія. Хотя браки патриціевъ съ плебеями въ то время уже были позволены закономъ, однако гордыя патриціянки исключили Виргинію изъ своихъ собраній. Тогда она собрала у себя нѣсколько женъ изъ плебеянокъ, и отдѣлила часть своего дома для посвященія въ ней капища Плебейской Стыдливости.

Въ войнѣ противъ Галловъ, при рѣкѣ По, М. Марцеллъ совершилъ въ пылу сраженія обѣтъ построить храмъ чести и храбрости, ожидая побѣду отъ дѣйствія этихъ качествъ. На самомъ дѣлѣ, онъ одержалъ побѣду. Но такъ какъ по понятіямъ Римлянъ нельзя было поклоняться двумъ божествамъ (кромѣ нѣкоторыхъ) въ одномъ храмѣ, то онъ построилъ два храма одинъ возлѣ другаго и соединилъ ихъ между собою: въ храмъ чести можно было входить только чрезъ храмъ храбрости.

Во времена внутреннихъ междоусобій между разными сословіями воздвигаемы были храмы Согласія (Concordia). Ихъ было въ Римѣ три.

Такимъ образомъ построены были въ Римѣ множество капищъ нравственнымъ силамъ, управляющимъ

человѣческою судьбою. Конечно для этого требовалось дозволеніе отъ pontifices, которые, будучи избираемы изъ среды народа, никогда не отказывали въ томъ, если только соблюдались принятыя формальности.

Сверхъ благихъ нравственныхъ силъ въ составъ Римскаго язычества входили также вредныя силы природы и общества. Имъ Римляне поклонялись со страхомъ для отвращенія вреда ихъ. Такъ въ Римѣ находились три храма богини Лихорадки (Febris), Несчастія (mala Fortuna), капище Orbonae или Бездѣтности, въ которомъ родители молили о пощадѣ единственнаго ихъ дитяти въ опасной болѣзни.

Замѣчательно, что Римляне приписывали чрезвычайно много дѣйствія на жизнь и участь людей и общества случаю, fors fortuna. Ни одно изъ божествъ, олицетвореній житейскихъ отношеній и нравственныхъ силъ, не имѣло столько храмовъ и жертвенниковъ въ Римѣ, сколько *Случай*. Были здѣсь храмы для Fortuna privata, publica, Фортуна дня, Fortuna diei, Fortuna Seja, т. е. счастья при посѣвѣ, Фортуна женщинъ, дѣвицъ, мужей, всадниковъ, Fortuna equestris; наконецъ каждое сословіе и родъ имѣли свою Фортуну и поклонялись ей. Царь Сервій Туллій, котораго перемѣнчивое счастіе вошло въ пословицу, соорудилъ шесть капищъ Фортуны подъ разными наименованіями. Между ними болѣе собиралось поклонниковъ въ древнемъ храмѣ случайной Фортуны, Fors Fortuna, который находился внѣ города, въ публичномъ садѣ, принадлежавшемъ Юлію Цезарю и потому названномъ Цезаревскимъ, за Тибромъ, гдѣ жили преимущественно ремесленники.

24-го Іюня здѣсь собирались на поклоненіе всѣ, которые обязаны своимъ пропитаніемъ или счастіемъ случаю, преимущественно черный народъ, пѣшкомъ или по рѣкѣ въ лодкахъ, убранныхъ зеленью и цвѣтами. Здѣсь они располагались на травѣ и въ палаткахъ, вокругъ храма, пировали, забывая свои горести въ упованіи на случай и припоминая добраго Сервія Туллія, который изъ сына невольницы сдѣлался царемъ Рима. Въ этотъ день, по словамъ Овидія, не стыдно было возвращаться домой на веселѣ.

Таковымъ представляется характеръ древней Римской религіи. Надзоръ за ея обрядами имѣли *pontifices* первоначально 4, потомъ 8, которые составляли collegium подъ предсѣдательствомъ *pontificis maximi*. Въ этомъ собраніи хранились всѣ преданія о народной религіи, собранныя въ libri pontificum, правила для совершенія обрядовъ поклоненія богамъ; въ немъ же рѣшались всѣ сомнительные вопросы религіозные. На этихъ pontifices было возложено также устройство календаря. Pontifices избирались изъ числа Римскихъ гражданъ, но коллегіею pontificum (cooptatio); одинъ только pontifex maximus избирался изъ числа pontificum въ народныхъ собраніяхъ, составленныхъ изъ 17 трибъ, по жребію.

Введеніе новыхъ обрядовъ и новыхъ божествъ, особенно чужеземныхъ, требовало дозволенія Сената. Однако при шаткости и неясности религіозныхъ понятій Римлянъ, Римская религія не могла не подвергнуться вліянію иноземному. Народонаселеніе Рима составилось и росло отъ стеченія въ немъ разнород-

нѣйшихъ элементовъ, которые каждый принесли съ собою свои божества и свои обряды. Плебеи уже внесли въ Римъ своихъ боговъ антропоморфическихъ [1]). На Авентинской горѣ, мѣстѣ поселенія плебеевъ, стоялъ храмъ Діаны, общій для Латинцевъ и Римлянъ, построенный Сервіемъ Туллiемъ. Меркурій, богъ дарующій прибыль купцамъ и торговцамъ, былъ богомъ преимущественно плебейскимъ. Поклоненіе Церерѣ, богинѣ земли, съ дѣтьми ея Liber и Libera, принадлежало плебеямъ. Храмъ этихъ божествъ, у подошвы Авентинской горы, служилъ вмѣстѣ архивомъ для законовъ, составленныхъ въ пользу плебеевъ.

Кромѣ того Сенатъ, по поводу извѣстныхъ случаевъ, опредѣлялъ введеніе въ Римѣ иностранныхъ и Греческихъ божествъ съ ихъ обрядами. Касторъ и Поллуксъ, полубоги, близнецы, у Римлянъ стали богами-покровителями сословія всадниковъ. Сверхъ того введены здѣсь Аполлонъ, Эскулапъ изъ Эпидавра, Венера съ горы Эриксъ въ Сицилiи, наконецъ *Кибела*, великая мать боговъ, изъ Пессинунта въ Малой Азіи. Римскіе солдаты познакомились въ походахъ противъ Митридата съ великолѣпными и пышными обрядами поклоненія Ассирійской богинѣ Анаитисъ. Въ Римѣ они ввели это поклоненіе и соединили его съ поклоненіемъ Беллоны, *Bellona,* олицетворенія войны, которой храмъ находился на Марсовомъ полѣ.

---

[1]) Больше подробностей объ этомъ можно найти въ Andeutungen über den ursprüngl. Religions-Unterschied der Patricier und Plebejer. Pellegrino.

Такимъ образомъ чужеземные обряды проникли въ Римъ и вытѣснили древніе національные. При всемъ томъ между древними чисто-Римскими божествами и новыми иностранными господствовало разительное различіе.

Публичные праздники съ играми были опредѣлены только въ честь матери боговъ, *Кибелы*, тотчасъ при допущеніи ея поклоненія въ Римѣ. Праздникъ ея, Мегалезіи (отъ *μέγας* большой) въ Апрѣлѣ сопровождался сценическими представленіями и маскарадами. Въ честь Аполлона и Цереры установлены праздники съ драматическими представленіями только въ слѣдствіе особыхъ оракуловъ, ludi Apollinares 212 г., Cerealia 202 г. до Р. Хр. Этимъ чужеземнымъ празднествамъ Римская литература обязана развитіемъ Римской драмы, хотя и не происхожденіемъ. Но Діана, Касторъ и Поллуксъ, Меркурій, Эскулапъ и Венера не имѣли публичныхъ празднествъ, и неистовые обряды поклоненія Вакха (Bacchanalia) были строго запрещены. Римскій *Liber*, сынъ Цереры, въ сравненіи съ Вакхомъ, скромный юноша, богъ трудолюбивыхъ крестьянъ, которые чтили его, въ праздникъ 17-го Марта, болѣе медомъ и медовыми пирожками, нежели виномъ.

Сверхъ того иностранные обряды, введенные въ Римѣ, всегда оставались чуждыми Римлянамъ еще потому, что ими распоряжались всегда жрецы иностранные. Жрецы Цереры были обыкновенно родомъ изъ Неаполя или Веліи, Греческой части Италіи; обряды поклоненія Кибелы и Беллоны сохраняли и въ Римѣ свой Азіятскій характеръ. Въ неистовыхъ процессіяхъ

Кибелы, въ которыхъ жрецы ея Galli, изъ Галатіи въ Малой Азіи, сѣкли себя до крови и собирали милостыню, не участвовалъ ни одинъ Римлянинъ.

Въ Египтѣ и въ Греческой Азіи уже за нѣсколько вѣковъ было обыкновеніе обоготворять царей и другихъ людей и воздавать имъ еще при жизни божескія почести. Императоръ Августъ уступилъ желанію Азіятскихъ Грековъ воздавать ему при жизни божескія почести и позволилъ построить въ Пергамѣ и Никомидіи храмы ему и Риму. Но въ Римѣ онъ настойчиво противился этому; однако здѣсь утвердилось по крайней мѣрѣ обыкновеніе признавать по опредѣленію Сената умершихъ Императоровъ (apotheosis) богами.

Нѣсколько времени до Р. Хр. въ Римѣ проникли обряды Египетскіе съ божествами Изисъ и Сераписъ. *Изисъ,* олицетворенная земля, Египетъ, изсохшая отъ зноя солнечнаго. *Озирисъ,* супругъ ея, олицетворенный Нилъ съ каналами, разливающійся изъ береговъ и тѣмъ оплодотворяющій землю. Разлитіе Нила непродолжительно, отъ Августа до Ноября; Озирисъ вскорѣ умираетъ. Затѣмъ слѣдуютъ дни печали Изисъ, которая ищетъ своего Озириса, убитаго и растерзаннаго Тифономъ, песками пустыни. По прошествіи нѣкотораго времени Озирисъ опять возраждается и распространяетъ радость по землѣ Египетской, *ἔυρεσις*. Хотя Озирисъ опять оживаетъ, однако онъ вмѣстѣ съ тѣмъ царствуетъ въ преисподней, какъ строгій и милостивый Сераписъ. Поклоненіе Серапису было весьма важно для Египтянъ, которые вѣрили, что послѣ смерти душа человѣческая проходитъ много степеней разви-

тія и переселяется въ тѣла разныхъ животныхъ, злыхъ или полезныхъ, по опредѣленію Сераписа.

Римская чернь съ жадностію приняла у себя это ученіе; запрещенія Сената и Консуловъ остались безъ успѣха, и когда въ 50 г. до Р. Хр. консулъ Л. Эмилій Павлъ хотѣлъ разрушить храмъ Изиса и Сераписа, то не нашлось работниковъ, которые бы рѣшились на это, и Эмилій Павлъ собственноручно долженъ былъ сломить двери храма. Вопреки многократнымъ запрещеніямъ и гоненіямъ, поклоненіе Изиса и Сераписа утвердилось между Римлянами при Императорахъ изъ дома Флавіевъ и Императоры Коммодъ, Каракалла и Александръ Северъ оказывали ему даже особенную привязанность.

Со временемъ проникли сюда еще другіе чужеземные обряды изъ Азіи, какъ напр. Персидское поклоненіе Митраса, посредника между Ормуздомъ и Аримановъ, злымъ и добрымъ началомъ въ мірѣ; поклоненіе Сирійской богини, поклоненіе Солнца при Геліогабалѣ и др. Ибо Римская религія давно уже утратила свой первоначальный характеръ и силу.

ЛАТИНСКІЯ ИМЕНА ГРЕЧЕСКИХЪ БОЖЕСТВЪ.

Адъ — Pluto
Аресъ — Марсъ.
Артемида — Diana.
Асклепій — Aesculapius.
Афродита — Venus.
Аѳина — Minerva.
Гестія — Vesta.
Гера — Юнона.
Гермесъ — Меркурій.
Гефестъ — Vulcanus.
Деметра — Ceres
Діонисъ — Liber. Bacchus.
Зевсъ — Jupiter.
Илиѳія — Lucina.
Персефона — Proserpina. Libera.
Кроносъ — Сатурнъ.
Мойры — Parcae.
Музы — Camenae.
Палемонъ — Portunus.
Панъ — Faunus.
Посидонъ — Neptunus.
Эриніи — Furiae.
Эросъ — Amor, Cupido.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авгуры, авспиціи 124.
Адметъ 71.
Адонисъ 90.
Аидъ, Адъ, Адоней 10, 12, 92.
Алоиды 68, 91.
Амвросія 7.
Амбарваліи 117.
Анѳестеріонъ 95, 108.
Апатурія 60.
Аполлонъ 16, 67—82, 135.
Аполеозъ 137.
Аргосъ 56
Аресъ 16, 91.
Аріадна 105.
Артемида 17, 82—85.
Афродита 9, 17, 89.
Ахеронъ 12.
Аѳамасъ 89, 101.
Аѳина 16, 56—65.
Беллона 135.
Bona dea 115.
Вакханаліи 134.
Венера 135.
Vertumnus 115.
Веста, Весталки 121, 125.
Вузигъ 58.

Гая 8.
Ганимедъ 18.
Геба 18.
Гера 10, 16, 55, 56.
Гермесъ 17, 93, 106.
Герои 19.
Гефестъ 17, 65.
Гестія 10, 18.
Гиганты 9.
Гимнопедіи 78.
Гиперборейцы 72.
Гіяды 3.
Гладіаторскія игры 130.
Горы (Ногае) 17.
Гранатка 56, 95.
Дафнефоріи 77.
Делосскій праздникъ 74.
Дельфы 75, 79, 80.
Дельфиніонъ 73.
Деметра 10, 92—100.
Демоны 19.
Демофонтъ 99.
Діана 114, 135.
Діона 3.
Діонисъ 93, 101, 105.
Діонисіи 103, 104.
Додона 2.
Дорида 14.
Екатонхиры 11.
Ската 23, 94.
Загрей 105, 110.
Зевсъ 2, 10, 15, 44—55.
Изисъ 137.
Икарій 102.
Илиѳіи 56.
Ино 89, 101.
Ирисъ 17.
Исѳмійскія игры 88.
Ифигенія 84.
Іакинѳіи 78.
Іо 56.
Карнеи 78.
Квиринусъ 120, 121.
Кибела 135, 136.
Киклопы 9, 11.
Кокитъ 12.
Кора 93.
Кронось 9.
Куриты 47.
Лампадофоріи 67.
Лары 115.
Леархъ 89.
Левкоѳея 89.
Ленейскіе праздники 103.
Liber 135, 136.
Ликургъ 102.
Лихорадка 133.
Lupercalia 116.
Магія 23.
Марсъ 118, 120, 121.
Мая 106.
Manes 131.
Мегалезіи 136.
Медуза 60.
Меликертъ 89.
Меркурій 135.
Минерва 128.
Митисъ 11, 57.
Мнимосина 10.
Мойры 10, 48.
Музы 10, 18.
Нектаръ 7.
Немейскія игры 54.
Нерей, Нереиды 14.
Нимфы 19.
Ниса 101.
Одеонъ 63.
Озирисъ 137.

Океанъ 12.
Олимпъ 15 и д.
Олимпійскія игры 48.
Опсъ (Ops) 114.
Оракулы 13, 79, 81.
Оргіи 104, 105.
Орфей, Орфики 109 и д.
Палемонъ 89.
Palilia 117.
Паллада, палладій 56, 61.
Панъ 20.
Панаѳинейскіе праздники 62.
Паніонійскіе праздники 87.
Парѳенонъ 59.
Пеліяды 2.
Пенаты 115.
Пенѳей 102.
Персефона 12, 92—96.
Pietas 132.
Пирифлегеѳонъ 12.
Пиѳія 81.
Плутонъ 92.
Помона 115.
Посидонъ 10, 14, 85.
Протей 15.
Рея 10.
Салійское братство 123.
Сатиры 20, 102.
Сатурнъ 114.
Сатурналіи 118.
Селлы 2.
Семела 101.
Сераписъ 137.
Сивиллы 70.
Силенъ 102.
Случай 133.
Стыдливость 132.
Согласіе 132.
Стиксъ 12.
Судьба 7.
Тартаръ 8.
Terminus, Terminalia 117.
Титаны 8, 11, 105, 111.
Трезубецъ 85.
Тритонъ 15.
Триптолемъ 96.
Фаллосы 106, 114.
Faunus, Fauna 115.
Фебъ 16, 67.
Flamen 121.
Форкисъ 121.
Fortuna 133.
Хаосъ 8.
Храбрость 132.
Хѳонническіе боги 18, 92.
Церера 135.
Циркъ 129.
Честь 132.
Эге 14, 87.
Элевзисъ 99.
Энносигей 10, 14.
Эрехѳеонъ 61.
Эригона 102.
Эриніи 9.
Эросъ 8.
Эскулапъ 135.
Юнона 127.
Юпитеръ 120.
Янусъ 114.
Ѳаргеліи 73.
Ѳемида 17, 70.
Ѳеогоніи 7, 8.
Ѳесмофоріи 98.
Ѳіона 102.
Ѳіяды 104.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	19,	строка	4	съ низу,	читай: бытію.
»	55	»	3	»	» что ἦρα.
»	90	»	11	съ верху	» красота.
»	106	»	1	съ низу	» Rom.

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 011 765 0